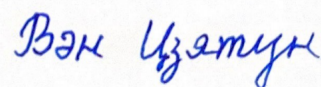


Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический
университет»

На правах рукописи



Вэн Цзятун

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКА,
ФРАЗЕОЛОГИЯ, ОНОМАСТИКА**

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Супрун В. И.

Волгоград

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Историко-лингвистические основы анализа состояния китайских заимствований в русском языке	
1.1. История взаимодействия русского и китайского языков.....	11
1.1.1. Первый достоверный документ о русско-китайских отношениях.....	13
1.1.2. Русско-китайские связи в XVIII и XIX веках.....	17
1.2. История слов китайского происхождения в русском языке.....	23
1.2.1. Лексема <i>жемчуг</i> в русском языке и ее китайские корни.....	23
1.2.1.1. Лексема <i>жемчуг</i> в русской поэзии.....	31
1.2.1.2. Лексема <i>жемчуг</i> в русской ономастике.....	40
1.2.2. История слова <i>шелк</i> в русском языке.....	49
1.2.3. Слово <i>книга</i> в русском языке и его китайские корни.....	59
1.2.4. Китаизм <i>чай</i> и его дериваты в русском языке.....	62
1.2.5. Термин <i>женьшень</i> в русской и китайской лингвокультурах.....	74
Выводы по главе I.....	81
Глава II. Историческое развитие номинаций китайских реалий в русских текстах	
2.1. Китаизмы в книге Г. Спасского о путешествии Ивана Петлина в XVII веке.....	85
2.2. Китаизмы в документах Петровского времени.....	88
2.3. Китаизмы в переводном произведении XVIII века о Китае.....	103
2.4. Китаизмы в сообщениях о Китае в русских журналах XIX века.....	115
2.5. Китаизмы в книге академика В. А. Обручева о путешествии в Китай...127	
2.6. Китаизмы в переводном тексте китайской сказки «Мохнатая лисица».....	151
Выводы по главе II.....	157
Глава III. Номинации современных китайских реалий в русском языке	

3.1. Становление китайского литературного языка и его диалектное разнообразие.....	160
3.2. Система транскрипции китайского языка латиницей и кириллицей: пиньинь и палладица.....	165
3.3. Транскрипционные синонимы: варианты записи китайских слов в палладице.....	172
3.4. Современные китайские реалии в русском языке: калькирование.....	180
3.4.1. Наименование китайских реалий в русских и русскоязычных СМИ: названия органов власти, предприятий, учреждений.....	182
3.4.2. Перевод и калькирование названий административно-территориальных единиц Китая в русском языке.....	190
3.4.3. Перевод и транскрипция в использовании китайских урбанотерминов и урбанонимов в русском тексте.....	196
3.5. Современные китайские реалии по-русски: лингвокультурные особенности.....	205
3.5.1. Наименования китайских праздников: транскрипция и перевод.....	205
3.5.2. Наименования китайских блюд в переводе и транскрипции.....	211
3.5.3. Китайские термины родства в русском тексте: перевод и транскрипция.....	220
Выводы по главе III.....	224
Заключение.....	227
Список использованной литературы.....	233
Список словарей и энциклопедий.....	267
Список печатных и электронных источников.....	272
Приложения.....	278

ВВЕДЕНИЕ

По мере стремительного развития экономики и глобализации науки и техники, расширения межгосударственных контактов происходит обмен информацией в различных сферах деятельности, при этом возникают и развиваются возможности для взаимодействия народов всего мира, более или менее детального ознакомления с историей, культурой, особенностями политической и экономической жизни друг друга.

Проблема заимствований из одного языка в другой давно уже находится в сфере интересов лингвистов разных стран. В связи с тем, что процессы глобализации ускоряются, современные средства коммуникации сближают страны и народы, появляются постоянно обновляющиеся источники, описывающие жизнь соседних и далёких государств, в язык проникают всё новые и новые заимствования, номинирующие реалии других народов. Укрепляющиеся отношения между Россией и Китаем, русским и китайским народами приводят к увеличению количества, расширению и развитию коммуникативных возможностей китаизмов в современном русском языке. Помимо явных заимствований, растёт число калек, номинирующих китайские реалии, описывающих путём буквального перевода фразеологизмы и устойчивые сочетания китайского языка. В переводных и оригинальных текстах фигурируют традиционные и новые китайские онимы, что отражает нынешнее состояние транскрипции и транслитерации.

По-прежнему актуальной является разработка теоретических положений межъязыкового заимствования, определения новых тенденций проникновения единиц одного языка в другой, их фонетической, морфологической, лексико-семантической адаптации. Большинство работ о заимствованиях в русском языке, о китаизмах ориентировалось на

этимологию слов, касалось причин их проникновения в русский язык, исследования же заимствований и, прежде всего, калек как способа отражения китайских реалий в современных художественных и публицистических текстах не проводилось.

Актуальность диссертационного исследования заключается в том, что в современных условиях международных и межъязыковых контактов существует необходимость определить количественные и качественные характеристики китаизмов в современном русском языке, выявить их фонетические, морфологические, лексико-семантические черты, особенности использования в произведениях художественного и публицистического стилей.

Объект исследования – лексические и фразеологические заимствования из китайского языка, встречающиеся в русских художественных и публицистических текстах.

Предмет исследования представляет собой описание путей проникновения китаизмов в русский язык, их фонетическое, морфологическое, лексико-семантическое освоение, включение в русский художественный и публицистический тексты.

Источниками настоящего исследования являются русские и китайские литературные и публицистические произведения в оригинальном и переводном вариантах, включающие китайские заимствования.

Материал диссертации составила картотека автора, включающая более пяти тысяч словоупотреблений китайских лексических заимствований, лексико- и фразеосемантических калек, онимов различных разрядов.

Цель исследования заключается в выявлении функционирования номинаций китайских реалий в текстах художественного и публицистического стиля на русском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- описать взаимодействие русского и китайского языков в различные периоды истории и в современном состоянии;

- выявить и классифицировать китайские заимствования в художественных произведениях, написанных русскими писателями, и в произведениях китайских писателей, переведённых на русский язык;

- выявить китайские заимствования в текстах публицистического стиля на материале газет, журналов и Интернета;

- проанализировать процессы калькирования русским языком при номинации китайских реалий;

- провести анализ выявленных заимствований в лингвокультурологическом аспекте.

Методологической основой диссертации послужили общелингвистические положения об историческом развитии языка, межъязыковых контактах и отражении их в лексико-грамматической системе, о пополнении лексики путем заимствований.

Основным **методом** исследования является описательный, представленный приемами классификации, количественных подсчетов и др. Кроме того, используется типологический метод и элементы сравнительно-исторического метода при анализе функционирования единиц в русском и китайском языках.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые описаны китаизмы с точки зрения их истории появления в русском языке, функционирования в текстах разных стилей, деривационной активности и стилистической роли. Впервые описаны заимствования из китайского языка в

виде очерков истории слов в русском языке, рассмотрены номинации современных китайских реалий в русском языке.

Теоретическая значимость определяется вкладом исследования в историческую лексикологию русского языка, в сопоставительное исследование русского и китайского языков, в лексикографию заимствованной лексики в русском языке.

Практическая ценность заключается в том, что результаты проведённого исследования могут найти применение в практике преподавания русского языка в школе и вузе, а также при изучении русского языка как иностранного китайскими студентами.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в качестве докладов на конференциях в Волгограде, Москве, Элисте, Оренбурге, Донецке и Жешуве (Польша). Содержание работы раскрыта в 11 научных публикациях общим объемом 4,9 п.л., из них 5 статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, и 6 статей в изданиях, включенных в базу РИНЦ. Основные положения работы обсуждались на кафедре русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Положения, выносимые на защиту:

1. Взаимодействие русского и китайского языков насчитывает несколько веков. Первые контакты русских и китайцев состоялись в XVII веке, что привело к появлению в русском языке китаизмов. Учитывая типологическое отличие двух языков, при освоении китаизмов русским языком они получали грамматические характеристики и фонетическое приспособление к языку-реципиенту. В числе китаизмов в русском языке

были слова, относящиеся к реалиям китайской жизни (*чай, шелк, жемчуг, женьшень* и др.).

2. Значительное число китаизмов пришло в русский язык через тюркское посредничество, в результате чего они были предварительно приспособлены к тюркской фонетике, а затем прошли периода адаптации в русском языке. К числу первых китаизмов в истории русского языка относится лексема *жемчуг*, которая в китайском языке образована путем соединения слогоморфем 珍珠 ‘драгоценный шарик/бисер’. В русском языке произошло освоение тюркской лексемы *чиңчи* с добавлением к ней финали -г по модели с суффиксом и финалью -уг/-юг (*овсюг, круг, плуг, струг, утюг, битюг, сычуг* и др). В русском языке слово впервые встречается в форме *жънчюгъ* ещё в 1161 году. Лексема *жемчуг* вошла в активный словарный запас русского языка, она стала основой многих дериватов, от нее были образованы антропонимы, топонимы и урбанонимы в русском языке. Через тюркское посредничество пришла в русский язык лексема *чай*, восходящая к китайскому слову 茶, в тюркских языках приобрела финаль [i/j].

3. Китаизмы приходили в русский язык также сложным путем через несколько языков, включая западноевропейские. Лексема *шелк* была заимствована манчжурами и монголами, у которых ее взяли у византийцы и латиняне. Топоним *Sēres* буквально в латинском языке понимался как ‘Государство, богатое шёлком’. У греков или римлян варяги заимствовали название шёлка, преобразовав его в *silki*. Восточные славяне закономерно преобразовали это слово в *шьлкъ*.

4. Запись китаизмов в русских текстах XVII-XX вв. могла быть весьма удаленной от реального звучания в китайском языке по следующим причинам: а) отсутствие строгих правил транскрипции китайских слов по-русски (палладица была окончательно разработана в конце XIX века); б) с

XVIII века в китайском языке произошли изменения в произношении слов, запись же китаизма в книгах может отражать прежнее звучание лексемы; в) книги и статьи могли быть написаны на иностранном языке, при их переводе на русский происходило влияние иноязычной транскрипции на оформление китаизма; г) в китайском языке существуют значительные отличия между диалектами, в тексты могло попасть диалектное произношение единицы; д) из-за особенностей китайской истории и межнациональных отношений в стране некоторые из лексем были заимствованы из маньчжурского и монгольского языков, но они используются для отражения реалий китайской жизни, поэтому могут быть отнесены к китаизмам; е) неустойчивые правила передачи китайских слогоморфем средствами русской пунктуации, в результате чего практически все топонимы и антропонимы записаны через дефис, лишь с 1980-х гг. они стали писаться в русском языке слитно.

5. Для понимания особенностей семантики китаизмов при их включении в текст на русском языке, функционирования антропонимов, топонимов и других китайских ономастических единиц в русском тексте в работе рассматриваются этнонимы, топонимы, антропонимы и названия титулов, названия династий и девизы правления, храмовые имена представителей Минской и Цинской династий, макаронизмы, кальки названий должностей в императорском дворе и полукальки, с помощью которых поясняются названия китайских провинций, уездов, городов, рек, гор и пр., имена исторических лиц и политических деятелей Китая, исторические события и культурная жизнь этой страны.

6. В современном русском языке при описании Китая в текстах художественного и публицистического стиля происходит калькирование названий административных органов и других реалий: *Центральный*

комитет Коммунистической партии Китая, ЦК КПК, Всекитайское собрание народных представителей, ВСНП, Государственный совет Китая, Госсовет Китая и др. Существуют традиционное использование терминов (провинция, уезд), а также поиск русских единиц, семантически близких китайским реалиям (街 и 路 - улица, 大街 и 大路 - проспект, 胡同 - переулок, 河 и 江 - река) и др. В русском языке происходит адаптация китайских топонимов и антропонимов, при этом некоторые сохраняют историческую форму (北京 - Пекин, 南京 - Нанкин, 蒋介石 - Чан Кайши) и диалектное звучание (香港 - Гонконг/Сянган, 澳门 - Макао/Аомэнь, 孙逸仙 - Сунь Ятсен).

Структура диссертации. Кандидатская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и энциклопедий, печатных и электронных источников, приложений.

Глава I. ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. История взаимодействия русского и китайского языков

Из работ китайских ученых известно, что впервые контакты Руси и Китая были установлены во времена династии Юань (元朝 [Yuáncháo], 1271-1368). В это время обе страны были подчинены Монгольской империи и между ними наблюдались кратковременные отношения [张维华, 孙西, 1997]. Однако достоверные документы об этом сотрудничестве не зафиксированы. Известно, что в состав войска Хубилай-хана (1215-1294, с 1271 по 1294 гг. – первый император династии Юань) во время военной кампании в Южном Китае в 1267 году входили воины, набранные в том числе и на Руси [Вернадский, 1997, с. 82; Вернадский, 2011]. Личная гвардия хана именовалась *кэшик* < тюрк. *кэзик* ‘очередь, смена’, а новые отряды караульной службы получили название *вэй* [Кычанов, 1993, с. 149].

Русские люди жили в монгольских городах, где проживали также китайцы. Так, в 1245 году в столицу Монгольской империи Каракорум прибыла делегация великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича (1191-1246). Он был отравлен матерью нового великого хана Гуюка (1206-1248) Туракиной (Дорегене), что произошло не только из-за властного нрава ханши, но и по навету новгородского боярина и воеводы Фёдора Яруновича [Супрун, Вэн, 2021, с. 14]. Описал это событие францисканец Иоанн де Плано Карпини (около 1182 – 1252), который был на приёме у вновь избранного великого хана Гуюка. По его словам, после обеда у ханши Ярослав Всеволодович «вернулся в своё помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и всё тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее

завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену» [Путешествие в восточные ... , с. 77].

Князь Александр Ярославич Невский отправился вместе с братом Андреем в Каракорум, по пути захватив в Сарай. Их поездка длилась более трёх лет. Братья вернулись на Русь только в начале 1250 года. Неизвестно, встречались ли они с китайцами, но, вероятно, слышали от местных жителей о Поднебесной.

Великие ханы из своих завоевательных походов привозили в свою столицу большое число ремесленников из разных стран. Русские мастера строили здания в Каракоруме, а позже и в Ханбалыке, куда Хубилай-хан перенёс столицу в 1264 году. В 1254 году францисканские монахи, направленные в Каракорум Людовиком IX, встретили здесь некую женщину Пашу, француженку или немку из Меца в Лотарингии, жену русского плотника, работавшего в монгольской столице [Вернадский, 1997, с. 75].

Русские использовались в Китае в качестве наёмных воинов и в XIV веке. Архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) сообщает о китайских документах, в которых содержатся упоминания о русском полке. Он назывался *Сеань-джу-улосы-хувэй-цинъ-цзюнь* «Охранный полк из русских, прославляющий верноподданство». Полк подчинялся только Высшему военному совету. Русские воины жили в отдельном селении к северу от Пекина. Они здесь занимались земледелием, охотой, рыбной ловлей. Правительство им выделило сельскохозяйственные орудия. В 1331 году в

полк прибыло новых 600 воинов, а через год – ещё 2803 человека, в т. ч. 103 подростка. В последний раз сведения о русском полке в Пекине упоминаются в 1334 году при последнем императоре династии Юань Тогон-Тэмуре (1320-1370) [Палладий, 1894]. Возможно, в дальнейшем они омонголились, как это произошло например, с аланами-осетинами, которые образовали отдельный монгольский род (оток) асудов. «Находясь среди монголов около 700 лет, асуды полностью утратили родной язык, религию и культуру» [Очир, 2016, с. 17].

Но все же данные контакты между русскими и китайцами были временными. С начала правления династии Мин (1368-1644) и они прекратились из-за удалённости двух государств друг от друга и развитием политической ситуации в них. Но по мере сближения территориальных владений России и Китая, появления интереса к расширению контактов обнаруживаются новые попытки установления более или менее устойчивых дипломатических и торговых связей.

1.1.1. Первый достоверный документ о русско-китайских отношениях

Во время правления императора Ваньли отмечены первые контакты русских со Срединной империей. В 1618 году группа российских землепроходцев посетила Пекин [Дубровская, 2001; Дацышен, 2005; Супрун, Ван, 2017]. В составе миссии было 12 человек во главе с томскими казаками учителем Иваном Петлиным и Андреем Мадовым. Петлин владел несколькими языками. Он в 1609 году уже вёл переговоры с телеутским князем Обаком. Его рукопись (*ростись*) имела сложную историю [Супрун, Вэн, 2021, с. 15]. Сначала она попала в Посольский приказ, где пролежала вместе с привезённой им из Китая грамотой императора Ваньли, которую никто в то время не мог прочитать и перевести, откуда якобы и пошло в

русском языке выражение *китайская грамота* [РМР, с. 429]. Только в 1670-е годы Николай Гаврилович Спафарий, готовясь к поездке в Китай, прочитал её. Однако фразеологизм зафиксирован только в начале XIX века, он встречается в романе Фаддея Венедиктовича Булгарина «Иван Иванович Выжигин», опубликованном в 1829 году: *Но дела так мне чужды, как китайская грамота* [Булгарин, 1990]. Поэтому, возможно, этот документ не имеет отношения к этимологии фраземы.

Описание поездки Ивана Петлина заинтересовало иностранных дипломатов. Английский посол Джон Мерик перед тем, как летом 1621 года покинуть Россию, выкрал из Посольского приказа или тайно купил у вора копию этой рукописи и вывез её в Англию, после чего она была переведена на европейские языки [Супрун, Вэн, 2021, с. 16]. В 1625 году рукопись Ивана Петлина вышла на английском языке, в 1634 году – на французском, в 1667 и 1674 годы – на шведском [Люстров, 2018, с. 261]. Во французском переводе назван автор текста – *Eveska Petlinen* [Bergeron, 1634, с. 192]. Судя по первой букве имени и последней гласной в фамилии, запись русского антропонима проходила первоначально на английском языке, поскольку английское *e* читается как [и]. Исследователи творчества английского поэта, политического деятеля и мыслителя Дж. Мильтона (1608-1674) предполагают, что перевод рукописи русского землепроходца был использован в его книге «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих к востоку от России вплоть до Китая. Почерпнуто из трудов нескольких очевидцев», написанной в 1649-1652 годы, но опубликованной только через 8 лет уже после смерти автора [Masson, 1880, с. 812-813; Milton, 1682].

В России рукопись И. Петлина копировалась разными людьми, поэтому имеются небольшие расхождения в разных вариантах. Частичное совпадение сведений этой рукописи и некоторых других документов того же

времени заставило Н. М. Карамзина предположить, что Иван Петлин скомпилировал текст, а в Китай он не ездил [Карамзин, 2017, с. 241]. Но чаще историки высказывали сомнение о существовании предшествующих поездок казаков в Китай.

Внимательное изучение первоисточников позволило нам установить, что в сентябре 1619 года томские казаки Ивашко Петлин и Ондрюшка Мундов (Мадов) подали в Посольский приказ челобитную о выдаче жалованья за сопровождение послов Алтын-хана и за сбор сведений о Китайском государстве. При разбирательстве установили, что в 1616 году посылались «на государеву службу к Олтыну царю Тарского города атаман Васька Тюменец да литовского списку десятник Ивашко Петров», которые были щедро вознаграждены за труд. Следовательно, они были в Северо-Западной Монголии, а не в Китае [Супрун, Вэн, 2021, с. 16].

Точно также ошибочно приписана Н. М. Карамзиным поездка в Китай атаманам Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву в 1567 году на основании неточно понятого текста позднего хронографа [Мясников, 1958]. Авторитет Н.М. Карамзина был столь высок, что и в наши дни можно найти в исторических трудах отголоски его мыслей о дипломатических контактах России и Китая с 1567 года.

Свой вклад в распространение ошибочных сведений о первых контактах России и Китая внёс известный автор «Сказаний русского народа» Иван Петрович Сахаров (1807-1863), который во втором томе своего сочинения опубликовал взятый из Толстовского списка Хронографа текст «Путешествия казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай в 1567 году» [Сахаров, 1849, с. 183-186]. Его ещё при его жизни обвиняли в недобросовестности при публикации фольклорных текстов, а в наши дни назвали «поддельщиком» и сочинителем «собственных сказок в слащавой

псевдонародной манере» [Топорков и др., 2002].

В данном случае Иван Петрович доверился Хронографу – созданному в конце XV – начале XVI века сборнику исторических сведений, в который постепенно добавлялось описание событий из русской истории [Верещагин, 1996, с. 5-7]. Он сохранился в нескольких списках, один из них был в собрании известного русского bibliофила графа Фёдора Андреевича Толстого (1758-1849). В 1830 году принадлежавшее ему собрание летописей купила Императорская публичная библиотека, с тех пор этот список Хронографа именуется Толстовским [Строев, 1829].

Хронограф постоянно дополнялся различными редакторами. Одному из них попал в руки список рукописи Ивана Петлина, вероятно, без упоминания данных об участниках путешествия. Откуда-то этому редактору стало также известно о путешествии на восток (реальном или мнимом) Ивана Петрова и Бурнаша Елычева (Ялычева), которым была приписана поездка в Китай. В. П. Адрианова-Перетц отмечает: «Невнимательного редактора не смутило даже то, что во время Грозного нельзя было ещё сравнивать “кутукту” с “нашим патриархом”: на Руси патриарха в то время ещё не было» [Адрианова-Перетц, 1948, с. 121].

Один из списков рукописи Ивана Петлина попал в руки томского губернатора Петра Козьмича Фролова (1775-1835), который переписал её в свою рукописную книгу [Савельев, 1951]. Из-за несовершенства первоисточника или по ошибке П. К. Фролова поездка Ивана Петлина была перенесена на 1620 год: «Лета 7128 (1620) августа в день <...> Государь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси велел сибирскаго Томскаго городка козаку Ивану Петлину проведати про Китайское государство и про Обь реку великую и про иные государства». Он привёз Государю и Великому князю Михайлу Федоровичу «чертеж и роспись про Китайскую область»

[Путешествие в Китае ... , с. 211-212]. Русский исследователь Сибири Григорий Иванович Спасский (1783-1864) обнаружил эту рукопись в Императорской публичной библиотеке и напечатал её в своём краеведческом журнале без уточнения даты [Путешествие в Китае ... , с. 211-246], с тех пор этот текст стал известен в России. До этого об этой поездке русские читатели знали из отмеченных выше переводов на французский и английский языки. Архимандрит Палладий (П.И. Кафаров), ознакомившись с изданием рукописи на русском языке, писал: «Я имею реляцию его во французском переводе в Сборнике Бержерона; к сожалению, этот перевод сокращен и представляет не мало вариантов с оригинальным текстом» [Палладий, 1863, с. 305].

Известны две основные редакции росписи: 1) первая была создана с 16 мая по 6 июля 1619 года ещё в Сибири, когда команда вернулась в Томск, она была издана Ф. И. Покровским в 1914 году [Покровский, 1914]; 2) с 23 сентября по 10 ноября 1619 года в Москве со слов Ивана Петлина была записана вторая версия, её опубликовали Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников [Демидова, Мясников, 1966, с. 41-55]. В 1969 году оба варианта росписи были включены в новую книгу, которую подготовили эти же авторы [Тихвинский и др., 1969].

1.1.2. Русско-китайские связи в XVIII и XIX веках

В XVII веке Россия воевала с Польшей и Турцией и на некоторое время перестала интересоваться Китаем. Но вскоре появились серьёзные поводы для более подробного знакомства со Срединной империей. С 1644 года в Китае стала править династия Цин. В 1708 году император Канси (1654–1722) начал войну с Московским государством в Приамурье [Непомнин, 2005]. Однако война не могла продолжаться вечно, нужно было

проводить переговоры с Россией. Для этого необходимы были кадры специалистов, знающих русский язык. Канси приказал создать специальное учебное заведение для подготовки дипломатов и переводчиков. В Пекине была открыта Школа русского языка при Дворцовой канцелярии (内閣俄罗斯文官). В ней студенты обучались 5 лет, после чего сдавали письменный экзамен [Супрун, Ван, 2017]. К сожалению, уровень обучения в школе был весьма низким. В 1805 году четыре лучших ученика были направлены в качестве переводчиков на встречу с русскими послами, но не смогли ничего понять в их речи [Лапин, Школа русского..., 2009; Лапин, Первая школа, 2009].

В ходе военных действий у Албазина в 1686 году было захвачено немалое количество русских пленных. Часть из них была размещена в Пекине и Шэнцзине (ныне – Шэньян). В столице русские были расселены в переулке Хуцзяцюань, их приписали ко «второму жёлтому знамени» восьмизнаменных войск [Супрун, Вэн, 2021, с. 18]. В их распоряжение был передан храм, посвященный богу преданности и храбрости, богатства и защиты Гуаньгуну, который был переделан в русскую Никольскую часовню. Позже она была переименована в храм святой Софии (см. подробнее: [Александров, 1984, с. 144–154]).

Однако по-настоящему православие в Китае стало постоянным с 30 апреля 1715 года, когда в Пекин прибыла первая духовная миссия Русской православной церкви во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским) [Супрун, Вэн, 2021, с. 18]. С 1727 года, когда был подписан китайско-русский Кяхтинский договор, духовные миссии из России периодически направлялись в Китай [Петров, 1968]. Большой вклад в развитие русско-китайских отношений и в деятельность Школы русского языка оказал архимандрит Палладий (Пётр Иванович Кафаров) (1817-1878). Он 30 лет

(1840-1847, 1849-1859, 1864-1878) проработал в Пекине в составе Русской духовной миссии [Хохлов, 1979].

Интерес к Китаю и жизни его народа стал проявляться и в российской журналистике. В 1858 году в журнале «Русский вестник» была опубликована статья немецкого востоковеда Карла Фридриха Неймана «Современное положение Китая и его отношение к союзникам».

Этот ученый выучил в Лондоне китайский язык, после чего отправился в Китай. Оттуда Карл Фридрих привёз библиотеку, состоящую из 6 тысяч книг, 3500 из них он передал в дворцовую библиотеку Баварии и стал её хранителем. За это Нейман был назначен также профессором Мюнхенского университета, в котором преподавал китайский язык [Супрун, Вэн, 2021, с. 19].

Им были опубликованы книги об истории английской империи в Азии (1857), истории Восточной Азии 1840-1860 годов (1861), истории США (1863-1866). К. Ф. Нейман занимался изучением истории России, им написаны книги «Россия и черкесы» (1840) [Neumann, 1840], «Народы южной России» (1846, 2-е издание – 1855). Название последней несколько вводит в заблуждение: в ней рассказывается не о народах России того времени, а о тех, которые проживали на северном побережье Чёрного и Каспийского морей в III-XI веках: скифах, даках, гуннах, готах и пр. Книга была написана по заказу Академии надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles Lettres), французского учёного общества в области гуманитарных наук [Neumann, 1846]. Им были также опубликованы переводы китайских и армянских книг.

В России знали о научной деятельности К. Ф. Неймана. О нём упоминает (с небольшим искажением фамилии) В. Г. Белинский в опубликованной в 1845 году в «Отечественных записках» рецензии на

«Славянский сборник» Н. В. Савельева-Ростиславича [Белинский, 1845]. Книга об Афганистане была переведена Платоном Васильевичем Голубковым (1786-1855) и издана под названием «Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах» в 1848 году в Москве [Нейман, 1848]. В 1864 году, через год после выхода в свет её в Германии, была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге «История Американских Соединенных Штатов» (1-й том).

В 1861 году в журнале «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» было опубликовано «Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии». Перевёл текст с немецкого языка Алексей Николаевич Шемякин (около 1817 – 1887). Немецкий текст был подготовлен Августом Бюрком, который в предисловии упоминал, что беседовал в Мюнхене с профессором Нейманом, который «счёл себя вызванным приложить к этому изданию свои примечания и поправки» [Путешествия венецианца ... , 1861]. На следующий год этот перевод был напечатан в виде отдельной книги. Ещё через год она была переиздана в университетской типографии [Путешествия венецианца ... , 1863].

С появлением публикации статьи К. Ф. Неймана в «Русском вестнике» имеются некоторые неясности. Неизвестно, каким образом этот текст попал в журнал, кто его перевёл. Михаил Никифорович Катков с 1839 по 1842 году учился в Берлинском университете [Супрун, Вэн, 2021, с. 19]. Но К. Ф. Нейман в это время в Берлине не жил. Михаил Никифорович выезжал из Берлина в Бельгию и Францию, но неизвестно, проезжал ли он через Мюнхен и встречался ли с Нейманом, был ли с ним знаком. Скорее всего, статья была получена от немецкого ориенталиста по почте или её привёз кто-то из сотрудников «Русского вестника». Эта работа не указана в списке трудов К.

Ф. Неймана. М. Н. Катков прекрасно знал немецкий язык [Санькова, 2008, с. 24], переводил на русский язык произведения Г. Гейне, И. В. Гёте, научные статьи, поэтому вполне мог перевести и текст К. Ф. Неймана.

Предваряя публикацию, редактор журнала пишет: «Статья эта написана одним из первостепенных знатоков Востока, г. Нейманом, в конце прошедшего года, по случаю новой китайской войны. Она разъясняет положение этой страны и причины войны» [Нейман, 1858, с. 313]. Поскольку в тексте нигде не поясняется история появления статьи в журнале, некоторые современные исследователи сочли, что К. Ф. Нейман был российским учёным [Анисимов, 2007, с. 5].

В 1850 году в Китае началась крестьянская война против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов. Её возглавил Хун Сюцюань (в журнале: Гонг Сиутзиуэн), который объявил себя младшим братом Иисуса Христа и создал Небесное царство великого благоденствия (太平天国, Tàipíng Tiān Guó), по названию которого восстание получило название Тайпинское [Илюшечкин, 1967]. К. Ф. Нейман пишет: «Тайпинги, как кажется, призваны играть важную роль в исторической драме, разыгрывающейся от Лондона и Вашингтона, от Парижа и Петербурга до Кантона и Пекина, до границ Монголии и Манджурии» [Нейман, 1858, с. 340].

В 1856 году началась так называемая Вторая опиумная война между китайской империей Цинь и Великобританией, к которой присоединилась Франция [Супрун, Вэн, 2021, с. 20]. В военных действиях также участвовали также корабли США. В июне 1858 года были подписаны Тяньцзиньские трактаты представителями императора Китая с Великобританией, Францией, Россией и США. 24–25 октября 1860 года был подписан Пекинский договор, по которому цинское правительство должно было выплатить

Великобритании и Франции контрибуцию, открыть для иностранной торговли Тяньцзинь. Результатом этой войны было также подписание 14 ноября 1860 года Пекинского трактата о границе между Россией и Китаем по Амуру и Уссури [Бутаков, 2002; Lovell, 2011; Wong, 1998].

В упомянутых публикациях о Китае приводится значительное число китаизмов: названий китайских реалий, антропонимов, топонимов и др. Они записываются в текстах на русском языке в приблизительной транскрипции, а при переводе с немецкого языка – в транслитерации [Супрун, Вэн, 2021, с. 21]. Это приводит к многочисленным искажениям реального звучания китайских лексем. До этого в русских текстах, посвящённых Китаю, китаизмы записывались произвольно, что обнаруживается и в рукописи Ивана Петлина (см. 2.1.).

К. Ф. Нейман записывал китайские слова так, как ему казалось, что запись отражает реальное звучание. При этом следует учесть, что учёный находился в южном Китае: 8 сентября 1830 года он прибыл в Макао, а в начале октября отправился в Кантон (ныне Гуанчжоу 广州 (Guǎngzhōu), где провёл почти 3 месяца в ожидании корабля [Neuman, Friedrich, 1999]. Кантонский диалект значительно отличается от пекинского, вплоть до непонимания между коммуникантами [Snow, 2004], поэтому запись немецким учёным китайских имён, названий, реалий не всегда может быть легко понята, а ещё нужно учесть, что они были транскрибированы переводчиком на русский язык, что вносит дополнительные трудности в их идентификацию [Супрун, Вэн, 2021, с. 20].

Изучению китаизмов в отмеченных выше текстах XVII-XIX веков на русском языке будут посвящены наши следующие параграфы.

1.2. История слов китайского происхождения в русском языке

В русском языке китаизмы выполняют несколько функций. Главной из них является описание жизни китайского народа, его традиций, обычаев, истории и культуры. Однако имеется ряд заимствований из китайского языка, которые перестали восприниматься как собственно китаизмы. Можно говорить о существовании в русском языке скрытых китаизмов, которые носители языка используют при описании реалий русской и зарубежной жизни, но не связывают с Китаем. Некоторые из подобных лексем пришли в русский язык не прямо из китайского, а опосредованно через другие языки. Такими языками-посредниками являются в основном тюркские и монгольские. Рассмотрим историю некоторых китаизмов в современном русском языке.

1.2.1. Лексема *жемчуг* в русском языке и ее китайские корни

Китайский исследователь Гун Лэй разделяет все заимствования из китайского языка в русский на 8 групп: 1) названия растений; 2) названия продуктов; 3) названия предметов быта; 4) наименования философских и религиозных понятий; 5) названия игр и видов спорта; 6) название животных; 7) названия людей по политическим воззрениям; 8) название языковых явлений. Слово *жемчуг* включается в третью группу [Гун, 2018, с. 17; Вэн, 2021, с. 122].

В русском языке слово первоначально фиксируется в форме *жънчюгъ* в 1161 году в надписи на кресте княгини Ефросинии (Предславы) Святославны Полоцкой (1104-1167), встречается оно также в текстах православного писателя епископа Кирилла Туровского (1130 – около 1182) [Вэн, 2021, с. 122]. М. Фасмер отмечает, что эта лексема восходит к древнетюркскому *jänçü*, заимствованному у китайцев [ФЭС/2, с. 46].

Китайское слово 珍珠 [zhēnzhū] возникло путём сложения элементов 珍 ‘редкий, дорогой, ценнейший’ и 珠 ‘шарик, жемчуг, бисер’ [现代词典, с. 1453, 1494].

П.Я. Черных считает, что слово пришло в русский язык из языков кочевников Северного Причерноморья. У тюрков Алтая название жемчуга имеет аффрикату в инициали – *чиңчи*, тогда как у других тюркоязычных народов слово начинается с *и*, *э*, *х* или *ј*, в монгольском языке употребляется слово *жинжүү* ‘бисер’ [ЧИЭС/1, с. 298]. Ссылаясь на Ф.Е. Корша, о суффиксе *-угь/-югь* говорит А.Г. Преображенский [ПЭС, т. 1, с. 228]. Отметим, что в русском народном языке наблюдается чередование звонкого и глухого заднеязычного и в других суффиксах: *клубника – клубнига, земляника – землянига* [СРНГ, вып. 11, с. 257; СРНГ, вып. 13, с. 310].

В форме *женчугь* название этого предмета употребляется до первой четверти XV века (последняя фиксация – примерно 1425 год), от него образовано прилагательное *женчужьньи* (*женчюжьньи*), которое получило дополнительное значение ‘украшенный жемчугом’ [СДРЯ, с. 248]. Однако уже в конце XIV века для удобства произношения в слове происходит прогрессивная контактная диссимиляция и в сочетании двух переднеязычных [нч] первый согласный заменяется на губной, появляются формы *жемчугь / жемчюгь / жомчюгь* [СДРЯ, с. 244], первая из них закрепляется в литературном языке и становится единственно правильной. Возможно, этот фонетический процесс произошёл ранее, поскольку слово фиксируется в Ипатьевской летописи под 1175 и 1197 годами. Однако прежняя форма с *н* сохранилась в русском диалектном языке, она отмечена в олонецких, архангельских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 9, с. 129].

Жемчуг занял важное место в русской культуре, в духовной и бытовой жизни русского народа. Им украшали оклады икон, кресты, шкатулки и

другие бытовые предметы, нарядную одежду и головные уборы [Сребродольский, 1985]. Утилитарное использование жемчуга на Руси относится к древним временам. Византийский писатель и историк Лев Диакон так описал русского князя Святослава (942-972) при его встрече с императором Цимисхием после заключения мира: «В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамлённым двумя жемчужинами» [Лев Диакон, 1988]. Следовательно, у этого предмета в древнерусском языке было какое-то иное наименование до того, как был заимствован китаизм. Эта несохранившаяся номинация была в дальнейшем заменена словом *жемчуг*.

Из истории известны многочисленные примеры украшенных жемчугом одеяний русских царей и цариц. Жемчуг нашёл своё место и в одежде крестьянок [Вэн, 2021, с. 122]. В 1840-х годах прусский чиновник и писатель барон Август фон Гакстгаузен-Аббенбург (1792-1866) пишет, что «у всех женщин, которых я тут видел, даже у самых бедных рыбацек, было на шее по крайней мере по 3-4 нитки настоящего жемчугу» [Гакстгаузен, 1870, с. 200]. Подробно описывает роль жемчуга в русском народном женском костюме М.Н. Мерцалова [Мерцалова, 1988].

Столь широкое распространение жемчуга в обыденной жизни русского народа привело к развитию семантики его наименования в языке и к образованию большого числа дериватов и словосочетаний с ним [Вэн, 2021, с. 123]. В современном русском языке слово *жемчуг* имеет основное значение ‘драгоценное перламутровое вещество в форме зёрен белого, желтоватого, розоватого (реже чёрного) цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков’, его смысловое варьирование ‘изделие, украшение из таких драгоценных зёрен’, а также смысловой сдвиг (образное употребление) ‘о

белоснежных зубах' [БТС, с. 302]. Употребляется устойчивое сравнение *зубы как жемчуг* [там же, с.302].

Первым дериватом от слова *жемчуг* является прилагательное *жемчужный*, образованные с помощью суффикса *-ьн-* с закономерной первой палатализацией заднеязычного *г > ж*. С суффиксом *-ьн-* образуются многие прилагательные от существительных, в т. ч. с регулярно проявляемой первой палатализацией: *сапожный, радужный, тележный, огуречный, табачный, вечный, грешный, успешный* и мн. др. [Вэн, 2021, с. 123].

У прилагательного *жемчужный* имеются значение 'сделанный из жемчуга, с жемчугом' и его переосмысление 'напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком' [МАС/1, с. 477]. От прилагательного образовано наречие *жемчужно* [БТС, с. 302]. Основа этого прилагательного входит в состав многих сложных адъективных дериватов: *жемчужно-белый, жемчужно-восковой, жемчужно-голубой, жемчужно-зелёный, жемчужно-зеленоватый, жемчужно-золотой, жемчужно-изумрудный, жемчужно-матовый, жемчужно-палевый, жемчужно-розовый, жемчужно-серебряный, жемчужно-серебристый, жемчужно-серый, жемчужно-сизый, жемчужно-синеватый, жемчужно-сиреневый, жемчужно-фиолетовый, жемчужно-чёрный* и др. [НКРЯ], *жемчужно-яхонтный убор* (В. Брюсов), *жемчужно-красных млений череда* (К. Бальмонт), *жемчужно-витиеватой берёзы* (А. Вознесенский). Слово *жемчужный* входит в состав сложных прилагательных, первая часть которых образована от адъективной основы: *безмятежно-жемчужная гладь* (Ю.Н. Верховский). От прилагательного образовано наречие *жемчужно* [БТС, с. 302].

В художественной литературе встречается дериват *жемчужовый*: «Запомнился и удивительный крест, осыпанный жемчугом, – подарок Никифора Фоки. Хранится он в золотом ковчеге, лежит на его шелках тихо и

таинственно, и не без волнения наблюдаешь, как монах открывает все эти тайные упокоения, и нам, несколько опьяненным, “объявляет” тысячелетнюю реликвию. <...> Всё проходит. И ушла Лавра св. Афанасия. Похожа она на тот золотой ковчег, из которого вынимал монах жемчужный крест Никифора Фоки» [БКЗ]. Б.К. Зайцев использует в этом же тексте и нормативное прилагательное *жемчужный* в прямом и переносном значениях: «Ну и утешили, уж как утешили, и сказать не могу! – говорил он мне, показывая скромные параклисы Руссика, где нет ни жемчужных крестов, ни золотых чаш, ни бесценных миниатюр на Псалтырях». «Справа глубокая долина, в её ущелье жемчужной нитью висит водопад – беззвучный» [БКЗ].

Прилагательное *жемчужный* в переносных значениях отмечено в рассказе А.А. Оцупа (Сергея Горного) «Сквозь сон (На острове Кипре)»: «Хочешь жизни, светлой и прозрачной, как жемчужная вода, которую все пили сегодня за городом. <...> Без причины, или вдруг почувствовала что-то беспокойное, или просто вспомнила плавные закорючки книг, выводившие жемчужный рассказ о чужой боли, о горе, о слезах, и кнута» [ААО]. Суффикс *-ов(ый)* образует слова от основ существительных (*дубовый, айвовый, ледовый, ерундовый, розовый, бирюзовый* и мн. др.), однако в литературный язык лексема *жемчужный* не вошла, поскольку ранее было образовано слово *жемчужный* [ПЭС, т. 1, 1910].

Модель образования существительных со значением единичности при помощи суффикса *-ин(а)* от основ вещественных существительных продуктивна в русском языке: *горошина, фасолина, виноградина, клубничина* [Земская, 2011, с. 261]. Уменьшительно-ласкательным дериватом к первому значению слова является лексема *жемчужинка* [БТС, с. 302].

Был также образован глагол *жемчужиться*. В литературном языке он получил значение ‘напоминать жемчуг своим видом, блеском, оттенком’ (ср. с

переносным значением прилагательного *жемчужный*) [Вэн, 2021, с. 124]. Это слово отмечено в романе И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1855): «Океан как будто лелеет эти островки: он играет с берегами, то ревет, сердится, то ласково обнимает любимцев со всех сторон, жемчужится, кипит у берегов и приносит блестящую раковину, или морского ежа, или красивый, выработанный им коралл, как будто игрушки для детей» [ИАГ]. Писатель наблюдает за природой во время стоянки в порту Сан-Пио-Квинто на филиппинском острове Камигин (Камигуин). В этих своих «очерках путешествия» И. А. Гончаров использует при описании красоты воды и её состояний также слова *жемчуг* и *жемчужный*: «Запыляет небо опять, обольет золотом и Петергоф, и Мурино, и Крестовский остров. Сознаться, что и Мурино и острова хороши тогда, хорош и Финский залив, как зеркало в богатой раме: и там блестят, играя, жемчуг, изумруды...». «<...> палуба вдруг как будто вырвалась из-под ног и скрылась, а перед глазами очутилась целая изумрудная гора, усыпанная голубыми волнами, с белыми, будто жемчужными, верхушками, блеснула и тотчас же скрылась за борт» [ИАГ].

Жемчуг первоначально появлялся в России в основном тремя путями: из иранского города Ормуза (Гурмыза), из крымской Кафы и из русских жемчугоносных рек. В Персидском заливе жемчуг начали добывать ещё во II веке до н.э. По названию города Гурмыза и залива, именуемого в старину Гурмыжским морем, жемчуг стал называться *гурмыжским*, *гурмыцким* или *гурмицким*. Поскольку топоним был у русских не на слуху, название передавалось устным путём, произошла замена первого звука, стали употребляться названия *бурмыжские*, *бурмитские*, *бурмицкие*, *бурминские зёрна*: *Двѣ нити жемчюгу бурмышского* [СОРЯ]. Слова с начальными *г* и *б* употреблялись первоначально параллельно, без предпочтения одного из вариантов: *по зерну по бурминскому* (1589), *жемчюгомъ болишимъ*

Гурмыцкимъ (после 1645 года) [ССДРЯ, с. 193, 609]. Позже закрепился вариант с начальным *б*. Бурмитский жемчуг был крупным, высоко ценился [КСК, с. 61]. Привозимое из Кафы *кафимское (кафское) зерно* был более мелким [Ферсман, 2003, с. 253]. Речной жемчуг назывался *русским* [КСК, с. 61].

У А. Г. Преображенского отмечено значение слова *бурмитский* ‘крупный (о жемчуге)’ [ПЭС, т. 1, с. 54]. У В. И. Даля к слову *жемчужина* даётся такой контекст: «одно зерно самокатного жемчуга крупное: *бурмитское*» [СД/1, с. 532]. Немецкий этимолог ссылается на Крылова, но если речь идёт о знаменитом русском баснописце (в указателе литературы эта фамилия не упоминается), то у него в стихотворении «Послание о пользе страстей» говорится о пратотце Адаме, который «под ноги не стлал ковров персидских, ни жемчугов не нашивал бурмитских», т. е. явно дорогих, а в басне «Петух и жемчужное зерно» только с точки зрения петуха жемчуг определяется как «вещь пустая» [Крылов, 1946, с. 307; ААО], да и в стихотворении нет определения *бурмитский*. Эта басня была написана И.А. Крыловым по мотивам произведения Ж. Лафонтена «Петух и жемчужина (*Le Coq et la Perle*)» (1668), которое в свою очередь было переложением басни римского поэта Федра (*Phaedrus*) «Цыплёнок к жемчужине (*Pullus ad margaritam*)» (I в. н. э.).

В торговле в России появился термин *скатный жемчуг*, так называли зерно круглой формы, которое легко скатывалось по наклонной поверхности [КСК, с. 61; Ферсман, 2003, с. 254]. Этот термин встречается в художественной литературе. Русский писатель XIX века А.Ф. Вельтман (1800-1870) в «былине старого времени» «Кощей бессмертный» (1833), описывая внешний вид героини – «красной дочери боярина Мирианы», упоминает, что «на шее у неё скатный жемчуг», а «пояс шит бисером скатным

и самоцветными камнями» [ЧИЭС/1]. Сравнивает течение воображаемой реки со скатным жемчугом А.Н. Толстой в стихотворении «Весенний дождь» (1911): *Ты, река Бугай, серебром горишь; Скатным жемчугом по песку звенишь* [АНТ, с. 8]. Отметим, что этот контекст отсутствует в НКРЯ, что говорит о необходимости при анализе словоупотреблений не ограничиваться его материалами.

Встречается также определение *окатистый*. Его использует известный учёный-востоковед, первый русский синолог, архимандрит Русской Православной Церкви Иакинф (Бичурин) [Вэн, 2021, с. 125]. В своей книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851) он упоминает о загадочной стране Гибинь (исследователи располагают её на территории северной Индии [Боровкова, 1989], ныне это север Индии, Пакистана и юг Афганистана) он пишет: «Гибинь производит зубрей, буйволов, слонов, крупных собак, обезьян, мартышек, павлинов, окатистый жемчуг, неровный жемчуг, кораллы, земляной янтарь, мрамор, цветные стёкла» [Бичурин, 1950, с. 179]. В этом контексте противопоставляются прилагательные *окатистый* и *неровный*. В словаре В.И. Даля словосочетание *бурмитское зерно* определено ‘крупная, окатистая жемчужина’ [СД/1, с. 143]. В этом словаре также встречается словосочетание *окатистая вещь* ‘к одному концу сильно окаченная, закруглённая, округло спущенная’ [СД/2, с. 587]. В вышедшем в начале XX века словаре иностранных слов под редакцией А.Н. Чудинова имеется статья *бурмитские зёрна* ‘(вместо Ормуские, с о. Ормуса) зёрна крупного и окатистого жемчуга, привозимые с Востока’ [ЧСИС]. В современной лексикографии слово *окатистый* отмечено только в словарь Т.Ф. Ефремовой: ‘закруглённой формы; округлый’ [СЕ, с. 445].

Итак, слово *жемчуг*, пройдя сложным путём из китайского языка через тюркское посредничество, попало в древнерусский язык и закрепилась в нём уже в XII веке. До этого использовалось ныне утраченная номинация, поскольку известно из исторических документов, что в X веке о русских людей жемчуг использовался в качестве украшения. Лексема *жемчуг* получила активное употребление в языке, развила свою семантику; появились многочисленные дериваты, которые также приобрели переносные значения и дополнительные коннотации. Слово *жемчуг* стало употребляться в различных фразеологизмах и других устойчивых словосочетаниях. В настоящее время эта единица входит в активный словарный запас русских людей, широко используется в художественных и фольклорных текстах [Вэн, 2021, с. 125].

1.2.1.1. Лексема *жемчуг* в русской поэзии

Слово *жемчуг* широко используется русскими поэтами в своём первичном и переносных значениях. В произведениях поэтов XVIII-XIX веков оно регулярно встречается в единственном числе с окситоническим ударением [Вэн, 2021, с. 538]. Поэт и драматург В.И. Майков (1728-1778) дважды употребляет эту словоформу в составе сравнительного оборота в своих одах:

Здесь гордость вида не имеет,
Смирение блистает вокруг,
Как злато, истина яснее
И милость, как драгий жемчуг [ВИМ].
Подобно как пространно море,
По буре укротятся вдруг,
На место волн, кипящих вскоре,

Являет струйки как жемчуг... [ВИМ].

Подобную акцентуацию мы обнаруживаем у Г.Р. Державина в стихотворении «Любушке» (1802):

Иль, обнявши бѣлу шею,
Быль жемчугъ ея драгой;
Ставь хоть обувью твоею,
Жала бѣ ты меня ногой.

В черновых вариантах поэт использует эту лексему в том же ударением:

Иль, объявь я бѣлу шею,
Быль жемчугъ твой дорогой [ГРД, с. 432].

А. С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» (1817-1820) пишет:

К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг [АСП].

Е.А. Баратынский (1800-1844) в поэме «Бал» (1828), названной автором повестью, также использует слово с окситоническим ударением:

Жемчуг чело её облегал,
И, меж обильными косами
Рукой искусной пропущён,
То видим, то невидим он [ЕАБ].

Такое же ударение встречается в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Тамара» (1841):

На мягкой пуховой постели
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина [МЮЛ, с. 79].

Можно предположить, что у этой лексемы была первоначально, по крайней мере, неустойчивая акцентологическая норма, допускающая употребление ударения на обоих слогах [Вэн, 2021, с. 538]. На окситоническое ударение в этом слове повлияла, возможно, акцентуация лексем *биндюг*, *битюг*, *овсюг*, *сычуг*, *утюг*, *учуг* [ГС, с. 234], а также *барсук*, *барчук*, *бирюк*, *бунчук*, *канюк*, *индюк*, *урюк* [ГС, с. 479], но затем произошла его смена на пенультимативное (парокситочническое), которое отмечается у германизмов *фартук* и *галстук* [ГС, с. 479].

О существовании парокситочнического ударения в XIX веке в этом слове свидетельствует дума К.Ф. Рылеева «Рогнеда», в которой лексема употреблена в составе сравнительного оборота:

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слёзы упали [КФР, с. 24].

В стихотворениях А.А. Дельвига встречаются оба варианта ударения:

Что жемчуг скорбящих глаз
По щекам засеребрился? (Разговор с гением);
Дорог жемчуг на груди, <...>

Крупный жемчуг потускнел (Русская песня) [ААД, с. 31, с. 120]

Во множественном числе в современном русском языке слово имеет ударное окончание -á [БТС, с. 302] с сохранением этого ударения в косвенных падежах. А.С. Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833) употребляет ударное окончание -и, как оно имеется в словах *утюги*, *бирюки*, *индюки* и др.:

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.

На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею [АСП].

В поэме А.С. Пушкина «Цыганы» окситоническое ударение сохраняется в родительном падеже множественного числа:

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий! [АСП].

Подобное ударение эта словоформа имеет в стихотворении А.А. Дельвига «К Темире» (1815):

Но знай, что счастье на свете
Не в жемчугах, не в кружевах
И не в богатом туалете,
А в искренних сердцах [ААД, с. 96].

В XX веке пенультимативное ударение в формах единственного числа лексемы *жемчуг* осталось единственно возможным, оно зафиксировано во многих стихотворениях русских поэтов. Певцом жемчуга можно назвать В.Я. Брюсова (1873-1924) [Вэн, 2021, с. 539]. В его произведениях эта лексема встречается более 50 раз. В стихотворении «Ожерелье», написанном 10 января 1912 года, она употреблена 7 раз и ещё один раз прилагательное *жемчужный*:

Руки, вечно молодые <...>
Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,

Жемчуг жёлтый, жемчуг алый
Белой нитью серебра. <...>
Не моя ли жизнь – те нити?
Жемчуг – женские сердца?
Парки вещице, нижите
Яркий жемчуг до конца!
Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!
Нить почти полна! Немножко
Остается бус, – и вот
Золочёная застёжка
Ожерелье – Смерть – замкнёт! [ВЯБ].

Имя *Маргарита* образовано от латинского слова *margarita* ‘жемчужина’ [СРЛИ, с. 551]. Обыгрывает эту этимологию антропонима К.Д. Бальмонт в стихотворении «Жемчуг»:

Нежный жемчуг, Маргарита, —
Как поют в испанских песнях, —
Пели ангелы на Небе
В день рожденья твоего [КДБ].

Слово *жемчуг* с пенультимативным ударением отмечено у многих русских поэтов XX века:

Жемчуг в стакане
Плавят – и миром
Правят – не плачут. <...>
Слезам твоим видным

Сквозь дождь – в два рубца!
Как жемчуг постыдным
На бронзе бойца [МИЦ];
Быть может, стану я похоже
На жемчуг, потерявший цвет,
И полюбить меня не сможет
Эпохи нашей человек [ККВ];
Жемчуг-слово, чудо-песни
Сыпал вещей с языка.
Ныли струны на бандуре
Под рукою старика [ККС];
Был нежен и щедр последний,
как зелень после потопа,
он сам становился песней,
когда по ночной реке
пускал сиявший кораблик
и, в воду входя ночную,
выныривал из захлёба
с жемчугом на язык [АГН, с. 10].

В именительном падеже множественного числа регулярно фиксируется пришедшая из исчезнувшего двойственного числа форма *жемчуга* с ударной флексией:

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку... [МИЦ];
Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,

Как жемчуга, они. За что ж их клясть! [ВЯБ];

Шёлк, и узорочья, и атлас

в русских позолоченных котлах,

блюда, кольца, золото,

жемчуга [ВАСо];

Ударное окончание сохраняется в косвенных падежах:

Жемчугов

И медуз

Уж готов

Полный груз [НСГ2].

Как мы отмечали выше, в русском языке появилось много дериватов, связанных со словом *жемчуг*. Первым из них является прилагательное *жемчужный*. У этого прилагательного имеется значение ‘сделанный из жемчуга, с жемчугом’ и его переносный оттенок ‘напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком’ [МАС/1, с. 477]. Оно встречается во многих поэтических текстах, чаще всего с метафорическим переносом семантики:

Капли жемчужные, капли прекрасные,

Как хороши вы в лучах золотых [САЕ];

Ты приходил ко мне, холодный,

С жемчужным инеем в усах [ВЯБ];

Та из моря Чёрного,

Акульих мест,

Та из моря верного –

Жемчужный всплеск [МИЦ];

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.

Там было свиданье. Там был разговор (А. Блок. Вербная суббота, 1903)

[Блок, 1962].

Не вошедшее в русский литературный язык прилагательное *жемчуговой*, образованное по модели *еловой*, *стручковый*, *столовый*, *шатровый* и др., употребляется в художественных текстах, включая поэтическую речь:

Невозможную сладость приемли,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчуговые сны наяву [ААБ];
И на тверди, огромной и синей,
Жемчуговая зыбь облаков [БАН];
и всего только видел,
что под трезвонной листвой
жемчуговые подковы,
обронённые луной [ВВН].

Авторским неологизмом является прилагательное *жемчужинный* в поэме-сказке М.И. Цветаевой «Царь-Деввица»:

Горошин тут жемчужинных –
Из горлышка – смех судорожный! [МИЦ].

Слово образовано от существительного *жемчужина* с помощью суффикса -н- по продуктивной модели: *оскоминный*, *платинный*, *брюшинный*, *вершинный*, *руинный*, *былинный* и мн. др. [ГС, с. 385-386].

Слово *жемчужина* регулярно отмечено во многих поэтических текстах:

Из раковин я вынул сто жемчужин,
Тринадцать выбрал лучших жемчугов [КДБ];
Светом бывает тьма разбужена
В непрекращающемся поединке.

Тысячелетья растет жемчужина
В мякоти раковины – от песчинки [ВАР, с. 530];
Благодарю за сказочный словарь
не Оксфорда, не Массачусетса —
когда при лунном ужасе главарь
на танцы шёл со вшитой жемчужиной [ААВ].

Дериват *жемчужиться* в русской поэзии получил значение ‘напоминать жемчуг своим видом, блеском, оттенком’ (ср. с переносным значением прилагательного *жемчужный*):

Дразнил и рассказывал так, что даже маленькая лужица
Уже застывшая пропищала: – Ну вот, –
У меня слеза на реснице жемчужится,
А он тащит в какой-то звездный хоровод [КАБ].

Слово *жемчуг* входит в состав многих устойчивых словосочетаний. Бóльшая часть из них встречается в профессиональной речи торговцев жемчугом и обозначает его разновидности и подделки под него [Вэн, 2021, с. 541]. Некоторые из этих словосочетаний встречаются в поэтических текстах.

Он [праотец Адам] под ноги не стлал ковров персидских,
Ни жемчугов не нашивал бурмитских [ИАК, с. 307];
Скатный жемчуг скромный инок
Красным девушкам собрал –
По родителям поминок –
Да дорогой растерял [САК, с. 28];
Прослезился князь,
преподносит – на! –
скатный жемчуг в бисерной сумочке [ВАСо].

К.Д. Бальмонт в стихотворении «Гадание» преобразовал это словосочетание в сложное слово с усечением (апокопой) прилагательного:

Лишь измененьем в смыслах очертанья.

И вдруг ко мне безбрежное рыданье

С луны излило в сердце жемчуг-скат [КДБ].

Русский писатель XIX века А.Ф. Вельтман (1800-1870) в «былине старого времени» «Кощей бессмертный» (1833) упоминает, что «на шее у неё [боярыни Мирианы] скатный жемчуг» [АФК].

Таким образом, пришедшая из китайского языка через тюркское посредничество лексема *жемчуг*, уже в XII веке употребляется в русских текстах. Жемчужины стали любимым украшением на Руси, из них делали ожерелья, их нашивали на одежду и головные уборы, ими украшали иконы и другие церковные предметы, бытовые вещи. Слово *жемчуг* вошло в активный словарный запас русского языка, получило коннотативные значения, употреблялось в устойчивых сравнениях и метафорах, вошло в состав многих словосочетаний терминологического характера, от него было образовано большое количество дериватов. В процессе своего использования в речи лексема сменила в единственном числе окситоническое ударение на пенультимативное, во множественном числе окончание -и было вытеснено пришедшей из двойственного числа ударной флексией -á [Вэн, 2021, с. 542].

Жемчуг у русских поэтов стал любимым средством выражения представлений о красоте, ценности, любви, переживаниях. Слово *жемчуг*, его дериваты и словосочетания с ним встречаются в произведениях большинства русских поэтов, они отмечены в стихах А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.И. Цветаевой, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и многих других.

1.2.1.2. Лексема *жемчуг* в русской ономастике

Новая лексема заменила прежнее слово *бисер*, которым обозначалось это драгоценное перламутровое вещество у славян. Эта лексическая единица была заимствована из церковнославянского языка, проникла в русский язык через библейские тексты. Она встречается в Остромировом евангелии (1056-1057). Известно выражение из Нагорной проповеди Иисуса Христа: ни помета́йте бисе́рь ва́шихъ предъ сви́ніами. Эта лексема отмечена в памятниках церковнославянской письменности конца X – начала XI веков: в Зографском и Ассеманиевом евангелиях, Саввиной книге и др. [СтСС, с. 84]. Слово *бисер* было заимствовано южными славянами у тюрков от **büsrä*, которое взято у арабов: *busra* ‘поддельный жемчуг, стеклярус’ [ФЭС/1, с. 168].

В южнославянских языках это слово сохранило значение ‘жемчуг’: болг., серб., макед. *бисер*, хорв., словен. *biser*. В русском языке слово *бисер* стало употребляться в значении ‘мелкие цветные бусинки из стекла или металла’ [БТС, с. 80]; произошло своеобразное возвращение к семантике арабского слова. Крупный бисер в виде трубочек называется *стеклярус* [БТС, с. 1265]. Западные славяне для обозначения жемчуга стали использовать заимствование из европейских языков *perla* / *perla*, восходящее к аналогичному латинскому слову с неясной этимологией. М. Фасмер считает, что оно происходит от *pirula* ‘маленькая груша’ [ФЭС/2, с. 242]; А. Брюкнер – от *pilula* ‘шарик, пилюля’ [BSE, с. 402]; Л. Кралик – от *pernula* ‘мидия’ < ‘окорок’ (по внешнему сходству раковины с окороком) [Králik, 2015, с. 434].

Лексема *перл* была заимствована русским языком, вероятно, из польского, но не вытеснила закрепившегося уже в языке слова *жемчуг* и вскоре устарела в основном значении, но развила дополнительную семантику с амбивалентной оценочностью: ‘лучший образец, яркое проявление чего-

нибудь' и 'что-то нелепое, необычное по своим смешным качествам' [БТС, с. 824]. Широко известен дериват *перловка* 'ячменная крупа' [там же, с. 825]. В украинском языке закрепился полонизм *перли*, от которого образовано название жемчужины *перлина* [Паламарчук и др., 1986, с. 521]. Украинская лексема *перловка* является, вероятно, русизмом, поскольку в ней отсутствует переход [o] > [i] в закрытом слоге (там же).

Лексема *жемчуг* пришла в древнерусский язык в устной форме, в ней произошла закономерная регрессивная диссимиляция: в исходном звукосочетании двух переднеязычных [нч] первый звук был заменён губным [м]. Первоначально формы с [н] и [м] употреблялись параллельно [СДРЯ, с. 245, с. 248], окончательное закрепление в языке единицы с диссимиляцией произошло, вероятно, в XV веке.

Жемчуг получил широкое распространение в русской культуре. Его добывали в русских реках, привозили из-за рубежа. Барон Александр фон Гакстгаузен (1792-1866), путешествуя в 1843 году по России по приглашению императора Николая I, отмечал в своих путевых записках: «Есть губернии, например, Нижегородская, в которой каждая крестьянка носит на шее, на головном уборе от 200 до 300, а иногда и до тысячи настоящих жемчужин» [Haxthausen, 1847]. Посетив Троицкую лавру, он воскликнул: «Наиболее уважаемые образа вместо риз покрыты сплошь жемчугом и драгоценными камнями. Быть может, в одной Троицкой лавре жемчугу больше, чем во всей остальной Европе» (там же).

Антропонимия. В русской антропонимии часто встречаются имена и прозвища, образованные от названий предметов: *Топор, Лопата, Корыто, Шило, Шуба, Ложка, Свеча* и др. Иногда встречались антропонимы и от названий драгоценных камней: в XIV или XV веках жил Иван Константинович Левашов-Яхонт, в различных документах XVII века

упоминается думный дьяк Ерофей Иванович Алмаз (†1669) [Лукичев, 1989]. Однако имени или прозвища *Жемчуг* в русской антропонимии не обнаружено. Фамилия *Жемчугов*, которая образована от этого слова, имеет искусственное происхождение. Актриса крепостного театра графа Шереметева Прасковья Ивановна Ковалёва (1768-1803) в 1780 году вышла на сцену под фамилией Жемчугова. Другие актёры получили в этом театре фамилии Бирюзова, Яхонтова, Алмазова, Изумрудова и др. [Рогов, 2007; Smith, 2008].

Звучные фамилии выбирали себе в XIX веке цыганские семьи, выступающие на сцене. Основателями династии Жемчужных были исполнители цыганских романсов Раиса и Михаил [Эстрада России, 2004, с. 221]. Большевичка Перл Соломоновна Карповская (1897–1970), жена советского политического деятеля Вячеслава Михайловича Молотова (1890–1986), для подпольной работы в Харькове выбрала себя фамилию Жемчужина, которая была фактически переводом на русский язык её имени с идиш [Костырченко, 2009, с. 179-180].

Отмечены у русских также фамилии, образованные от названий профессий: *Кузнецов, Ковалёв, Плотников, Столяров, Кирпичников, Огородников, Сапожников, Швецов* и др. Около 200 жемчугоносных рек было известно в XVII веке в России. Человек, добывающий жемчуг в этих реках, должен был бы именоваться *жемчужником*, однако это значение в истории языка у лексемы не зафиксировано. В истории архитектуры жемчужником называется декор в виде непрерывного ряда круглых или овальных бус, разделенных дисками, плоскость которых перпендикулярна поверхности стены [ТРАН, с. 59]. Этот же термин употребляется в археологии при описании орнамента на керамике [Плетнева, 2018, с. 175]. В русской моде также известен термин *жемчужник* [Андреева, 1997, с. 168]: так называется женский головной убор – кокошник, сорока, украшенные

жемчугом, а также поднизь на кокошнике – бахрома из жемчужных нитей, спускающаяся на лоб и виски [БТС, с. 872]. Однако эта семантика слова *жемчужник* явно поздняя, вряд ли на её основе могла быть образована фамилия.

В Словаре русского языка XVIII века отмечено слово *жемчужник* ‘торговец жемчугом, драгоценными камнями’. Судя по количеству носителей фамилии Жемчужников и прозвища Жемчужник, таких было немало в стране. В 1495 году отмечен крестьянин Прокошко Жемчужник. В 1615-1616 годах воеводой в Вятке был Василий Богданович (Терентьевич) Жемчужников, в 1627 году серпейским городовым дворянином был Игнатий Афанасьевич Жемчужников, а в 1637-1639 годах в Серпейске (ныне село в Калужской области) воеводой был Филипп Иванович Жемчужников. Отмечены в истории московский дворянин Иван Прокофьевич Жемчужников (1640-1658), воевода в Тарусе (1664-1665) Тимофей Жемчужников, воевода в Мосальске Никита Жемчужников (1665), московскими дворянами были Павел и Леонтий Игнатьевичи, Карп и Тимофей Ивановичи Жемчужниковы (1678-1692), стряпчим был Фёдор Леонтьевич Жемчужников (1692), Павел Алексеевич и Андрей Тимофеевич Жемчужниковы были стольниками при царском дворе (1692) [Руммель, 1894, с. 858].

В XIX веке заметный след в русской литературе оставили братья Жемчужниковы (Алексей, Владимир и Александр), которые совместно с Алексеем Константиновичем Толстым (1817-1875) создали литературную маску (коллективный псевдоним) под именем Козьмы Петровича Пруткова, афористические высказывания которого до сих пор популярны в российском обществе [Смирнов,, 2011].

Топонимия. Для именованя рек Жемчужными могут быть два основания: 1) по живущих в них *жемчужницах* – раковинах моллюска, в

которых водится жемчуг [БТС, с. 302]; 2) по качеству воды. Возможно, жемчужницы водились в реке Жемчужной, протекающей в Мурманской области и впадающей в озеро Имандру, как и в одноимённой реке на полуострове Канине, расположенном между Чёшской губой Баренцева моря и Белым морем в Ненецком автономном округе Архангельской области. О ней упоминает многократно в своём дневнике путешествия на полуостров Канин в 1848 году профессор Юрьевского университета Константин Иванович Гревингк: «От р. Жемчужной мы сделали две экскурсии: одну к Чайцыну острову, другую – к Терлоному утесу» [Гревингк, 1891, с. 24]. Рядом с этой рекой были реки Рыбная, две Камбальницы [Гревингк, 1891, карта], что позволяет предположить, что и эта река названа по находящимся в ней жемчужницам.

В Зеленогорске, входящем в состав Санкт-Петербурга, имеется река *Жемчужная*. Ранее она называлась *Териоки*, по ней так был назван и город (ныне Зеленогорск), но в начале XX века название изменилось на ручей *Жемчужный*, а 1 октября 1948 года появился гидроним река *Жемчужная*. Как отмечают специалисты, происхождение гидронима не установлено [Владимирович, 2013, с. 720]. Думается, что в данном случае номинаторы хотели отразить реальное или желательное качество воды в реке. У прилагательного *жемчужный* имеется переносное значение ‘напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком’ [МАС/1, с. 477]. В песне исполнителя русского шансона Юрия Владиславовича Барабаша (сценический псевдоним Петлюра, 1974-1996) на слова самодеятельного поэта Леонида Васильевича Митенева имеются такие строки: «Стоит сосна, река жемчужная течёт, / А вдоль неё парнишка с девушкой идёт».

Но не только в России имеются реки с такими названиями. В Китае дельтово-эстуарная система рек Сицзян, Дунцзян и Бэйцзян называется

Чжуцзян (珠江, *Zhū Jiāng*) ‘Жемчужная река’. На ней находятся Гонконг и Макао [КСГН, с. 427; 童娟, 2007, с. 31]. По территории штатов Миссисипи и Луизиана США протекает река Перл (*Pearl River*). На острове Оаху, третьем по величине в Гавайском архипелаге, гавань, где нашли жемчужных устриц, местные жители называли по-гавайски *Pu‘uloa* ‘жемчужная гавань’. Захватившие остров американцы перевели это название *Pearl Harbor*, в русской транскрипции рекомендуется писать Пёрл-Харбор [Суперанская, 2013].

Положительные ассоциации, вызываемые словом *жемчуг* и его дериватами, послужили основанием для выбора их для названий населённых пунктов. В России так именуются посёлки в Крымском районе Краснодарского края, Гайнском районе Пермского края, Ржаксинском районе Тамбовской области, Ширинском районе Хакасии. Последний посёлок является курортным, он назывался *Озеро Шира*, а в сентябре 1976 года получил «красивое» название *Жемчужный* [ПГНМ, с. 154]. В окладных книгах Рязанской епархии 1676 года в составе Лазаревского прихода упоминается мельница Жемчужина, затем ставшая деревней Жемчужной, ныне *Жемчужино* в Муромском районе Владимирской области [Добронравов, 1897, с. 214]. В Мурманской области имеется населённый пункт, именуемый *железнодорожная станция Жемчужная*, там живёт всего 2 человека. В Юрьевском районе Днепропетровской области на Украине имеется село *Жемчужне*. В Белоруссии название *Жемчужный* присвоено агрогородку (так теперь в этой стране называются благоустроенные сельские поселения) в Барановичском районе Брестской области.

Урбанонимия. Прилагательное *жемчужный* обладает положительными коннотациями, поэтому его используют для названия улиц. В России так названы улицы в Апатитах, Воронеже, Липецке, пригороде

Санкт-Петербурга Сестрорецке, Тюмени, Академгородке Новосибирска. В Белоруссии улица Жемчужная и остановка с таким же названием существует в Могилёве. На Украине имеется Жемчужная улица в Днепре. В ДНР так именуется улица в Донецке. В Казахстане Жемчужная улица отмечена в Алматы. На ней расположено кафе «Жемчужное». Все эти названия – результат искусственной номинации. Однако имелись и подобные урбанонимы, названные по виду деятельности жителей. Так, в Беломорском районе Карелии на Поморском берегу в Сумском Посаде часть села называлась Жемчужный Ряд, поскольку жители занимались добычей жемчуга, а женщины ходили в украшениях из него [Вехов, 2020, с. 51].

Эргонимия. Разумеется, не могли остаться без подобных красивых названий различные объекты культуры, отдыха, общепита, спорта и пр. По всей стране разбросаны кафе, рестораны, гостиницы, носящие название, образованные от слова *жемчуг* и его дериватов. К числу наиболее известных относятся гостиница «Жемчужина» в Сочи, кафе «Жемчуг» в Санкт-Петербурге на Купчинской улице, одноимённые кафе имеются в Курске, Махачкале, Улан-Удэ, в белорусском Гомеле, в Анапе – кафе «Жемчуг» и устричный бар «Жемчужина», там же гостиница «Чёрная жемчужина», бар «Жемчужина» в Красноярске, в Бресте караоке и ресторан «Жемчуг», диско-бар «Жемчужина» в Екатеринбурге. В Торжке имеется кафе «Жемчужина», которое жители называют кратко «Жемчуг». В Мурманске название «Жемчуг» носит торгово-бытовой комплекс. В Магнитогорске имеется школа художественной гимнастики «Жемчужина». Детские сады «Жемчужина», «Жемчужинка» открыты в Москве, Уфе, Ростове-на-Дону и во многих других городах.

Библионимия и фильмонимия. Слова *жемчуг*, *жемчужина* входят в названия книг, фильмов и пр. Русский поэт Николай Гумилёв в 1910 году

издал книгу «Жемчуга», в которую вошли разделы «Чёрный жемчуг», «Серый жемчуг», «Розовый жемчуг» [НСГ1]. Два стихотворения с названием «Жемчуга» написал Константин Бальмонт в 1914 и 1921 годах. Обратим внимание на плюральную форму слова, имеющую окончание, восходящее к форме двойственного числа в древнерусском языке. Валентин Катаев в 1945 году написал сказку «Жемчужина». Американский писатель Джон Стейнбек в 1947 году опубликовал повесть «Жемчужина», основанную на фольклорных текстах. Он её начинал писать как сценарий. В 1947 году в Мексике был снят одноимённый фильм по этой повести. В 1985 году был снят американский кинофильм «Жемчужина Нила». 29 августа 2018 года состоялась премьера франко-швейцарской драмы «Жемчужина», рассказывающей о проблеме выбора между материнством и самореализацией. В России в 2016 году был снят сериал «Жемчуга», а в 2018 году – «Нырлящица за жемчугом». Библионимов и фильмонимов, содержащих слово *жемчуг* и его дериваты, много в разных странах.

Итак, слово *жемчуг*, восходящее к китайскому названию предмета и заимствованное древнерусским языком из тюркского не позже XII века, в силу популярности в русской культуре реалии получило широкое распространение не только в нарицательном значении, но и стало основой для единиц практически всех ономастических разрядов. По названию профессии была образована фамилия *Жемчужников*, получившая распространение в разных российских регионах. Возникли также искусственные фамилии от этой лексемы. Реки могли называться по месту добычи жемчуга и по прозрачности, чистоте вод. Населённые пункты и объекты в них получали названия на основе позитивных аксиологических характеристик слова. Библионимы и фильмонимы именовались словом

жемчуг и его дериватами, поскольку в них сюжет был связан с этими предметами [Вэн, 2021, с. 151].

1.2.2. История слова *шелк* в русском языке

Шёлк является символом древнекитайской цивилизации. Он является одним из важных изобретений китайцев. Шёлк играет важную роль в экономике, культуре и даже политике не только в Китае, но и в других государствах [Вэн, 2022, с. 17]. Уже в эпоху Хуан-ди, или Жёлтого императора (黄帝), одного из трёх легендарных великих властителей древнейшего периода истории Китая, существовали шёлковые изделия. Об этом сообщается в труде историографа империи Хань Сыма Цяня «Исторические заметки (Ши цзи)» («史记»), в котором охвачен период от Жёлтого Императора до империи Западная Хань включительно [Сыма, 2001]. По данным археологических памятников неолита, шёлк был изобретён китайцами более 7000 лет назад [邢声远, 2019, с. 4-6].

В китайской культуре шёлк отмечен во многих легендах и иных фольклорных произведениях. Изобретателями шёлка называются разные персонажи: Мать бога из Силина (西陵圣母), Мать Лошадиной головы (马头娘), Девушка-шелкопряд (蚕女), Правитель Ма Мин Бодхисаттва (马明王菩萨) и бог Цинь И (青衣神) [徐映荃 и др., 2016, с. 2]. По самой популярной версии, считается, что шёлк придумала в XXVII веке до н. э. легендарная китайская императрица и жена Жёлтого дракона Лэй Цзу (嫫祖), известная также под именем Си Линши (西陵氏) [Fan, 2003, с. 360].

Появление шёлка оказало большое влияние на быденную и культурную жизнь китайского народа. Благодаря шёлку появилась китайская живопись [徐映荃 и др., 2016, с. 101-102]. Уже в древнем Китае тушью и водяными красками с минеральными и растительными пигментами с

помощью кистей из бамбука и шерсти домашних или диких животных наносились рисунки на шёлковую ткань. Позже эта техника получила название *гохуа* [Виноградова, 1997, с. 137].

Среди надписей на костях и черепаших панцирях обнаружено более 100 иероглифов с ключевым указателем 糸 [sī] ‘шёлк’. В работе учёного династии Восточная Хань (25-220 гг.) Сюй Шэня (许慎) «Словарь китайских иероглифов» (Шовэнь цзецзы, 说文解字) зафиксировано 455 иероглифов, связанных с шёлком и шёлковой промышленностью; в «Словаре Юй-пянь» (玉篇) династии Сон (960-1279 гг.) – 925 иероглифов [Вэн, 2022, с. 17]. В современном китайском языке встречаются также слова и идиомы, которые связаны с шёлком. Названия шёлка встречается в сказках и других фольклорных текстах, в произведениях китайских поэтов, в пьесах, рассказах, повестях, романах и т. д. Шёлк и китайская культура тесно связаны друг с другом [徐映荃 и др., 2016, с. 106-110]. Китайское слово 丝绸 [sīchóu] образовано из двух слогоморфем 丝 ‘шёлк, шёлковый’ и 绸 ‘шёлковая ткань, шёлк, шёлковый’ [王维国, с. 664, с. 92].

Русь познакомилась с шёлковой тканью уже в X веке. В первой русской летописи «Повесть временных лет» неоднократно упоминается слово *паволока*, которым называется дорогая ткань, полученная из Византии. Она высоко ценилась, в тексте её название стоит рядом с золотом и драгоценностями [Вэн, 2022, с. 17]. Под 907 годом сообщается о походе киевского князя Олега на Царьград, в результате которого Русь взяла с византийцев дань: «И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье». Паволоки получила в дар княгиня Ольга после крещения в Константинополе. Их же в качестве дани получали от византийских правителей киевские князья Игорь и Святослав [Адриановой-Перетц, 1996].

Слово *паволока* образовано от корня *волок-*, как и *наволочка*, *оболочка*, *выволочка* и др. Однако у лексемы была нечёткая, диффузная семантика, ею называлась любая дорогая ткань [Вэн, 2022, с. 17]. Позже это слово вышло из употребления, сохранившись как историзм и в народной речи. В. И. Даль так определяет слово: «Ткань, бумажная и шёлковая, привозная, дорогая, чем обволакиваются либо одеваются» [СД/1, с. 6]. Со значением ‘шёлк’ оно фиксируется в иркутских говорах: *Дочь пона была вся в паволоках* [Сороколетов, 1990, с. 112]. В белорусском языке слово имеет значение ‘покрывало’ [ФЭС/3, с. 182], в сербском языке *павлака* – ‘наволочка’ [JSHS, с. 737].

В русский язык слово *шёлк* пришло в XIII веке. Оно встречается в памятнике древнерусской литературы «Слово (Моление) Даниила Заточника», написанном в период с 1213 по 1236 год как обращение к переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу, в крещении Фёдору (1190-1246). Автор пишет: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть <...>» [Соколова, 1993, с. 251]. В данном тексте паволокой называется шёлковое покрывало (или даже одеяло), в другом отрывке уточняется, что оно должно быть длинным. Отметим, что в этом отрывке в слове *шолкы* отражается третья лабиализация (ёканье), свидетельствующая о мягком произношении шипящего, при этом ещё не наступило смягчение заднеязычных [Вэн, 2022, с. 17].

У русского слова *шёлк* весьма сложная история. Китайское слово 糸 [sī] получило в соседних языках расширение: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. Именно в таком виде оно стало известно уже в VI веке, когда в 552 году агенты из Византии, выдававшие себя за монахов, контрабандой вывезли тутовых червей и листья шелковицы из Китая [Вэн, 2022, с. 18]. В греческом языке появилось слово σῆρες ‘шёлк’, от которого

были образованы топоним и этноним Σῆρες ‘Китай, китайцы’. У греков эти слова были заимствованы латинянами: *sericus*, *Sēres* [ШИШ, с. 504; СЭС, 2003, с. 321]. Буквально этот топоним понимался как ‘Государство, богатое шёлком’ [王冀青, 2015, с. 21].

У византийцев были сложные отношения со скандинавами, которые проникали к ним с севера через Русь (варяги) и с юга по Средиземному морю (норманны) [Вэн, 2022, с. 18]. В «Повести временных лет» рассказывается, как князь Владимир Красно Солнышко около 978 года отправил в Царьград варягов, предупредив заранее императора: «И посла пред ними слы, глаголя сице цесареви: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози ихъ дѣржати в городѣ, или то створят ти въ градѣ, яко здѣ, но расточи я раздно, а семо не пуцай ни единого» [Адриановой-Перетц, 1996]. В XI-XII вв. отмечаются военные столкновения между Византией и норманнами, а также порой их совместные действия против мусульман [Филатов, 2011, с.134-136]. Некоторые из норманнов осели в Византии и стали родоначальниками аристократических византийских фамилий [Серен, 2001].

Норманны говорили на древнескандинавском языке, на базе которого сформировались норвежский, исландский, шведский, датский и некоторые другие языки [Стеблин-Каменский, 1953]. Вероятно, у греков или римлян они заимствовали название шёлка, преобразовав его в *silki*. В IX веке в древневерхненемецком языке встречается лексема *silecho* [ФЭС/4, с. 423], около 1300 года фиксируются древнеанглийские слова *seoloc*, *sioloc* ‘шёлк, шёлковая ткань’ [Silk]. Из какого-то из скандинавских языков восточные славяне заимствовали название шёлка, закономерно преобразовав его в *шьлкѣ*. Затем возникли формы рус. *шёлк*, укр. *шовк*, белор. *шоўк*. Так китайское слово 糸 [*sī*], перейдя не менее чем через 4 языка, каждый раз видоизменялось в них, но сохранило исходную семантику.

В России первые шаги к созданию собственного шелкоткацкого ремесла были сделаны в конце XVI века при царе Фёдоре Иоанновиче, пригласившем в Москву итальянского мастера Марка Чипони, знавшего, как ткать бархат и парчу. Он основал первую шёлковую фабрику [Алимирзаев, 2009, с. 155]. В 1717 году в Москве были открыты шёлковые фабрики братьев Петра и Лазаря Лазаревых, Данилы Земского.

Активно внедрял шелководство в стране Пётр I. 30 мая 1700 года он поручил астраханскому воеводе И.А. Мусину-Пушкину «переписать деревья (тутовые), находящиеся у жильцов в Астрахани <...> и заводить сады большие. Учинить же наказ крепкий, чтобы никто под смертной казнию тутовых дерев не сек. А велеть тутовые деревья в Астрахани разводить <...>». В 1718 году армянский купец Сафар Васильев получил царскую грамоту на устройство первого в России частного шёлкового завода на реке Терек. Вокруг завода возникло грузино-армянское поселение, которое сначала получило название Сарафанниково от видоизменённого имени купца, затем стало станицей Шелковской. Так слово шёлк проникло в топонимию России. Позже эта лексема стала основой многих урбанонимов в городах страны: Шёлковые улицы имеются в Москве, Красноярске, Махачкале и др. [Вэн, 2022, с. 18].

В 1720 году по царскому указу был учрежден астраханский казенный «шелководный завод» на реке Ахтубе [Пашкевич, 1911, с. 22]. Для организации работы из Астрахани прибыли два армянина-шелководы, которые привезли с собой грену – кладку яиц бабочек тутового шелкопряда (павлиноглазки). Весной 1721 года был получен первый ахтубинский шёлк [Кистенев, 2007, с. 59]. Однако первые опыты производства шёлка на Нижней Волге были незначительны. Ахтубинский завод давал не более 3 пудов шёлка [Бычков, 1889, с. 343].

Следующая попытка возродить шелководство связана с именем астраханского губернатора генерал-майора Никита Афанасьевича Бекетова, который имел неподалёку от Царицына имение Отрада. Он осмотрел территорию бывшего шелководного завода и обнаружил богатые заросли тутовника. Рядом был построен небольшой сарай, из Астраханской садовой конторы прибыл с греной шелковод, собравший вскоре 1890 коконов, из которых было получено 87 золотников белого и жёлтого шёлка (371 г) [Башлыкова, 1999, с. 345]. Вскоре сёла Безродное (Верхнеахтубинское) и Среднеахтубинское были заселены экономическими крестьянами, которым поручалось заниматься разведением шелкопряда. В 1773 году здесь проживало 5 тысяч душ мужского пола [там же]. Однако крестьяне предпочитали заниматься скотоводством, рыбной ловлей, а шелковичных червей, как свидетельствует побывавший там известный учёный-энциклопедист Пётр Симон Паллас (1741-1811), опрыскивали солёной водой, чтобы те погибали (см.: [Башлыкова, 1999, с. 64; Гусарова, 2003]). Пожелание П. С. Палласа о том, чтобы эта местность «самую богатую многочисленную и полезнейшую область всего государства, словом российским Гиланом учинилась» [Паллас, 1788, с. 301], не было осуществлено.

В дальнейшем шелкоткачество переместилось в Москву и Подмоскowie. В 1769 году там появилась даже деревня Шёлковая, крестьяне которой подали в Государственную мануфактур-коллегию заявления о том, что они «хотят производить ткачество разных шелковых материй и платков <...>». В 1769 году в Богородском уезде было 4 крупных и много мелких шёлковых фабрик. Известно, что изготовлением шёлковых лент занимался в первые годы своей деятельности известный в дальнейшем русский предприниматель и меценат Савва Васильевич Морозов (1770-1860) вместе с

женой и детьми [Маслов]. Шёлк после начала его производства в России шёл в основном на одежду русской знати, а также использовался на нужды церкви: «Из шёлка шили праздничные одежды священников, покровы на русские православные иконы, завесы для икон» [Ли, 2010, с. 473-474].

Постепенно шёлк получил широкое распространение в жизни русского народа. Его название получила развитие семантики, стала полисемантом, оно образовало большое деривационное гнездо [Вэн, 2022, с. 19]. Слово *шёлк* в русском литературном языке имеет несколько значений: '1. Вещество, выделяемое гусеницами тутового шелкопряда и загустевающее на воздухе в виде тонких нитей. 2. Пряжа, нитки из такого вещества или из искусственного, синтетического волокна. 3. Ткань из такой пряжи, таких ниток или из искусственного, синтетического волокна. / Разг. О мягком, покладистом человеке и его характере. 4. Обычно мн. Одежда из такой ткани. 5. То, что мягкостью, блеском и т.п. напоминает такие нитки или ткань' [БТС, с. 1494]. Используется также сложное слово *шёлк-сырец* 'такое вещество, получаемое при размотке коконов'. Поговорку *В долгу, как в шелку* использует по отношению к человеку, который много и/или многим должен [там же]. Эта лексема используется в сравнительных оборотах: *кожа, словно шёлк; волосы – чистый шёлк; трава, будто шёлк, небо, как синий шёлк*.

От слова *шёлк* с помощью суффикса *-ов-* образовано прилагательное *шёлковый*. Оно имеет три значения: '1. Связано с первыми тремя значениями слова *шёлк*. 2. То же, что *шелковистый*. 3. Разг. Кроткий, послушный' [там же]. В фольклорных текстах возможен перенос ударения на второй слог: – *Неужели ты завянешь, травушка шелковая? / Неужели не вспомнешь, дура бестолковая* [Судаков, 2016, с. 113]. Из народной речи эта акцентная форма проникает в художественный текст, прежде всего опирающийся на фольклор: *На избенку эту брёвнышки / Он один таскал сосновые... / И вилися у*

Иванушки / Русы кудри, как шелковые... (Н. А. Некрасов, «Орина, мать солдатская») [Некрасов, 1981, с. 162].

В прилагательном *шелковистый* тот же суффикс *-ов-*, что и у *шёлковый*, становится интерфиксом, к которому добавляется суффикс *-ист-*, придающий слову значение ‘наделённый тем, что названо производящей основой’ [Некрасов, 1981, с. 282]. Дериват получает значение ‘похожий на шёлк (по виду или на ощупь); блестящий, мягкий, гладкий’ [БТС, с. 1494]. От прилагательного образуются наречие *шелковисто* и существительное *шелковистость* [там же].

Листья тутовника стали использовать для кормления шелковичных червей, поэтому для него от прилагательного *шёлковый* с помощью суффикса *-ица* было образован фитоним *шелковица*, который, в свою очередь, стал производящей основой для прилагательного *шелковичный* [Вэн, 2022, с. 19]. Насекомое, которое используется в шелководстве, было названо сложной лексемой, образованной путём сложения с помощью интерфикса *-о-* основы *шёлк-* со вторым глагольным компонентом с нулевой суффиксацией [Земская, 1973, с. 270]: *шелкопряд*.

Несколько единиц используется для наименования человека, занятого производством шёлка, и процессов изготовления шёлка. С помощью суффикса *-ик* от основы прилагательного образовано слово *шелковик*. Процесс изготовления шёлка разделяется на несколько этапов, для каждого из которых имеются отдельные наименования, образованные путём основосложения с суффиксацией и без неё: 1) разведение шелкопряда (*шелководство, шелковод*); 2) размотка коконов для получения шёлка-сырца (*шелкомотание, шелкомотальня, шелкомотальный, шелкомотальщик*); 3) производство шёлковой пряжи из коконов, не поддающихся размотке (*шелкопрядение, шелкопрядильный*); 4) получение кручёного шёлка

(*шелкокручение*); 5) выработка ткани из шёлковой нити (*шелкоткачество, шелкоткач, шелкотканый, шелкоткацкий*) [Вэн, 2022, с. 19-20]. Многие из этих лексем относятся к терминам, не получившим широкого распространения в языке; они не представлены в текстах художественной и публицистической литературы. К ним, вероятно, можно отнести и слова *шелковина* ‘шёлковое полотно’ (адъективный дериват *шелковинный*), *шелковинка* ‘шёлковая нитка; ворсинка шёлка’ [БТС, с. 1494], а также *шелковидный, шелкопечатный, шелкоотделочный, шелкообрабатывающий* и др. [там же].

Мы должны также упомянуть о *Великом шёлковом пути* – караванной дороге, связывавшей Восточную Азию со Средиземноморьем. По этому пути вывозились самые разные китайские товары, но постепенно главным из них стал шёлк [Вэн, 2022, с. 20]. Этот путь впервые был проложен из тогдашней китайской столицы Сианя до античного города на Евфрате Дура-Эвропас (Δούρα Εὐρώπης) и далее до Средиземного моря во времена династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.). Эта дорога описывалась во многих географических и исторических текстах, начиная с Псевдоарриана (третья четверть I века н. э.) [Бухарин, 2007] и позднеэллинистического географа и астронома Клавдия Птолемея (около 100 – около 170), но сам термин появился в трудах немецкого геолога и географа Фердинанда фон Рихтгофена (1833-1905), который побывал в 1860-е годы в Китае в составе прусского посольства, а с 1868 по 1872 год объездил 13 китайских провинций. Вернувшись в Пруссию, он 5 мая 1877 года выступил на заседании Берлинского географического общества с сообщением «О среднеазиатских шёлковых путях до 2 в. до Р. Х.», в котором использовал термин *Seidenstraße, Seidenstraßen* в единственном и множественном числе. Эта статья была опубликована в сдвоенном 5-6-м номере «Сообщений Берлинского

географического общества» [Richthofen, Über die...]. В том же году вышла его книга о Китае, в которой эти термины были им также использованы [Richthofen, China..., с. 566, с. 672]. Подробно анализируется деятельность Фердинанда фон Рихтгофена в статье, опубликованной в американском специальном полугодовом издании «The Silk Road (Шёлковый путь)» [Waugh, 2007]. Вскоре термин был переведён на другие европейские языки (рус. *Шёлковый путь*, англ. The Silk Road, фр. Route de la soie, ит. Via della seta, исп. Ruta de la seda, польск. Jedwabny Szlak и др.), стал известным в Китае (丝绸之路), к нему было добавлено определение *великий* [Вэн, 2022, с. 20].

Долгое время термин оставался историко-географическим понятием, пока Китай не заявил о своих проектах «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской шёлковой путь XXI века», объединённых в 2013 году в мегапроект (инициативу, стратегию) «Один пояс – один путь». По состоянию на 30 января 2021 года, Китай подписал соглашения о сотрудничестве в рамках этой инициативы со 140 странами и 31 международной организацией. Так термин, рождённый в XIX веке, ворвался в XXI век и стал важным фактором политической и экономической жизни всего мира. Опубликовано огромное число научных и публицистических статей об этой китайской стратегии (см., например: [Островский, 2019; Шимов, 2019; Чубаров, 2018; Авдокушин, 2015; Косоруков, 2019]). Проведён круглый стол «Экономический пояс Шёлкового пути: реальность и перспективы», материалы которого были опубликованы в журнале «Восточная аналитика» [Семёнова, 2018, с. 7-119].

Итак, уже в эпоху легендарного Хуанди, или Жёлтого императора (黃帝), 2600 лет до н. э., в Китае возникает шёлковое производство. По легенде, шёлк придумала китайская императрица и жена Жёлтого дракона Лэй Цзу (嫫祖). Ткань получила название 糸 [sī] ‘шёлк’. Это слово было заимствовано

соседними народами: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. От них в VI веке название ткани в форме σῆρες было заимствовано византийцами, от которых оно пришло в латинский язык: *sericus*, *Sēres*.

В Византии или Риме с этой тканью и её названием в IX-X веках познакомились скандинавы, преобразовав слово в *silki*. От них лексема попала к восточным славянам в форме *шьлкь*, заменив прежнее слово *паволока* с нечёткой семантикой. У восточных славян возникли формы рус. *шёлк*, укр. *шовк*, белор. *шоўк*.

С конца XVI века в России начинает развиваться производство шёлка, сначала на Северном Кавказе и в низовьях Волги, а затем в центре страны. Появилось большое количество терминов, связанных с этой промышленностью. Слово *шёлк* вошло в русский литературный язык, приобрело метафорические и метонимические переносные значения, стало широко использоваться во всех стилях языка, в разных художественных, публицистических, научных произведениях.

В истории известен *Великий шёлковый путь*, который проходил от китайского города Сианя до Средиземного моря. В XXI веке он нашёл своё продолжение в китайской стратегии «Один пояс – один путь» [Вэн, 2022, с. 20].

1.2.3. Слово *книга* в русском языке и его китайские корни

Понятие ‘книга’ в разных языках (рус. *книга*, англ. *book*, нем. *das Buch*, фр. *livre*, венг. *könyv*, фин. *kirja*, хинди [*pustak*], япон. 本 [*hon*], иврит ספר [*sefer*], зулу *incwadi* и мн. др.) обозначает ‘произведение печати в виде сброшюрованных, переплетённых вместе листов с каким-л. текстом’ [БТС, с. 435]. Следовательно, прежде чем появилась книга, у народа должна была быть письменность и подходящий материал, который можно сшить,

сброшюровать в виде отдельных листов.

В китайском языке существует слово 卷 [juàn], значение которого в «Словаре современного китайского языка» определяется как ‘книга’ [现代词典, с. 608]. Это слово первоначально было счётной единицей в третьем тоне [juǎn], потом стало использоваться для обозначения шёлковых книг [暴希明, 2006, с. 97]. Важно отметить, что произношение иероглифа 卷 в прошлом отличалось от сегодняшнего. В Средние века он, вероятно, произносился [kiɛn/kiuɛn] (в работе китайского ученого Ли Синькуэй указывается, что сегодняшний слог [uan] произносился в прошлом как [iɛn/iuɛn] [李新魁, 1991, с. 124]). Это слово могло быть заимствовано тюрками, а у них – славянами. Сейчас во всех славянских языках используется лексема, восходящая к праславянскому *кънига*: рус., укр., болг., македон. *книга*, белор. *кніга*, серб. *књига*, хорв., босан., словен. *knjiga*, чеш., словац., в.-луж. *kniha*, польск. *księga*.

Русское слово *книга* (< *кънига*), по мнению М. Фасмера, восходит через древнетюркскую лексему *küinig* к китайскому *küen*, которое обозначает ‘свиток’ [ФЭС/2, с. 263]. В этимологическом словаре Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой отмечается, что это слово было заимствовано в праславянскую эпоху из древнетюркского языка от уменьшительно-ласкательной формы лексемы *küin* ‘книга’ – *küinig*. Тюрки заимствовали слово у китайцев, у которых слово *küen* обозначало ‘свиток’. В уйгурском языке существует слово *kuin* ‘книга’ [ШБЭС, с. 135]. Как известно, уйгуры с давних времён контактируют с китайцами [Шабалов, 2014].

В русском языке имеется лексема *книгочей* ‘любитель чтения, книжник’ [БТС, с. 435], она также была заимствована у тюрков от восточнобулгарского и древнетюркского слова **küinigči* [ФЭС/2, с. 263]. При этом в русском языке оно стало производным, в нём выделяется корни

книг- и *-чей*, соединённые интерфиксом *-о-* (как и сходные по структуре слова *краснобай, чудодей, брадобрей, острослов* и др.). С помощью интерфикса *-о-* образуется ещё немало количество производных слов с корнем *книг-*: *книговедение, книголюб, книгоноша, книгообмен, книгопечатание, книгоиздательство, книготорговец, книгопродавец, книгохранилище* и т.п.

С помощью суффикса *-ьн-* с закономерной первой палатализацией заднеязычного *г > ж* и выпадением *ь* в слабой позиции было образовано прилагательное *книжный*, а от него присоединением суффикса *-ик* название для любителя чтения – *книжник*. Суффикс *-иц-* образует уменьшительно-ласкательное название *книжица*. Деминутивный суффикс *-ьк-* выделяется в слове *книжка*. С помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ечк-* образуются слова *книжечка*. Суффикс *-онк-* придает слову уничижительную коннотацию: *книжонка*. В данном слове произошла третья лабиализация *е > о*, первоначально суффикс был *-енк-*. Увеличительный суффикс *-ищ-* образует слово, которое указывает на большие размеры книги: *книжища* [СоСРЯ]. У слова *книженция* отмечается уничижительная коннотация [СЕ/1, с. 980], однако реальное использование его в текстах скорее свидетельствует о положительном, фамильярно-интимном употреблении лексемы: *Ах, это была бы славная книженция, составленная из маленьких изящных новелл, взятых из моей жизни! С улыбкой радости читатель держал бы эту книгу в своих руках* [ММЗ]. – *Александр Дмитриевич, – глухо пробормотал старик, – ты, брат, того... дал бы мне книженцию эту почитать, пособие это самое...* [ВПА].

Итак, слово *книга* появилось в славянских языках в результате заимствования из древнетюркского языка от лексемы *küinig* с уменьшительным суффиксом, которая восходит к китайскому слову 卷,

изменившему своё произношение и семантику: [kiɛn/kiuɛn > juàn], ‘свиток’ > ‘книга’. В русском языке было образовано большое количество дериватов, которые относятся к написанию, изготовлению и продаже книг, а также выражают оценку книжного произведения.

1.2.4. Китаизм *чай* и его дериваты в русском языке

Китай считается родиной чая. История использования растения для приготовления напитка, по данным китайских исследователей, можно проследить до 1100 г. до н.э. [冈夫, 1995, с. 3]. Слово 茶 [chá] ‘чай’ в китайском литературном языке имеет несколько значений: 1) вечнозеленый кустарник с листом продолговатой формы, который после обработки используется для приготовления напитка; 2) напиток из чайного листа; 3) название некоторых напитков (не из чайного листа); 4) чайное масличное дерево [现代词典, с. 111].

По легенде, чай впервые стал использовать как напиток мифологический правитель, один из Трёх Великих, покровитель земледелия и медицины Шэньнун (神农), имя которого переводится как Божественный Земледелец. В китайской мифологии рассказывается: 神农尝百草, 日遇七十二毒, 得茶而解之 «Шэньнун пробовал разные травы и из 100 растений 72 нашел ядовитыми». В данном случае число 100 является символическим обозначением полноты, а 72 – завершенности временного цикла (в китайском календаре 72 пятидневки *юань* образуют 360 дней года) [杨昌敏, 2014, с. 27; Мироненкова, 2017, с. 556; Виноградский, 2007, с. 6]. Шэньнуну приписывают использование чая как лекарственного средства и бодрящего напитка.

Из истории Китая известно, что уже в династии Шан (1554-1046 гг. до н. э.) чай начали использовать для лечения болезней и иногда как напиток во

время еды. В период династии Чжоу (1122-249 гг. до н. э.) постепенно стали его использовать как освежающий напиток, однако широкое распространение он получил только в династии Хань (206 г. до н. э. – 221 г. н. э.), когда были освоены новые способы сбора и обработки чайных листьев. Постепенно вырабатываются правила чаепития [Okakura, 1906]. Их описывает китайский поэт Лу Тун (790-835) в стихотворении «Семь чашек чая» (七碗诗 卢仝):

Первая чаша увлажняет мои губы и горло 一碗喉吻润,
Вторая чаша нарушает мое одиночество; 二碗破孤闷,
Третья чаша обыскивает мои бесплодные внутренности, 三碗搜枯肠,
Чтобы найти в нем около пяти тысяч свитков; 惟有文字五千卷,
Четвертая чаша вызывает легкое потоотделение 四碗發輕汗,
И все несправедливости жизни выходят через мои поры; 平生不平事
尽向毛孔散,
Пятая чаша очищает мою плоть и кости; 五碗肌骨清,
Шестая чаша призывает меня к бессмертным. 六碗通仙灵,
Седьмая чаша не могла быть выпита, 七碗吃不得也,
Только дуновение прохладного ветра шевелит мои рукава. 唯覺兩腋習
習清風生 [杨多杰, 2020, с. 169].

По мере распространения употребления чая и развития чайной культуры в Китае появились разные способы производства чая: 散茶 [sǎnchá ‘рассыпной чай’] < 散 ‘разрозненный; рассредоточенный’; 碎茶 [suìchá ‘гранулированный чай’] < 碎 ‘раздробленный; мелкий’; 砖茶 [zhuānchá ‘кирпичный чай’] < 砖 ‘кирпич; кирпичный’ (изобретён китайскими чаоторговцами в провинции Хубэй); 团茶 [tuánchá ‘плиточный чай’] < 团 ‘группа’; 饼茶 [bǐngchá ‘прессованный чай в форме лепешки’] < 饼 ‘лепешка; блин’; 坨茶 [tuóchá ‘прессованный чай в форме чаши’] < 坨 ‘кусок’); 沱茶

[tuóchá] – по названию реки Туоцзян 沱江 [tuójiāng] и др. [砖茶; 陶德臣, 2018, с. 70; 王维国, с. 607, с. 1000, с. 714, с. 674, с. 42; 现代词典, с. 1162]. Переводы некоторых из этих терминов (*гранулированный чай, кирпичный чай, прессованный чай и плиточный чай*) получили распространение и в русском языке.

Китайский чай и чайная культура разными путями получили распространение в других странах. Во времена династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.) Китай установил торговые связи со странами южных морей (побережье и острова Тихого и частично Индийского океанов), куда был завезён чай. При династии Тан (618–907) были открыты основные пути экспорта чая в Среднюю Азию и Европу, куда он поставлялся через Южно-Китайское море, вдоль полуострова Индокитай, через Малаккский пролив, Индийский океан, Персидский залив и Средиземное море. В 1405-1433 годы состоялись знаменитые «семь путешествий Чжэн Хэ» – семь плаваний китайского флота в Юго-Восточную Азию и Индийский океан во главе с легендарным адмиралом империи Мин, путешественником и дипломатом Чжэн Хэ (1371-1435) [Finlay, 2008], после чего чай получил широкое распространение в Юго-Восточной Азии, Африке, на Аравийском полуострове и т. д. Сухопутным путём чай также поставлялся из Китая на юг – в страны Юго-Восточной Азии и на север – из провинций Шаньси и Хэбэй через Великую китайскую стену и Монголию в Россию [莫银燕, 2017, с. 140-141].

В Россию высушенные листья растения впервые попали в XVII веке, когда казаки преподнесли царю в качестве подарка от монгольского алтынхана свертки с чаем. В XVIII веке чай распространился в высших слоях общества. В XIX веке чай и чаепитие уже часто описывается в художественной и публицистической литературе [Виноградский, 2007, с. 16].

Слово *чай* было заимствовано русскими из тюркских языков. Тюрки давно познакомились с севернокитайской лексемой 茶 [chá], добавив в ней в конце [i/j]: тур., азерб. çay, татар. чэй, чуваш. чей, узб. choy, якут. чэй и др. В некоторых языках инициальный согласный был преобразован в соответствии с системой консонантизма в них: башк. сэй, казах шай, монг. цай, араб. القهوة [шай].

В Европе первоначально также было известно слово с начальной аффрикатой *cha, tcha, chia, cia* (1590-е годы), восходящее к португальскому заимствованию из мандаринского варианта китайского языка *cha* в 1550-е годы. Однако с 1610 года главным поставщиком чая в Западную Европу стала голландская Ост-Индийская компания, завозившая чай из южной части Китая, где распространён кантонский (гуанчжоуский) диалект, в котором название растения и напитка произносилось как [te]. Чай стал известен в Париже в 1635 году; практика его употребления была введена в Англии в 1644 году. Это слово с 1650-х годов стало употребляться в западноевропейских языках [НОЕД; ФЭС/4, с. 311]: нидерл. thee, англ. tea, нем. Tee, швед., норв., дат. te, ит. tè, исп. té, фр. thé и др. Из европейских языков, но, возможно, в некоторых случаях и непосредственно из кантонского диалекта этот вариант названия чая получил распространение во многих языках мира: фин., эст. tee, иврит תה [tha], индонез. teh, зулу itiyе, коса iti и др.

Известный советский и российский ботаник, популяризатор науки Борис Николаевич Головкин в своей книге «О чём говорят названия растений» отмечает: «Первым из европейцев о чае пишет в 1589 году монах-иезуит Иоанн Маффеус, называя его чиа (chia). Другой монах Луи Ле Комб в своей книге “Новые мемуары о стране Китай”, вышедшей в 1696 году, говорит уже о двух названиях: “Китайцы называют его „ча“ (cha), и только на диалекте провинции Фукиен он носит название „тэ“» [Головкин, 1992].

Фукиен – название в некоторых европейских источниках провинции Фуцзянь (福建) на юго-востоке Китая, где распространён миньский (фуцзяньский, хоккиен) диалект китайского языка, существенно отличающийся от северных диалектов (гуаньхуа, бэйфанхуа) [Завьялова, 1996].

Слово *чай* в русском языке стало многозначным: 1. Вечнозелёное дерево или кустарник семейства чайных, листья которого используются для изготовления питья. 2. Особо обработанные и высушенные листья этого растения, служащие для приготовления ароматного тонизирующего напитка. // Напиток, настоянный на этих листьях. 3. Питьё такого напитка, чаепитие. 4. Высушенные травы, листья, коренья, плоды и т. п., служащие для заваривания лечебных настоев; сбор таких трав, кореньев и т. п. // Напиток, приготовленный из таких трав, кореньев и т. п. [БТС, с. 1466].

Основными сортами чая в России являются *зелёный чай* и *чёрный чай*. Первое название известно всем народам, оно, вероятно, является калькой с китайского 绿茶: англ. green tea, дат. grøn te, тур. yeşil çay, серб. зелени чај и мн. др. Второе же название отличается от китайского; китайцы этот сорт чая именуется по цвету напитка красным 红茶, тогда как у других народов название дано по внешнему виду высушенных листьев: швед. svart te, фр. thé noir, португ. chá preto, перс. سیاه چای и мн. др.

Рассыпной чай называют также *байховым* [БТС, с. 55]. Это самый распространённый вид чая, он обнаруживается ещё во времена династии Цин (1488-1505) в провинции Гуанси [林朝賜, 叶平楠, 2015, с. 6]. У этого слова есть несколько этимологических версий. М. Фасмер считает, что слово *байховый* заимствовано от китайского 白花 [báihuā] ‘белый цветок’ [ФЭС/1, с. 108], однако в Китае словом 白花茶 [báihuāchá] называется не сорт чая, а особое растение - красивоплодник (*Callicarpa nudiflora*). П. Я. Черных возводит это слово к китайскому 百合 [bǎihé] ‘лилия’ [ЧИЭС/2, с. 65; 王维国,

с. 11]. В Китае имеется сорт чая 白毫茶 [báiháochá].

Словом 白毫 [báiháo] называется слой тонкого пуха, который растет на обратной стороне чайных почек, после высыхания он становится белым. Китайское словосочетание 白毫茶 состоит из трех элементов: 白 ‘белый; седой’, 毫 ‘тонкая и острая ворсинка’ и 茶 ‘чай’ [王维国, с. 10; 现代词典, 1978, с. 4371; 张建华, с. 903; 王维国, с. 54]. С. А. Кузнецов добавляет в словаре в конце статьи **байховый**: *от названия едва распустившихся почек чайного листа* [БТС, 55], что, видимо, является наиболее точной этимологией слова.

В торговле чай различался по месту производства или промежуточной доставки. Идущий из Китая на Кяхту и далее гужом в Россию называли *кяхтинский чай* [СД/3, с. 834; Станюкович, 1977]. *Кантонский чай* англичане везли морем из Китая, он поступал в Россию через Финляндию. *Нанкинский*, или *семипалатинский чай* везли сухим путем из западного Китая на Сибирскую и Оренбургскую линии [О подделке, 1860, с. 212-213]. На Нижегородской ярмарке разные китайские чаи побеждали по очереди: в 1863 г. – кантонский, 1864 г. – кяхтинский, в 1865 г. – кантонский [Бакалдина, 2018, с. 5].

По мере распространения производства чая в мире он перестал восприниматься как обязательная принадлежность Китая. В России стали выращивать чай на юге страны, к его разведению привлекаются китайские специалисты (см. подробнее: 2.6.). Появился *индийский, цейлонский, грузинский, краснодарский чай*. В России получил популярность *чай со слоном*, поскольку на коробке с этим чаем была надпись «Чай индийский» и изображен слон с сидящим на нём погонщиком в чалме и с длинной бородой. К Индии этот чай имел опосредованное отношение, он был создан на Иркутской чаеразвесочной фабрике в результате смешивания двух третей грузинского чая и одной части индийского сорта «Дарджилинг», в продажу

этот чай поступил в 1972 году [ИИЧФ]. По изображению слона его также называли *чаем со слониками* [Харченко, 2018].

Лексема *чай* прочно вошла в лексический состав русского языка и дала большое количество дериватов. С помощью деминутивно-мелиоративного суффикса *-ок* образовано слово *чаёк*, а фамильярно-уничижительный суффикс *-ишко* даёт дериват *чаишко* (наложение гласного суффикса с последним согласным корня).

От существительного *чай* было образовано прилагательное *чайный*, которое послужило основой для ряда новых существительных. Для названия посуды, в которой приготавливают чай, с помощью суффикса *-ик* было образовано слово *чайник*, однако оно стало использоваться не только как наименование посуды, в которой заваривается чай, но и сосуда для кипячения воды. Это связано, видимо, с традицией чаепития в России: в отдельном сосуде изготавливалась крепкая заварка чая, которая затем разбавлялась в стакане или кружке кипятком из самовара или другой посуды, на которую и было впоследствии перенесено название *чайник*. Для указания предмета, в котором непосредственно готовится чай, используются прилагательные *заварочный*, *заварной*. С помощью суффикса *-ек* образуется уменьшительно-ласкательное существительное *чайничек*.

Название сосуда для хранения сухого чая *чайница* образуется с помощью суффикса *-иц(а)*. С помощью суффиксов единичности *-ин-* (с наложением гласного *и* на конечный согласный *й* основы) и уменьшительного *-к(а)* образуется название отдельного кусочка листа сухого или заваренного чая *чаинка* [БТС, с. 1466].

Прилагательное *чайный* субстантивировалось в форме женского рода и множественного числа. Слово *чайная* первоначально употреблялось как обозначение комнаты в доме, в которой семья и гости собирались для

чаепития. Владимир Александрович Соллогуб (1813-1882) в повести «Серёжа» («лоскуток из вседневной жизни»), впервые вышедшей в свет в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1838 году (№ 15), пишет: «Для молодой жены мало скромного уголка, в котором помещался Карпентов; для неё нужны все утончённости роскоши: нужны диванная, чайная, а в особенности боскетная. Николай Осипович созвал плотников и начал, говоря слогом помещичьим, пристраиваться. Вскоре появилась боскетная с ужасными растениями, спальня, чайная и девичья» [ВАС, с. 31]. К концу XIX века появились заведения для простого народа, в которых подавался чай и скромные закуски. А. П. Чехов в рассказе «Случай из практики», опубликованном в 1898 году в журнале «Русская мысль», упоминает о таком помещении: «На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами рабочие играют, ну чтения с волшебным фонарем, великолепная чайная и, кажется, чего уж» [АПЧ, с. 78]. В XX веке такие заведения встречаются повсеместно: «С версту пройдёт – будет на дороге деревня, а в ней – чайная, вот вы зашли бы, да попили чаю, и нам тоже позвольте» [АМГ]. Долгое время такие заведения сохранялись и при советской власти.

Субстантивированный термин *чайные* используется в ботанике. Так обозначается семейство двудольных растений, листья представителей некоторых из них используются для изготовления чая [Дудченко, 1989].

Прилагательное *чайный* имеет широкую сочетаемость с существительными: *чайный куст, чайный лист, чайный аромат, чайный сервиз, чайный поднос, чайный стакан, чайный цвет, чайный запах, чайная плантация, чайная фабрика, чайная промышленность, чайная ложка / ложечка, чайное дерево* и др. Некоторые словосочетания являются терминами: *чайная роза* ‘сорт розы с цветками бледно-жёлтого цвета’, *чайный гриб* ‘слизистая плёнка из микроорганизмов, растущая в сладком

растворе чая’, *чайный квас* ‘кисло-сладкий легко газированный напиток, образуемый чайным грибом’ [БТС, с. 1466]. Близки к фраземам некоторые устойчивые словосочетания, значение которых раскрывается с учётом лингвокультурного анализа: *чайная пара* ‘чашка и блюдце, используемые совместно при чаепитии’, *чайный домик* ‘лёгкая парковая постройка в Японии для проведения чайной церемонии’, *чайная церемония* ‘ритуализованная форма чаепития в Китае и Японии’.

Прилагательное *чаевой* ‘даваемый кому-либо сверх оплаты за обслуживание, мелкие услуги (о деньгах)’ [БТС, с. 1466] ограничено в сочетаемости (*чаевой рубль, чаевые деньги*) и постепенно выходит из употребления, вытесняется субстантиватом *чаевые*. Прилагательное *чаевой* встретилось в воспоминаниях кинорежиссёра-документалиста Василия Васильевич Катаняна (1924-1999): «Потом мы были у дедушки в “Метрополе” и в кафе заказали мазагран, холодный кофе со взбитыми сливками в высоких бокалах, самое сильное впечатление от его приезда. Уходя, папа оставил на подносике чаевой рубль, а я волновался – не украдут ли?» [ВВК, с. 31]. Запись относится в 1932 году, при описании событий в более позднее время автор употребляет субстантиват: «Промакнув рот салфеткой, он [Вертинский] спросил счет. У него счет был рубль пятьдесят, и он дал, как принято, 15 копеек сверх. Я же по-купечески – знай наших! – отвалил кучу чаевых» [ВВК, с. 390].

Прилагательное *чаевой* и субстантиват *чаевые* возникли на основе фразеологизма *дать / давать (брать) на чай* [БТС, с. 1466]. Любопытно, что только у восточных славян обозначение этого действия связано с чаем, причём, возможно, белорусы и украинцы позаимствовали свои слова у русских: белор. *чаявыя*, укр. *чайові*.

Глагол *чаёвничать* предполагает производящее слово **чаёвный*. Его нет в литературном языке, однако оно встречается в диалектах: *чаёвная* ‘любительница пить чай’ [ООС, с. 474]. Подтверждают его потенциальное существование в языке дериваты *чаёвник*, *чаёвница*, образованные с помощью суффиксов *-ик* и *-ица*. В книге В. В. Катаняна имеются такие контексты: «Лихачев был умный, с чувством юмора мужик, одетый в китель – тогда подражали Сталину. Каждый раз был чай – “я чаевник, а вы, Лидия Ильинична?”». «Вернувшись усталая после спектакля, Плисецкая смотрела за вечерним чаем (она чаевница – как коренная москвичка) отснятый спектакль и, как правило, во многом оставалась не удовлетворенной собою» [ВВК, с. 316, с. 172]. Глагол *чайничать* отмечен как разговорный синоним к *чаёвничать* [БТС, с. 1466].

В русском языке используется большое количество сложных слов с начальным *чае-*: *чаевод*, *чаеводческий*, *чаеводство*, *чаепитие*, *чаеоторговля*, *чаепрессовочный*, *чаеразвесочный*, *чаесушильный*, *чаеуборочный*, *чаеупаковочный* [ЕНС; ТНСС, с. 551; Земская, 2011, с. 259, с. 261, с. 272].

Слово *чай* столь основательно вошло в русский язык, что стало употребляться в названиях растений, высказываниях, характеризующих быт русского народа, этикетных формулах. Одно из растений, которое в России до распространения чая из Китая заваривали и использовали в качестве лечебного и тонизирующего напитка, получило название *иван-чай* [БТС, с. 373]. Понятно, что такое наименование могло быть образовано только после появления слова *чай* в русском языке, т. е. после XVI-XVII века. М. Фасмер отмечает, что так он был назван, поскольку из него приготавлился русский чай, а также высказывает предположение, что слово могло возникнуть от топонима *Ивангород* [ФЭС/2, с. 114]. Выдвигается также версия о том, что название дали англичане, которые в XVII веке закупали русский чай тоннами

и называли его по популярному русскому имени (https://aif.ru/society/nature/pochemu_ivan-chay_tak_nazyvaetsya). В ботанике трава именуется *кипрей узколистый* [Жизнь растений, 1981, с. 225-226; Кароматов, 2016]. Народное название этого растения *копорский чай*, *копорка* образовано от топонима *Копорье*, названия села около Санкт-Петербурга [ФЭС/2, с. 319], где это растение произрастает в больших количествах и там впервые стали его заваривать.

Существует не подтверждённая документами история о том, что во времена императрицы Екатерины II некий «дворовый человек Царскосельской вотчины» Савелов, побывав с российским посольством в Китае, организовал «выделку копорского чая». «Около 1820 года г. Савелов переселил несколько семей из петербургского имения своего в московское, – и выделка копорского чая немедленно там распространилась под названием *иван-чая*» [О подделке, 1860, с. 214-215].

Первоначально иван-чай использовался для добавки в кяхтинский, поэтому вполне возможно, что включение в название травы типичного русского имени намекало на противопоставление русского чая китайскому. Фальсификация кяхтинского чая вскоре была обнаружена, московское купечество и американская компания обратились с жалобой в правительство, которое в 1816 году запретило сбор и подмешивание травы в чай. В 1819 и 1833 годы были о том же изданы новые указы, а в 1834 году в Петербурге была учреждена особая комиссия. «Многие подвергнулись законному строгому взысканию, были наказаны телесно, сосланы или лишены доброго имени. Несколько московских торговцев и люди помянутого г. Савелова были также изобличены и наказаны» [О подделке, 1860, с. 215-216].

Но и после этого сбором травы и приготовлением копорского чая занимались крестьяне во многих местах России: в деревнях Хотнежи,

Мазанки, Ганбово, Твердого Ямбургского уезда, Гусинки, Расколовки, Селище Царскосельского уезда Петербургской губернии, Парфенихи, Упихи, Хохловой, Сергеевке, Гари, Запрудне, Татьяниной, Быковой, Корюшевой, Гусенках Дмитровского уезда Московской губернии, Бурцовой, Сосковой, Задиловой, Гуслевой Александровского уезда Владимирской губернии, Юркиной, Сорокиной, Бардиной Калязинского уезда Тверской губернии и др. [О подделке, 1860, с. 217-218].

В настоящее время в России иван-чай обретает новую популярность, он назван культурным наследием России, публикуются книги о нём и с рецептами приготовления напитка, учёные исследуют его биохимический состав и лечебные свойства [Кароматов, 2016; Иринаина, 2021], в разных местах страны проводятся фестивали иван-чая (<https://www.culture.ru/events/1969767/festival-ivan-chai>).

В народе используется приветствие участникам чаепития *Чай да сахар!* или *Чай с сахаром!* [БТС, с. 1466]. Оно отмечено в художественных текстах: «Зашел я в первый постоялый двор, который показался мне попроще, поменьше, и застал хозяев за самоваром; тут же сидели две молодые бабы, трое или четверо детей да один проезжий крестьянин. – Чай да сахар! – Просим милости чаю кушать! – отвечали все в один голос» [ВАСл]. Эта этикетная формула возникла по образцу более известного и более древнего пожелания приятного аппетита тем, кого застали за едой: *Хлеб да соль! Хлеб-соль!* [БТС, с. 1444]. Встречается также формула благодарности за угощение во время чаепития: *Спасибо за чай-сахар!* В настоящее время отмеченные выше приветствие при чаепитии и благодарность за угощение используются редко.

Лексема *чай* вошла во многие русские фразеологизмы, устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки: *гонять / распивать чай* (неспешно,

долгое время пить чай), *баловаться чайком* (любить пить чай в любое время), *обсудить за чашкой чая* (побеседовать в неофициальной обстановке), *пить пустой чай* (без сахара или без конфет или выпечки), *Приходите на чашку чая!* (приглашение в гости), *Некогда чаи распивать* (надо браться за серьёзную работу), *Выпей чайку – позабудешь тоску!* (приглашение к чаепитию), *Чай пить – не дрова рубить* (согласие на приглашение к чаепитию и подчёркивание, что это не труд, а удовольствие), *Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем ослаб!* (шутливое высказывание после обильного чаепития), *Мы за чаем не скучаем, по семь чашек / три чашки выпиваем* (так говорят о себе любители чаепития и праздного проведения времени), *Чай не водка – много не выпьешь* (шутливое обозначение завершения чаепития), *Чаем на Руси никто не подавился* (так говорят, когда в чашку попадают чайники) и мн. др. [БСРП; РМР; ВУФС; СНМ, с. 603; Иванникова, 2015].

1.2.5. Термин *женьшень* в русской и китайской лингвокультурах

Женьшень на протяжении нескольких тысячелетий используется людьми для лечения различных заболеваний, а также в качестве тонизирующего средства [Женьшень, 2005, с. 5]. Это растение упоминается как лечебное растение уже в основополагающих медицинских трактатах Хуанди, или Жёлтого императора (黃帝), одного из трёх великих властителей древнейшего периода истории Китая. О женьшене упоминает и другой представитель этой легендарной троицы император Шэнь-нун (神农) в своём «Трактате о корнях и травах» («*神农本草经*»). Первоначальный текст этого произведения не сохранился, но известно, что Тао Хунцин (陶弘景, 456-536) его включил в свой «Канон корней и трав» («*本草经集注*»), который также большей частью был утрачен [Вэн, 2021, с. 308].

В китайском языке фитоним 人參 [rénshēn] образован из двух слогоморфем 人 ‘человек, люди’ и 參 ‘корень, женьшень, кодонопсис мелковолоосистый’ [王维国, с. 594; 现代词典, с. 1008]. Растение так названо по внешнему сходству его корня с человеком (ср.: 海參 ‘трепанг, морской огурец’ < 海 ‘море’ и 參 ‘корень’) [ЧИЭС/1; ЭСРЯ, с. 145]. Женьшень в древних китайских медицинских текстах получает разные наименования: 人銜 [rénxián], 鬼盖 [guǐgài], 土精 [tǔjīng], 神草 [shéncǎo], 黄参 [huángshēn], 血参 [xuèshēn], 地精 [dìjīng] [ЧИЭС/1, с. 7; 王德富, 1992, с. 78].

Женьшень вошел в китайскую культуру как важное медицинское средство и как часть культурной традиции. Сложены легенды о нём, исполняются песни, танцы, пишутся произведения китайской национальной живописи и т.д. [刘秀丽, 1992, с. 98]. Типичными персонажами китайских легенд являются девушка-женьшень и кукла-женьшень. По преданию, кукла-женьшень помогает бедным детям обрести счастье, а девушка-женьшень вышла замуж за парня, собирающего женьшень, и прожила с ним счастливо [王德富, 1992, с. 78]. О женьшене пишут в своих произведениях многие китайские писатели. Известный поэт Су Ши (苏轼, 1037-1101) любил принимать женьшень для лечения. Он в своих стихах восхищается медицинскими свойствами женьшеня: 糜身辅吾生, 既食首重稽。 «Женьшень жертвует собой, чтобы помочь мне поддерживать жизнь. После приёма женьшеня я нахожусь в добром здравии. Я выражаю свою благодарность в соответствии с этикетом обращения придворных к императору: кланяюсь в ноги» («小圃五咏·人參») [孙文采, 王嫣娟, 2011, с. 189]. В китайском классическом романе XVIII века «Сон в красном тереме» («红楼梦») фитоним *женьшень* встречается 12 раз, при этом указывается не только медицинская ценность корня, но и социальные особенности его употребления. Героиня Ван Сифэн сообщает, что женьшень часто

встречается у неё в доме. Другой персонаж Цинь Кэцин, заболев, использует женьшень хорошего качества. А Цзя Жуй, имеющий более низкий статус, может употреблять женьшень только низкого качества [孙文采, 王嫣娟, 2011, с. 226].

Современный китайский писатель из Гонконга Цзинь Юн, пишущий в жанре уся, почти в каждом романе упоминает о женьшене. В романе «天龙八部» («Восемь рас небесных драконов») говорится о том, что хозяину нужен женьшень для продления жизни [孙文采, 王嫣娟, 2011, с. 214]. В романе «射雕英雄传» («Предания о героях, стреляющих в орлов») персонаж Лян Цзывэн работает женьшеньщиком. В романе «倚天屠龙记» («Меч небес и сабля дракона») также встречается упоминание о женьшеньщике [孙文采, 王嫣娟, 2011, с. 215].

Женьшень является ценным подарком в Китае. Знаменитый китайский художник, каллиграф и мастер резьбы по камню Ци Байши (1864-1957) в 1954 году отмечал своё 90-летие. Мао Цзэдун не смог участвовать в его чествовании, но передал художнику 4 дорогих подарка, одним из которых был женьшень с северо-востока [孙文采, 王嫣娟, 2011, с. 207].

О женьшене впервые упоминает русский дипломат, политический деятель, учёный, богослов, путешественник, географ, переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) (1636-1708) в сохранившейся рукописи «Описание первья части вселенная, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его города и провинции» (последняя четверть XVII века), но пока называет его *корень: И тот корень варят и дают тем, которые слабы от долгой немочи, и великую помощь подает* [Журавлев, Коляда, 1996].

Слово *женьшень* было заимствовано русским языком непосредственно из китайского в конце XIX века путём транскрибирования.

Оно впервые встречается в романе известного русского писателя Михаила Николаевича Волконского (1860–1917) «Мальтийская цепь» (1891): *Узнав, что она больна, Мельцони стал просить позволения привезти эликсир, который у него есть и который делает чудеса, вылечивая, как китайский корень женьшень, от двадцати двух болезней* [Волконский, 1995]. Это слово было зафиксировано в словаре иностранных слов М. Попова, изданном в 1904 году и неоднократно переизданном позже: *Жень-шень или жин-зэнг – целебный корень одного растения в Китае, в большом почёте у китайцев* [ПСИС, с. 134]. Четырьмя годами ранее отмечен адъективный дериват *женьшеневый*. Российский военный деятель, генерал от инфантерии, писатель, один из первопроходцев Уссурийского края Иван Павлович Надаров (1851-1922) в своей книге «Северно-Уссурийский край» (1887) пишет: *В 1882 и 1883 годах <...> число маньчжур (китайцев), приходивших из Маньчжурии на жень-шеневый промысел в Северно-Уссурийский край ...* [Журавлев, Коляда, 1996].

В трудах исследователей и писателей XIX – начала XX века В.К. Арсеньева, Р.К. Маака, М.М. Пришвина и др. название растения встречается в написании через дефис. В.К. Арсеньев в книге «Китайцы в Уссурийском крае» сообщает: *Жень-шень – растение реликтовое и потому чрезвычайно капризное* [Арсеньев, 1914, с. 121]. М.М. Пришвин пишет повесть «Жень-Шень», которая первоначально была опубликована в № 3 журнала «Красная новь» за 1933 год под заглавием «Корень жизни», название растения употребляется в тексте с прописной буквы, как имя собственное: *Так остались на своей родине и страшные тигры, и одно из самых прекрасных в мире, самых нежных и грациозных существ – пятнистый олень, и растения удивительные: древовидный папоротник, аралия и знаменитый корень жизни Жень-Шень* [Пришвин, 1983].

Все зафиксированные в НКРЯ употребления слова *женьшень* в художественных текстах относятся к Дальнему Востоку. Это слово встречается при описании природы у писателя, путешественника и этнографа В.К. Арсеньева в упомянутой книге «По Уссурийскому краю» (1917): *Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д.* [Арсеньев, 2020]. См. также [Супрун, Ся, 2017].

Слово это встречается также у дальневосточного ботаника И.К. Шишкина (1930) при описании флоры бассейна р. Иман и для объяснения особенностей женьшеневого промысла в этом районе: *В горной части Имана женьшень в диком виде встречается значительно чаще, чем в других районах Приморья; об этом отчасти можно судить и по тому, что, помимо сотен человек местного населения, ежегодно сюда приезжают для сбора его значительное количество пришлого элемента (главным образом, китайцы и корейцы)* [Журавлев, Коляда, 1996]. В этих случаях слово *женьшень* употребляет в первичном значении как номинация самого растения.

В повести К.С. Бадигина «Секрет государственной важности», в которой рассказывается о последних днях власти интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, о борьбе приморцев с ними, встречается лексема *женьшень* в прямом значении с пояснением *корень жизни*: *В зарослях папоротника, может быть, рядом, под ногами, прятался таинственный корень жизни – женьшень.* В другом контексте появляется словосочетание *искатель женьшеня*: *Одно было ясно – фанза принадлежала искателю женьшеня: об этом говорили валявшиеся повсюду костяные палочки, которыми выкапывают из земли*

чудодейственные корни, и множество пустых коробочек разных размеров [Бадигин, 1966]. В этой же повести слово *женьшень* становится антропонимом, такую кличку получает полковник Рязанцев, остающийся в подполье: – *Помните, дорогой, вы должны знать всех, вас — пока только я. Ваша кличка — «Женьшень». Итак, Женьшень, желаю счастья* [Бадигин, 1966].

В произведении В.К. Арсеньева отмечено слово *женьшеньщик*, которое является синонимом словосочетаний *искатель (собиратель) женьшеня*: *Надо удивляться выносливости и терпению китайцев. Я несколько раз видел женьшеньщиков* [Арсеньев, 1914, с. 126].

Кроме слова *женьшень* и его дериватов, была обнаружена лексема *ин-шень*, заимствованная из северо-восточного диалекта Китая, в котором слог [rén] часто произносится как [yín], т.е. инициаль [y] заменяет [r]. Путешественник, зоолог, этнограф, автор многочисленных научно-популярных статей, очерков, книг Вячеслав Пантелеймонович Вradiй (1871 – после 1915) в своей брошюре «О растениях и древесных породах Дальнего Востока» (1904) пишет: *Во время же моей бытности на Дальнем Востоке китайцы и корейцы не только занимались сбором корня ин-шеня в Южно-Уссурийском крае, но даже охотно брали установленные на то билеты, например, в долине р. Сучана и близ залива Св. Ольги – в пределах Сучанского и Ольгинского лесничеств Южно-Уссурийского края* [Вradiй, 1904].

В «Большом словаре китайской медицины» зафиксировано также название женьшеня 棒槌 [bàngchuí], используемое только на северо-востоке Китая, особенно в регионе Чанбайшань на границе провинции Цзилинь и КНДР. Это слово также вошло в русский язык в форме *банчуй* или *панцуй* [李经纬, с. 98; Цзюй, Крючкова, 2019, с. 99]. В книге В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» встречается такой контекст: *Дерсу поднялся и, указав*

рукой на траву, сказал одно только слово: – Панцуй (женьшень)! Тут росло много травы [Арсеньев, 2020].

Слово *женьшень* встречается в русской поэзии. Поэт дальневосточной эмиграции Михаил Щербаков в сонете «Жень-Шень» (1922) пишет о таинственности и целебной силе растения:

Того, кто волей тверд и помыслами чист,
Проводят гении лесистым Да-Дянь-Шанем
В извилистую падь, к затерянным полянам,
Сокрывшим зонт цветов и пятипальный лист,

Но злобны демоны, владыка-тигр когтист:
Не торопись звенеть серебряным даяном
Под вязью вывески торговца талисманом,
Где пряных зелий дух и горек, и душист.

Сложив шалаш, постись! Из недр росток Жень-Шеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит дареный небом срок.
А в мгливой к праотцам бери олений рог
И рой таинственный, подобный людям, корень [МВЩ, с. 172].

В стихотворении И.А. Бродского «Чем больше черных глаз, тем больше переносиц...» (1987) лексема употреблена в переносном значении ‘судьба человека, жизнь человека’:

Носки от беготни крысиныя промокли.
К лопаткам приросла бесцветная мишень.
И к ней, как чешуя, прикованы бинокли
не видящих меня смотря каких женьшень [НКРЯ].

Итак, представление о женьшене как лекарственном средстве известно русским с конца XVII века, но сама лексема появилась в русском языке только в конце XIX века. Она была заимствована из китайского языка путём транскрипции. Дериватов от слова и словосочетаний с ним немного: *женьшеневый*, *женьшеньщик*. Под влиянием китайской культуры слово *женьшень* приобрело переносные значения и дополнительные коннотации [Вэн, 2021, с. 312].

Выводы по главе I

Первые контакты Руси и Китая, по мнению некоторых китайских и российских ученых, происходили уже во времена династии Юань (XIII-XIV вв.), однако достоверные источники об этих контактах отсутствуют. Впервые взаимоотношения русских и китайцев произошли в 1618 году во время правления династии Мин, когда группа русских людей посетила Пекин. В это время в русский язык приходят первые китаизмы (рукопись И. Петлина, книга И.Э. Фишера, статья К.Ф. Неймана и др.). Значительное число древних заимствований китайского происхождения пришло в русский язык через иноязычное посредничество, эти лексемы были освоены русским языком, получили фонетическое приспособление и необходимые грамматические характеристики. Некоторые из них стали частью русской лингвокультуры.

В число первых китаизмов в истории русского языка входит лексема *жемчуг*. В китайском языке слово 珍珠 образуется путем соединения слогоморфем со значениями ‘драгоценный’ и ‘шарик / бисер’. В русском языке произошло освоение тюркской лексемы *чиңчи* с добавлением к ней финали *-уг* по модели слов с суффиксом или финалью *-уг/-юг* (*овсюг*, *сычуг*, а также *круг*, *пруг*, *утюг*, *битюг* и др.). В русском языке слово первоначально фиксируется в XII в. в форме *жьнчюгь*. Реалия обрела популярность в

русском обществе, стала восприниматься частью русской культуры, а её номинация получила широкое распространение в языке и речи. Лексема *жемчуг* вошла в активный словарный запас русского языка, стала основой для многих дериватов, в русском языке от нее были образованы антропонимы, топонимы и урбанонимы.

Китайский чай и чайная культура разными путями получили распространение в других странах. В Европе первоначально было известно слово с начальной аффрикатой *cha, tcha, chia, cia*, восходящее к португальскому заимствованию из мандаринского варианта китайского языка *cha* в 1550-е годы. С 1610 года главным поставщиком чая в Западную Европу стала голландская Ост-Индийская компания, которая завозила чай из южных районов Китая, где был распространён гуанчжоуский (кантонский) диалект, в котором название растения и напитка произносилось как [te].

В Россию впервые попали высушенные листья чайного растения в XVII веке. Как и лексема *жемчуг*, слово *чай* пришло в русский язык через тюркское посредничество: севернокитайская лексема 茶 [chá] приобрела тюркское добавление в конце [i/j]. Постепенно чай стал частью русской культуры, получил распространение в широких слоях населения. За время функционирования слова *чай* в русском языке появилось большое количество его дериватов и фразеологизмов в составе с ним.

Шёлк является одним из великих изобретений древних китайцев. Он представляет собой символ древнекитайской цивилизации и играет важную роль в сферах экономики, культуры и даже политики. Среди надписей на костях и черепаших панцирях обнаружено более 100 иероглифов с ключевым указателем 糸 [sī] 'шёлк'. Китайская лексема 糸 [sī] получило в соседних языках расширение: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. От них в VI веке название ткани в форме σῆρες было заимствовано

византийцами, от которых оно пришло в латинский язык: *sericus*. В Византии или Риме с этой тканью и её названием в IX-X веках познакомились скандинавы, преобразовав слово в *silki*. От них лексема попала к восточным славянам в форме *шьлкъ*, заменив прежнее слово *наволока*, у которого была широкая семантика. В русский язык слово *шёлк* появилось в XIII веке.

Слово 卷 [*kiɛn/kiuɛn*] первоначально было счётной единицей в третьем тоне [*juǎn*], потом стало использоваться для обозначения шёлковых книг. Постепенно слово существенно изменило своё произношение и развило семантику: [*kiɛn/kiuɛn* > *juàn*] ‘свиток’ > ‘книга’. Слово *книга* появилось в славянских языках в праславянскую эпоху в результате заимствования из древнетюркского языка от лексемы *küinig*, которая восходит к китайскому слову 卷. В русском языке было образовано большое количество дериватов, которые относятся к написанию, изготовлению и продаже книг, а также выражают оценку книжного произведения и человека, читающего книги.

Женьшень 人參 [*rénshēn*] входит в китайскую культуру как важное медицинское средство и как часть культурной традиции. Сложены легенды о нём, исполняются песни, танцы, пишутся произведения китайской национальной живописи и т. д. Слово *женьшень* было заимствовано русским языком непосредственно из китайского путём транскрибирования. Представление о женьшене как лекарственном средстве известно русским с конца XVII века, но сама лексема появилась в русском языке только в конце XIX века. Дериватов от слова и словосочетаний с ним немного: *женьшеневый*, *женьшеньщик*. Под влиянием китайской культуры слово *женьшень* приобрело переносные значения и дополнительные коннотации, отражённые в художественных текстах о Китае и китайцах.

Древние китаизмы (*жемчуг*, *шелк*, *книга*) вошли в состав активного словарного запаса русского языка, перестали восприниматься как

иноязычные слова, стали обозначениями явлений и фактов русской культуры. Их функционирование в русском языке ничем не отличается от исконных слов, они образуют большое число дериватов, стали полисемантами, входят в состав фразеологизмов. По мере распространения предметов китайской культуры в русском обществе и их обозначений в русском языке этим же путём могут пройти другие китаизмы (например, *женьшень*).

Глава II. Историческое развитие номинаций китайских реалий в русских текстах

В первом главе нами рассмотрена история некоторых китаизмов, которые пришли в русский язык через посредничество других языков. Большинство из них стали активными единицами в языке-реципиенте, стали основой для многих дериватов, приобрели многозначность, утратили связь с языком-донором, стали восприниматься носителями языка как часть русской лингвокультуры.

Вместе с тем в русских текстах, посвящённых описанию Китая, встречаются слова, не освоенные языком, сохраняющие фонетический облик и семантику исходной китайской единицы. В лингвистике такие лексемы называются варваризмами и экзотизмами. Отличия между ними заключаются в семантике и переводимости: варваризмы могут быть переведены на русский язык, переданы средствами русской лексики, а экзотизмы отражают китайские реалии и в тексте могут быть только дополнительно объяснены. «Экзотизмы отличаются от прочих иноязычных слов дополнительными связями с действительностью и отражают в своей совокупности специфику определенной культуры, обусловленную особой структурой материальных и духовных ценностей. При этом в научной литературе используются два

варианта обозначения – экзотизмы и собирательный термин экзотическая лексика» [Никандрова 2015, с. 3].

В разные периоды истории русского языка отношение к китаизмам-экзотизмам менялось. Рассмотрим использованием лексем, номинирующих китайские реалии в русских текстах о Китае XVII-XX веков.

2.1. Китаизмы в книге Г. Спасского о путешествии Ивана Петлина в XVII веке

В первой главе мы подробно проанализировали историю появления текста о путешествии в Китай группы русских людей во главе с Иваном Петлиным. Эта роспись стала раньше известна за рубежом, была переведена на английский, французский и шведский языки (1.1.1). В России на неё обратил внимание историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук Григорий Иванович Спасский (1783-1864), который опубликовал её в 1818 году в основанном им (вместе с В. В. Дмитриевым) журнале «Сибирский вестник» [Путешествие в Китае..., 1918]. В этом тексте встречаются китаизмы, описывающие реалии китайской жизни.

Называя людей, с которыми И. Петлин встретился в Китае, автор росписи приводит их должности, зачастую весьма искажая произношение китайских слов. Иногда русский путешественник записывает именование китайцев, не проводя чётко границу между нарицательной и онимической лексикой. Возникает впечатление, что И. Петлин считает названия должностей именами китайских сановников. Так, в тексте упоминается князь Санчин, это, скорее всего, искаженная передача одного из китайских слов 显臣 [xiǎnchén] или 强臣 [qiángchén], первое обозначает в китайском языке ‘сановник’, второе — ‘могущественный сановник’ [Демидова, 1966]. Точно также китайское название официального военного титула в династиях Мин и

Цин 守备 [shǒubèi] в тексте названо князь *Шубинь*. Значение этого слова поясняет в комментариях П. И Кафарова: Шоу бэй. П. Кафаров переводит этот термин как «комендант крепости» [Кафаров, 1892, с. 307-308].

Среди китайцев, с которыми контактировали члены делегации, упоминается князь *фучан*, так назывался военный чин 副将 [fùjiàng], который соответствует русской должности полковника. В наименовании князь *Тойвань* мы встречаемся с переводом и искажённой транскрипцией китайского титула 大王 [dàwáng] ‘князь’ [Демидова, 1966].

Помимо собственно китаизмов, в тексте отмечены слова монгольского происхождения, заимствованные китайским языком. И. Петлин упоминает «китайского подьячего бичечи», название должности происходит от маньчжурского слова *битхеши* ‘писарь’, заимствованное китайцами в виде 筆帖史 [bǐtiēshǐ] [Демидова, 1966; ЭЛ].

Однако и имена собственные были записаны автором росписи со слуха, и в них наблюдается искажение китайских слов. Иван Петлин пишет: «А воевода в том городе князь Санчин, от Табуна же царя Послан на время». Слово *Табун* является искажением китайского названия династии Мин 大明 [dà míng].

Наиболее точно передано в тексте рукописи название денежной единицы в тогдашнем Китае *лян*: «А серебро у них крицами: крица по 50 рублей, и по 2 рубля, и по 3; по нашему “рубль”, а по их “лян”». Слово воспроизводит звучание китайского наименования денежной единицы 两 [liǎng].

Ряд китайских топонимов в тексте дан в переводе на русский язык. В XVII веке нынешний город Нанкин назывался в Китае 石头城 [shítouchéng]. В рукописи он поименован «город каменный», что соответствует китайскому словосочетанию 石头 ‘камень; каменный’ и 城 ‘город’ [王维国, с. 634, с. 83].

Ещё в 333 г. до н. э. император Восточной Чжоу Сяньван (顯王, годы правления: 368-321 гг. до н. э.) на горе Шитоушань (ныне гора Цинляншань в городе Нанкин) построил город Цзиньлинъи. В 212 г. император Сунь Цюань (孙权, Sūn Quán, 5 июля 182 — 21 мая 252) построил здесь же каменный город на скалах у подножия горы Цинляншань, граничащий с рекой Чанцзян на севере и устьем реки Циньхуай на юге. Город на месте нынешнего Нанкина был самым большим и важным ... [刘兵华, 2017, с. 56].

Иван Петлин упоминает также *город Магнитовов / Магнитовой город*: «В том же Большем Китае в Белом городе стоит Магнитовой город, где сам царь Тайбун живет. А от стены, сказывают, итти от Большово Китаю от Белово города (в тексте: «Белымво городам») улицею каменною полднища. А по обиим сторонам улицы лавки каменные со всякими тов[а]ры до Магнитовово города; а улица слана серым каменем, а на лавках избы кам[ен]ные, а перед лавками решетки деревянные, выкрашены всякими краскам[и]. А город Магнитовой, где царь Тайбун живет, украшен де всякими узорочьи и мудроства[ми]; а двор (*Далее стерто, вероятно, «де»*) царьской стоит среди города Магнитовово, а у полат (*Далее, стерто: «де»*) верхи вызолочены». В комментариях Г.И. Спасский дает объяснение топонима как Кен-мин-кенъ, 圆明园 [yuánmíngyuán] (Юаньминъюань – парк и летний дворец в окрестностях Пекина). Но Юаньминъюань был построен только в 1709 г., после путешествия Ивана Петлина. Мы предполагаем, что это словосочетание относится к Цзыцзиньчэну (紫禁城 [zǐjìchéng]), Запретному городу, где жил император. Русские землепроходцы называли его Магнитовым, так как стены его выложены каменными плитами, содержащими магнетит.

В тексте впервые упоминается название Великой китайской стены, однако этот термин путешественники узнали у монголов. И. Петлин пишет:

«А от Мугальской земли, от Манчикатутина города, до Китайского крыму, до рубежа, ездю конем 2 дни». Название *Китайский крым* образовано от монгольского слова *хэрэм* в значении “кремль, стена”. По-китайски Великая китайская стена называется 长城 [chángchéng], она была построена для охраны границ и защиты государства от иностранных захватчиков. Её общая протяженность составляет более 7000 километров, 15000 ли в китайских мерах, поэтому она называется Ванли Чанчэн (万里长城 [wànlǐ chángchéng]) – Великая китайская стена. Её строительство считается одним из достижений человечества, она стала символом Китая [宋存洋, с. 1-2].

В тексте употребляются также гидроним *река Юхо*, в династии Мин она именовалась рекой Юйхэ 御河 [yùhé], ныне называется Южная Юньхэ (南运河 [nán yùnhé]).

2.2. Китаизмы в документах Петровского времени

В конце XVII – начале XVIII века отношения между Россией и Китаем было и конфликтными, и мирными, добрососедскими. Китай остерегался соперничества России в борьбе за влияние на территории Сибири, Монголии и усиления ее позиций вблизи границ в северо-восточной части Китая, принадлежавшей Цинской империи. На данных принципах строилась политика отношений между Россией и Китаем на протяжении второй половины XVII века и почти всего XVIII столетия.

Нерчинский договор 1689 г. – первый международный документ в истории русско-китайских отношения, после подписания которого торговые контакты между народами обоих государств получают быстрое развитие [Яковлева, 1958; Погосян, 2016]. В этом договоре, написанном на русском и маньчжурском языках, и в его переводе на латынь встречаются китайские имена, наименования должностных лиц и географических объектов, которые затем используются в других документах. Отметим, что необходимость

прибегнуть к латинскому переводу была вызвана тем, что «в Даурских острогах и толмача манзюцкого (маньчжурского) языка, не токмо переводчика, не сыскано» [Сборник, 1889, с. 2]. В указанном отрывке чётко различаются толмач – устный переводчик, «посредник при беседе» [БТС, с. 1328], и письменный переводчик. Присутствующие при переговорах иезуиты, знавшие маньчжурский язык, утверждали, что тексты на латинском и маньчжурском языках идентичны, но так ли это, послы Федор Алексеевич Головин и Иван Остафьевич Власов проверить не могли: «ведать не по чему» [Сборник, 1889, с. 2].

Во многих последующих русских документах о русско-китайских отношениях того времени встречаются китаизмы, включая топонимы, антропонимы, титулы китайских правителей и должностных лиц, названия китайских реалий. В архиве дворцового комплекса «Гугун (Запретный город)» в Пекине хранятся 9 документов 1695-1720 гг., касающиеся установления и развития торговых и дипломатических отношений между Россией и Китаем [Курдюков, 1957]. В этих документах встречаются китаизмы с разной степенью освоения русским языком.

О Китае упоминает в одном из писем и сам Пётр I. Возвращаясь из Великого посольства, он провёл несколько дней в Вене и окрестностях, куда прибыл для переговоров с союзниками по Священной лиге, поскольку до него дошли слухи о том, что Австрия, Польша и Венецианская республика стремятся заключить с Турцией сепаратный мирный договор, игнорируя Россию, присоединившуюся к Священной лиге в 1686 г. Переговоры были безрезультатными, однако они послужили основанием для переориентации политики Петра с юга на север [Гуськов, 2005].

С 11 по 15 июня 1698 года Пётр находился в Штоккерау в 25 км к северо-западу от Вены. По пути сюда он получил письмо от Андрея

Андреевича Виниуса (1641-1717), который в то время был начальником Сибирского приказа и в его ведении находились русско-китайские отношения [Юркин, 2007]. Пётр ответил ему: «Пишешь, ваша милость, что в Пекине построили христиане церковь нашего закона и многие из Китайцев крестились; и то дело зело изрядно. Только, для Бога, поступайте в том опасно и нешибко, дабы Китайских начальников не привести в злобу, так же и Езувитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют, к чему там надобет попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы, чрез некоторое кичение, оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епании» [Устрялов, 1858, с. 123].

В тексте упоминается топоним *Пекин*, этноним *китайцы* и прилагательное *китайский*. Их анализ будет дан ниже. Под «злейшим падением» «в Епании» Пётр I имеет в виду трагические события Симабарского восстания в Японии в 1637-1638 гг., когда сёгун Токугава Иэмицу отправил против христиан мощную армию, которая учинила резню, уничтожив более 37 тысяч человек [Morton, 2005, p. 260]. После этого Япония взяла курс на самоизоляцию.

В документах, хранящихся в Гугуне, встречаются названия *Китайское царство* и *Китайское государство*, а правителя Китая именуют *царём*. Слово *царство* в русском языке обозначает ‘государство, управляемое царем, царицей’; государство - ‘политическая форма организации общества во главе с правительством и его органами, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры’ [БТС, с. 1457, с. 223].

Значение китайского названия страны 中国 в те времена отличалось от сегодняшнего. В китайском языке XVII-XVIII вв. иероглиф 中 имел значение ‘середина; центр’, иероглиф 国 складывался из частей, которые обозначали ‘защита столицы с оружием’ [侯岚, 2016, с. 283]. Китайцы считали, что

равнина вокруг бассейна Жёлтой реки являлась центром Поднебесной. В географическом смысле слово 中国 обозначало центральный район страны или середину территории страны, в политическом аспекте термин значил столицу, центр государства. В словосочетании 中国人 [zhōngguó rén] оно могло употребляться как синоним названия основной национальности Китая 汉族 [hànzú] или 汉人 [hànrén] – хань, ханьцы [Гессе-Вартег, 1900].

В многовековой истории Китая существовали разные династии, в результате чего менялось официальное название государства и девизы правления. Название 中国 получило свое значение как наименование государства в династии Сун и продолжило употребляется для названия страны в династии Юань и далее [侯岚, 2016, с. 283-284]. В настоящее время китайское название страны состоит из двух элементов 中 ‘середина; средний; центр; центральный’ и 国 ‘государство; страна; держава; государственный; национальный’ [王维国, с. 979, с. 268].

Слова *Китай, китайский, китайцы* приходят в русский язык довольно поздно. На севере нынешнего Китая проживала тунгусо-манчжурская народность *кидани*, основавшая государство Ляо [Лукин, 2013]. Империя киданей была создана в 907 г., она занимала обширные области севера и запада современной КНР и Монголию. В 937 г. она получила название Великое (государство) Ляо [黄世明, 2016, с. 70]. Китайский государственный деятель, историк и поэт Оуян Сю (欧阳修, *Ōuyáng Xiū*; 1007–1072) пишет в 1070 году: «Название цидань появилось в Срединном государстве начиная с поздней династии Вэй» [Таскин, 1979, с. 21]. Монгольские (сяньбийские) государства Восточная Вэй и Западная Вэй существовали в середине VI в. на территории Северного Китая [Материалы по истории ..., 1984; Гумилёв, 1994]. В западноевропейских, позднемонгольских и персидских источниках

китайское название киданей *цидань* встречается в форме *Катай, Китай, Китат, Китаи, Хитай* [Шавкунов, 1963].

Территория государства династии Ляо начиналась от горы Цзиньшань (ныне Алтайские горы) на западе, далее распространялась на север к Монгольскому плато и Вайсинъаньлину (Становой хребет в России), на восток в сторону острова Сахалин, западный участок её южной границы проходил около государства династии Западная Ся в Сичжоу, восточная часть государства Ляо граничила с династией Северная Сун на территории современной Внутренней Монголии, Шаньси и Хэбэй [葛剑雄, 1991] (см.: приложение 1).

В 1125 г. кидани ушли в Среднюю Азию. В 1132 г. Елюй Даши был официально назван гурханом и создал государство Западное Ляо, его жители именовались *кара-китаи* [Абдылдаев, 2019, с. 6; 黄世明, 2016, с. 70]. У тюрков и монголов прилагательное *кара / хара* ‘чёрный’ по отношению к этносам приобретало значение ‘северный’.

Тюркское слово *Кутаи* ‘Китай, китаец’ было заимствовано русскими, оно впервые зафиксировано в Воскресенской летописи в 1534 г. М. Фасмер считает, что топоним *Китай* был заимствован в XV веке от татарского или уйгурского *Кутаи* в значении «Китай, китаец» из древнетюркского *Qutan* [ФЭС/2, с. 240], восходящего к китайскому 契丹 [*qìdān*].

В документах Петровского времени в титуле китайского императора параллельно употребляются прилагательные *китайский* и *хинский*: *Пресветлейшаго азиатских, китайских и хинских стран обладателя богдыханова высочества, превосходительнейшему господину Дорианбе* [Курдюков, 1957, с. 175]. Всего в 9 письмах слово *китайский* встретилось 25 раз, *хинский* – 6.

Слово *хинский* пришло в русский язык, вероятно, из польского. Оно восходит к санскриту *Sīna-s* в значении ‘китаец’ [ФЭС/4, с. 238; HOED]. Это слово возникло из китайского официального названия государства Цинь (秦 [qín]) [胡阿祥, 2020, с. 11]. В китайском историческом документе «Ши цзи» (史记, shǐ-jì), написанном Сыма Цянем (司马迁, Sīmǎ Qiān; 145-86 гг. до н. э.), так описывается территория государства Цинь: на восток к морю и Северной Корее, на запад до Линтао (ныне уезд в провинции Ганьсу) и Цянчжуна (древний топоним, сейчас территория провинции Цинхай, автономного района Сицзан, северо-западной части Сычуань и юго-западной части Ганьсу), с юга до Сянху, на север до гор Иньшань и Ляодунского полуострова (восточный берег реки Ляохэ) [司马迁, 1999, с. 150-151; 中国历史]. См.: приложение 2.

Топоним *China* в английском языке был впервые отмечен в 1550 г. Западные и южные славяне восприняли его в разных вариантах произношения: польское *Chiny* получило немецкую инициальную огласовку и использовало древнюю топонимическую плюральную форму; чехи и словаки слово *Čína* заимствовали от итальянского *Sīna*; сербское, македонское *Кина* и хорватское *Kina*, видимо, обнаруживает связь либо с румынским *China*, либо с германским *Kina*, сохранившемся в скандинавских языках. Болгарское *Китай* и словенское *Kitajska* заимствованы из русского языка [Супрун, Ван, 2017, с. 314].

Мы предполагаем, что под *хинскими странами*, вероятно, в то время понимались северо-западная и юго-западная части Китая, а под *китайскими странами* – срединная равнина Китая, север и северо-восток страны. Вместе *китайские* и *хинские страны* образуют *Китайское царство* или *Китайское государство*.

В некоторых случаях можно считать эти прилагательные синонимичными: *И как оный Спиридон на границу Китайского государства и в стольный град Пекин приедет (№2) – в проезде до столицы хинской чинить нам вспоможение (№8). Китайские и хинские товары* тоже могут считаться синонимическими словосочетаниями, они включают в себя золото, серебро в слитках, фарфор, драгоценные камни, шелк, чай и др.: *променять на китайские товары (№3) – купи хинских (товаров) (№4)*. Однако в большинстве случаев эти два определения используются с разным семантическим наполнением.

В более поздних документах слово *хинский* исчезает из титула императора: *Великого государя его богдыханова величества китайских и протчих многих во Азии стран обладателя ближним людем верховным министрам и государственных дел правителям (№8), Великих азиацких стран императора самовластнейшаго настоящего богдойского и китайского хана; Мунгалской земли сиятельному Тушетухану здравия и благополучного пребывания желаю (№9)*.

В двух письмах встречается прилагательное *мунгальский*. 31 декабря 1705 г. нерчинский воевода стольник Пётр Саввич Мусин-Пушкин отправляет письмо управляющему придворной канцелярией, которого он называет алегадой, о маршрутах русских караванов с товарами. Слово *алегада* происходит от манчжурского языка от словосочетания *алиха битхей да*, которое обозначает «министр, помощник императора и управляющий императорской канцелярией (нэйгэ)» [Тихвинский, 2011, с. 399]. Оно соответствует китайскому титулу 大学士 [dàxuéshì].

В этом письме прилагательное *мунгалский / мунгальский* встречается 7 раз, из них дважды с мягким знаком после л. Оно входит в состав словосочетаний, в которых приобретает терминологическое значение.

Русские называют китайское учреждение *Лифаньюань* (理藩院 [lǐfānyuàn]), ведавшее управлением Монголией, Тибетом, а также отношениями с Россией [Евгеньев, 1999, с. 401], *Мунгальский приказ*. В тексте письма термин отмечен дважды. В других документах Петровского и более позднего времени встречаются названия *Мунгальский Посольский приказ*, *Большой приказ*, *Палата внешних сношений*, *Сенат внешних сношений*, *Судилище западных дел*, *Судилище иностранных дел* и др.

В тексте этого письма встречается также словосочетания *мунгальский язык*, его китайский аналог – 蒙古语 [měnggǔyǔ], которое состоит из двух слов: 蒙古 ‘Монголия; монгольский’ и 语 ‘язык; речь; слово’. Из Мунгальского приказа документы русскому воеводе поступали на *мунгальском языке* (№5). Толмач Матвей Трошин привёз П. С. Мусину-Пушкину «два листа, один на словенском, а другой на мунгалском языках, и мы, приняв у него те листы, велели с мунгалского языка на словенский язык перевести».

Географический термин *Мунгальская степь*, по-китайски 蒙古草原 [měnggǔ sāoyuán], состоит из двух слов: 蒙古 ‘Монголия, монгольский’ и 草原 ‘степь; степной’ [王维国, с. 483, с. 905, с. 61].

В хрониках Китая упоминается *Мунгальский тракт* – 蒙古之路 [měnggǔzhīlù], который считается важной караванной дорогой между Китаем, Монголией и Россией, которая стала одним из ответвлений Великого шелкового пути – 丝绸之路. Сегодня от границы с Монголией проходит на запад Чуйский тракт, он проходит по Чуйской степи, получившей название, как и тракт, по реке Чуе, притоке Катуня [Молчанова, 1979, с. 346]. В период династии Цин торговые контакты между Китаем и Россией в основном проходили через Кяхту, главным товаром был чай, поэтому в китайском языке употребляется название 茶叶之路 [chá'yèzhīlù] – Чайный тракт.

4 июня 1720 г. Лев Васильевич Измайлов (1685-1738), дипломат, чрезвычайный посланник, который в 1719-1722 годах ездил в Китай для установления торговых отношений с императором Канси, написал письмо «Мунгалской земли сиятельному Тушетухану» (№9). Слово *тушетухан* было заимствовано из монгольского языка, оно обозначало «наследственный титул одного из четырех правителей Халхи» [Тихвинский, 2011, с. 402]. Основателем династии был Гомбо-Доржи (умер в 1655 г.). После него правили его сыновья Чахунь-Доржи (1655-98) и Занибазар, который взял себе имя Ундур-гэн (1635-1724). В 1691 г. маньчжуры подчинили себе Халху, превратив тушетуханов в обычных князей, однако воздавая им внешние почести. Ундур-гэн получил титул джебзун-дамба-хутухты, которым обозначался высший духовный титул в ламаистской церкви в Монголии, и стал главой всех ламаистов Монголии [Златкин, 1957]. На китайском языке титул записывается как 土谢图汗 [tǔxiètú hàn].

В русском языке употреблялось в прошлом также словосочетание *мунгальский чай*, которым называлось растение чагир или бадан [ФЭС/3, с. 9; ФЭС/2, с. 649]. До распространения чайной культуры в монгольских племенах люди собирали дикорастущие растения, которые заваривали и пили в качестве тонизирующего напитка. Чай из бадана был традиционным напитком монголов. Эти чаи из дикорастущих растений называются в Китае *монгольскими чаями* (蒙古茶) [娜日苏, 2019, с. 20].

Топонимы

В анализируемых документах Петровского времени встречается немало топонимов Китая и окрестных территорий. Многие из них записывались со слуха, в произношении монголов или маньчжуров, с приблизительным подбором звуков в русском языке, поэтому не всегда легко определить, к какому географическому объекту они относятся.

Во многих письмах упоминается *река Наун*, всего 10 раз, кроме того, в тексте письма от 17 июля 1703 г. (№4) трижды упоминаются *наунские села*. В комментарии гидроним объясняется как река *Нонни* [Курдюков, 1957, с. 184]. В «Географическом энциклопедическом словаре» река Нонни называется также *Нуньцзян* или *Нэньцзян* и определяется как река на северо-востоке Китая, левый и самый крупный проток Сунгари (Сунхуацзян – 松花江 [sōnghuā jiāng]) [ГЭС, с. 346].

Согласно китайским данным, название этой реки впервые отмечено в виде *Наньшуй* или *Наньхэ* в историческом документе «Истории Севера» («北史»), написанном Ли Яньшоу в 643 г. В период династии Тан (618-907) гидроним получил вид Нахэ. В упоминаемой нами выше династии Ляо, помимо Нахэ, встречается также название Унашуй. Империя Юань, созданная внуком Чингисхана, монгольским ханом Хубилаем в 1279 г. и просуществовавшая до 1351-1368 гг., знает эту реку как Наухэ или Науцзян, в Цинской династии (1636-1912/1917) появляется гидроним Нуонихэ. Название Наун или Нонни было заимствовано из монгольского или чжурчжэньского языка в ранний период династии Цин, а в середине правления династии Цин приобрело вид Нэньцзян [《讷河县志》编纂委员会, 1989, с. 46-47; 人钧, 1992, с. 106-107].

Словосочетание 嫩江 [nèn jiāng] состоит из двух элементов: монгольского имени собственного 嫩 ‘зеленый’ и китайского нарицательного слова 江 ‘река’ [王维国, с. 347]. Расположенное на берегу реки поселение получило такое же название *Наун* или *Нонни*, в настоящее время это город *Нэньцзян* в провинции Хэйлуцзян. Как свидетельствуют документы Петровского времени, на этой пограничной реке было несколько сёл, в которых производился досмотр купеческого каравана и оставлялись русские «работные люди». Словосочетание *наунские села* является переводом

китайских слов 嫩江村 [nènjiāng cūn]: гидроним 嫩江 и нарицательное 村 ‘деревня; село; сельский; деревенский’ [王维国, с. 115].

5 раз в письмах упоминается «стольный град Пекин». В китайском литературном языке (путунхуа) в настоящее время используется название 北京 [běijīng]. В современном русском языке сохранилось традиционное название *Пекин*, возникшее на основании южнокитайского произношения топонима в форме Peking в так называемой почтовой латинизации китайского языка [ПГНМ, с. 324].

В письмах думного дьяка Сибирского приказа и наместника рославского Андрея Винууса (Виниуса) о поездке в Китай купца Григория Тимофеевича Бокова от 11 февраля 1699 г. (№3), нерчинского воеводы М. Ю. Шишкина о поездке в Китай купца И. Саватеева от 17 июня 1703 г. (№4) и сибирского губернатора Матвея Гагарина о поездке в Китай дворянина Степана Ожегова от 1 мая 1716 г. (№7) 5 раз используется форма топонима Пежин. Возможно, в этом отразилась стремление передать китайский звук [j] средствами русского алфавита.

Антропонимы

Как отмечалось в параграфе 2.1, русские люди не всегда чётко улавливали границу между нарицательной и онимической лексикой китайского языка. Некоторые названия должностей воспринимались ими как имена китайских сановников и, наоборот, антропонимы становились в текстах обозначениями титулов и должностей. Сложность в понимании значения слова в тексте добавляет орфографическая неопределенность с употреблением прописной буквы.

7 раз в документах упоминается *Чанжун Шанахай*, «богдыханова высочества Амура реки смотритель», в письме №5 дважды отмечено слово Чанжун, который находится «на Науне» [Курдюков, 1957, с. 180]. Во всех

случаях эта лексема пишется с прописной буквы. Речь идёт о генерал-губернаторе, должность которого на маньчжурском языке звучала как *цзянцзюнь* (*джанжун, жанжун*), а по-китайски – 总督 [zǒngdū]. Он в 1701-1703 гг. был губернатором пограничной провинции Хэйлунцзян (Амура-реки). Его имя *Шанахай* записывалось по-китайски 沙纳海 [shānàhǎi].

Это имя упоминается также в письме нерчинского воеводы Михаила Юрьевича Шишкина от 15 июля 1703 г. с обещанием отыскать и вернуть 12 перебежчиков, «беглецов Селенка с бабами и с парнями и з девками, всех 12 голов, которые убежали к Горбице-реке». Чанжун Шанахай прислал в Нерчинск письмо на трёх языках: «в том числе один на словенском языке», т. е. по-русски. Воевода описывает ситуацию с переводческими проблемами: «А дву листов от вас, которые на латинском да на манзюрском языках, перевесть ныне в Нерчинску некому, потому что ныне в Нерчинску перевотчика с латинского языка на словенской язык не прилучилось. А з того листа, что на манзюрском языке, переводчики, которые переводят с мунгальскаго языка на словенской язык, смотря, передо мною сказали, что они манзюрскаго письма не знают. А присланные от вас Иридей-зантин с товарищи передо мною сказали, что в тех дву листах на латинском и на манзюрском языках писано о том же, что и в листе на словенском языке» [Русско-китайские отношения в XVIII веке, 1978, с. 59-60].

А. А. Вinius своё письмо адресует «превосходительнейшему господину Дорианбе», которого именует по должности «внутренней полаты великим сумгутом». Упоминает о «превосходительнейшем господине Дарианбе сумгуте» в своём письме нерчинский воевода М. Ю. Шишкин. 5 раз встречается слово *сунгут* в письмах нерчинского воеводы А. И. Савелова (*Богдойского царя думному дворцовому боярину над столниками большому*

сунгуту) и наместника ростовского князя И. В. Репнина-Оболенского (начальнику и внутренней палаты великому сунгуту).

В данном случае имя собственное и нарицательное поменялись местами. Слово *дорианба* / *дарианба* является искажением маньчжурского словосочетания *дорги амбань*, названия должности командующего корпусом императорских телохранителей [Тихвинский, 2011, с. 400]. *Сонготу* (索额图 [Suǒ'ětú]) – имя министра при дворе китайского императора Канси, который с 1669 по 1679 гг. был фактическим правителем Китая. Он был дядей императрицы. 27 августа 1689 года от имени китайского государства Сонготу подписал Нерчинский договор с Россией, а затем в течение нескольких последующих лет занимался русско-китайскими отношениями. На маньчжурском варианте текста стоит печать Амурского (Хэйлунцзянского) цзянцзюня [Сборник, 1989, с. 10]. Умер Сонготу около 1703 г. в заключении, куда попал в результате дворцовых интриг [Hummel, 1944, p. 663-666].

В текстах писем название должности командующего корпусом императорских телохранителей *дорианба* (< *дорги амбань*) стало восприниматься как имя собственное, а имя китайского министра Сонготу стало нарицательным обозначением *думного дворцового боярина*. Случаи перехода антропонима в обозначение должности известны в разных языках. Так, имя императора Римской империи Карла Великого превратилось в славянских языках в слово *король* / *král* [ФЭС/2, с 333].

Титулы

Термин *богдыхан* появился в русских документах XVI-XVIII веков как наименование императоров Китая династии Мин (1368-1644) и ранней Цин. Китайский титул 博格多汗 [bógéduō hán] или 博格达汗 [bógédá hán] состоит из двух частей: 博格多 или 博格达, заимствование из монгольского языка в значении ‘святой; премудрый’ и 汗 [hàn], в монгольском языке произносится

[хаан] ‘хан, царь, монарх; император’ [Евгеньев, 1999; МРС, с. 71, с. 492; ФЭС/1, с. 346].

Встречающие в письмах названия цинского императора *Богдойский царь, богдыханов царь, богдыханово величество, богдыханское величество* и *богдойский хан* являются синонимами. Словосочетание *богдаханово величество* становится обязательной формулой именованя китайского императора, оно встретилось 33 раза из 39 наименований правителя Китая в письмах. Его соответствием в китайском этикете являются титулы 博格多皇帝 [bógédūo huángdì] или 博格多皇上 [bógédūo huángshàng], которые состоят из монгольского слова *богд* (博格多) и китайского слова 皇帝 ‘император’ или 皇上 ‘императорское величество; царь; император’ [王维国, с. 307].

В письме посланника Льва Измайлова встречается обозначение титула *богдойский и китайский хан*, что, видимо, отражает упомянутое выше разделение Китая на *китайские* и *хинские страны*.

Весьма неожиданным в письмах является титул *преторианские благородные* (письма №2, 3 и 5). Видимо, в данном случае отразилось влиянием латинского языка, который часто выступал в качестве языка-посредника при переводе маньчжурских, монгольских и китайских текстов на русский язык. Преторианцами в Древнем Риме называли гвардию римских цезарей, которая служила для охраны главнокомандующего и его *претория* – палатки в военном лагере, где располагался штаб [Семёнов, 2001]. *Претором* (от латинского глагола *prae-ire* ‘идти впереди, предводительствовать’) именовался этот военачальник [Власова, 2009].

В русском языке историзм *преторианцы* употребляется в прямом значении ‘в древнем Риме: личная охрана полководца; впоследствии императорская гвардия, игравшая большую роль в дворцовых переворотах’,

на базе которого появилось переносное значение ‘о наёмных войсках, служащих опорой власти, основанной на грубой силе’ [БТС, с. 968]. Разумеется, ни одно из этих значений не может быть отнесено к китайской действительности.

Слово *благородный* в русском языке имело значение ‘дворянского происхождения, относящийся к дворянам’ [БТС, с. 82]. В отмеченном выше словосочетании оно субстантивировалось.

Можно предположить, что терминологическое словосочетание *преторианские благородные* является не вполне точным переводом китайского термина 御前侍卫 [yùqián shìwèi], который состоит из трех слов: 御 ‘императорский’, 前 ‘перед; передний; впереди’ и 侍卫 ‘телохранитель’ [王维国, с. 909, с. 558, с. 643]. Эта гвардия охраняла императора, в неё набирали представителей маньчжурского дворянства.

Возможно, такой перевод китайского термина был первоначально сделан на латинский язык, которым пользовались в Китае иезуиты. Как мы отмечали выше, даже договоры с Россией создавались на латинском языке. Известно, что миссии иезуитов действовали в Китае с 1583 г. в Кантоне (Гуанчжоу), а с 1601 г. – в Пекине. Монахи-иезуиты в XVII-XVIII веках занимали важное положение при императорском дворе династий Мин и Цин, участвовали в дипломатической деятельности, интенсивно занимались переводами [Strong, 2018; Brockey, 2007]. Кто-то из них перевёл китайский термин 御前侍卫 на латинский язык с использованием наименования древнеримской реалии, а затем это терминосочетание было переведено на русский язык.

Впрочем, нельзя исключить и участия в создании термина *преторианские благородные* кого-то из образованных русских переводчиков, который применил свои знания из истории Древнего Рима для описания

китайской действительности. История появления термина *преторианские благородные* в русских письмах Петровского времени нуждается в дальнейшем изучении.

Итак, в документах Петровского времени нами были обнаружены слова, относящиеся к описанию китайской действительности, номинации китайских реалий. Сложности китайской истории и межнациональных отношений в стране стали причиной того, что некоторые из этих лексем возникли в маньчжурском и монгольском языках, однако мы их также считаем китаизмами, поскольку они характеризуют жизнь Китая, были заимствованы китайским языком и в некоторых случаях используются в нём до сих пор. К китаизмам мы отнесли также кальки названий должностей в императорском дворе, а также антропонимы и топонимы.

2.3. Китаизмы в переводном произведении XVIII века о Китае

После кончины Петра I вступившая на престол Екатерина I продолжила развивать российско-китайские отношения. В июне 1725 г. она направила в Китай полномочного посла С. Л. Рагузинского-Владиславича. В октябре 1726 г. он был с большим почётом принят императором Иньчжэнем (胤禛, *Yinzhēn*, 1678-1735, годы правления: 1722-1735). Велись переговоры о границе между государствами, которые не были определены Нерчинским договором 1689 г. 20 августа 1727 г. на реке Буре был подписан Буринский договор, а 14 июня 1728 г. – Кяхтинский договор на основании принципа «каждый владеет тем, чем владеет теперь» [Дацышен, 2017]. Вскоре в Москву прибыл первый китайский караван с фарфоровой посудой. В 1731 г. в Россию приехало первое китайское посольство. Оно привезло сообщение китайского императора, который обещал содействие в торговле с Россией.

Тем временем в России приступили к научному исследованию Сибири. В начале августа 1733 года так называемый Академический отряд во главе с действительным членом Петербургской академии наук Герхардом

Фридрихом (Фёдором Ивановичем) Миллером (1705-1883) отправился через Казань и Екатеринбург в сибирские города. В 1738 г. директор Петербургской академии наук барон Иоганн Альбрехт фон Корф заключил контракт с Иоганном Эбергардом Фишером (1697-1771), ректором в Санкт-Петербургской академической гимназии, по которому последний должен был в звании адъюнкта на 5 лет отправиться на смену академику Г. Ф. Миллеру в Камчатскую экспедицию для сбора материалов по истории, этнографии и источников для словаря аборигенов Сибири. По возвращении ему было обещано должность и звание профессора истории. 4 октября 1739 г. И. Э. Фишер вместе со своим переводчиком Якобом Иоганном (Яковом Ивановичем) Линденау (1700-1795) отправился из Санкт-Петербурга в Сибирь.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Г. Ф. Миллер приступил к описанию результатов экспедиции и привезённых из неё богатых материалов. Он задумал 5-томный труд из 23 глав. В 1750 г. был издан на русском языке первый том, содержащий 5 глав, под названием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена». Некоторые последующие главы частично вышли в свет в периодических изданиях, однако в целом он медлил с изданием новых томов, поэтому академия поручила продолжение книги Фишеру, вернувшемуся из экспедиции в 1748 г. У последнего не было хороших материалов по результатам поездки, что было связано с его плохим знанием русского языка (Линдау проводил собственное этнографическое исследование коренных народов Восточной Сибири) и с неуживчивым характером адъюнкта, вступающего в постоянные споры с другими участниками экспедиции.

И. Э. Фишер получил книгу и рукописи Миллера и на их основании под своей фамилией издал в 1768 г. на немецком языке книгу «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die Russische Waffen (Сибирская история с самого открытия Сибири до

завоевания сей земли российским оружием)» [Fischer, 1768]. Немецкий педагог и теолог Антон Фририх Бюшинг, работавший с 1761 г. в петербургской «Петришуле» [Hoffmann, 2000], назвал книгу Фишера простым плагиатом, поскольку автор ничего в неё не добавил, а лишь пересказал содержание труда предшественника. Впрочем, в предисловии Фишер упоминает о том, что работу начинал Миллер, а также славословит в адрес графа Владимира Григорьевича Орлова, директора Академии наук. Надо также отметить, что в XVIII веке были иные представления об использовании чужого текста, понятие плагиата отсутствовало, не считалось зазорным без упоминания имени предшественника и без кавычек брать большие отрывки из текстов более ранних авторов. Подобное встречалось не только в России, но и во всех других странах, отмечалось ещё в Древнем Риме.

В 1774 году, уже после кончины И. Э. Фишера, книга под его же именем была издана на русском языке [Фишер, 1774]. Перевод был выполнен академическими переводчиками Иваном Ивановичем Голубцовым (1715-1759) и Василием Ивановичем Лебедевым (1716-1771). Первую часть перевода исправил А. Я. Поленов, вторую – гимназист Иван Любецкий «под смотрением учителя Кожина», книга вышла без предисловия и указателя.

«Сибирская история» раскрывает покорение северных территорий донскими казаками, рассказывает о войнах, строительстве острогов и городов, событиях, в них происходивших, а также историю взаимосвязей между Российской империей и Китаем, краткое исследование китайской истории при династиях Юань, Мин и Цин.

В книге И. Э. Фишера – Г. Ф. Миллера обнаружено 56 китаизмов, которые нами разделены на следующие группы: этнонимы, топонимы, антропонимы, названия титулов, названия династий и девизы правления, храмовые имена в Минской и Цинской династиях и макаронизмы.

Этнонимы

В книге употребляется название народности *Манжу*, по-китайски 满族 [mǎnzú] или 满洲 [mǎnzhōu]. Отдельный представитель этого народа именуется *манжур* – 满族人 [mǎnzúrén] или 满洲人 [mǎnzhōurén]. От этого этнонима образовано прилагательное *манжурский*.

Автор упоминает народ *Кин*, название которого, по его мнению, обозначает «золото в китайском языке» [Фишер, 1774, с. 10]. В китайском языке золото обозначается иероглифами 黄金 [huángjīn] и 金子 [jīnzi]. Династия чжурчжэней 金 [jīn] существовала с 1115 по 1234 гг. в северном и северо-восточном районах Китая [中国文明史编辑部, 1992, с. 1787]. В книге приведён дериват *кинцы* – 金人 [jīnrén].

В параграфе 2.2. мы рассматривали этноним *каракитайцы*, которым обозначается тюркская народность, проживающая в Средней Азии. Это слово встречается в книге И. Э. Фишера, автор записывает его через дефис: *кара-китайцы*, его китайское соответствие – 哈喇契丹人 [hālà qìdān rén]. Отмечена бессуфиксальная форма *Кара-китай*, а также прилагательное *кара-китайский*. В тексте встретилась лексема *Китан* с объяснением «варварское владение в северной части Китая» [Фишер, 1774, с. 10].

Топонимы

Текст книги насыщен китайскими топонимами. Автор называет некоторые китайские провинции. На севере Китая расположена провинция *Шанзи*, сейчас Шаньси, по-китайски 山西 [shānxī], в центре страны – провинция *Шен-зи*, в настоящее Шэньси – 陝西 [shǎnxī]. Во времена династии Мин существовала провинция *Пе-чели* или *Печели*, по-китайски 北直隶 [běizhílì]. Отмечен также уезд *Ми-чи-хьян* в провинции Шэньси – 米脂县 [mǐzhīxiàn].

Упоминаются различные китайские астионимы. Современный китайский город Шэньян назван в тексте *Шин-дзин* – 盛京 [shèngjīng]. Он

был одной из двух столиц во время династии Цин, с 1625 по 1644 гг. был столицей Поздней Цзинь, а с 1644 по 1912 г. – дополнительной столицей династии Цин. У этого же города встречается наименование *Фин-тьен-фу* – 奉天府 [fèngtiānfǔ].

Столица на юге именуется *Нан-кин*г – 南京 [nánjīng]. В разных династиях разные города были столицами: в династии Тан – город Чэнду; в династии Сун (1014 г.) – город Нанкин; в династии Ляо – город Пекин; в династии Цзинь – город Кайфэн; в династии Мин (1421 г.) – город Нанкин. Ныне это название носит город в провинции Цзянсу.

Весьма близко к китайскому произношению отмечен топоним *Нингута* / *Нингун-та* – 宁古塔 [nínggǔtǎ]. Этот город имел важное значение в период правления династии Цин в провинции Хэйлунцзян.

Наоборот, весьма существенно отличается от современного названия топоним *Си-кин*г – 西京 [xījīng], столица на западе. Считается, что это город Чанъань, который в настоящее время он называется Сиань.

Столица династии Северная Сун именуется *Тонг-кин*г – 东京 [dōngjīng] 'восточная столица'. В истории Китая было 6 городов с таким названием, используемым обычно как дополнительное обозначение к топониму (в хронологическом порядке): Лоян (洛阳 [luòyáng] в период правления династий Восточной Хань и Тан; Лунъюаньфу (龙原府 [lóngyuánfǔ]), запасная столица царства Бохай (ныне Хуньчунь в провинции Цзилинь); Вэйчжоу (魏州, [wèizhōu]) во время Поздней Тан периода Пяти династий; Кайфэн (开封 [kāifēng]) в династиях Поздняя Лян, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань, Поздняя Чжоу и Северная Сун; Ляоян (辽阳, [liáoyáng]) с 1621 г.; Шаньчаньфу (善阐府 [shànchǎnfǔ]) в неясный период (ныне Куньмин в провинции Юньнань) [康慨, 2014, с. 6]. В настоящее время это название города исчезло.

В тексте встречается топоним *Пе-кин* – 北京 [běijīng], название северной столицы в период правления династии Северная Сун, это город Дамин, а не нынешняя столица КНР Пекин. В переводе с китайского название обозначает ‘северная столица’.

Топонимом *Таитонг* назван город в провинции Шаньси, по-китайски его название – 大同 [dàtóng].

Со времён династии Тан до династии Цин существовал город *Зуенхуа* – 宣化 [xiānhuà]. В настоящее время он стал частью города Чжанцзякоу в провинции Хэбэй.

Трудно определить современное название города *Сегин*. В примечании поясняется, что это город *Зин-гуй*, у которого слог *гуй* обозначает *джу*. Мы предполагаем, что этот слог относится к иероглифу 州. Поэтому данный топоним по-китайски звучит как 荊州 [jīngzhōu], город Цзинчжоу находится в провинции Хубэй.

Названия рек имеют большое значение в жизни всех народов мира. Гидронимы относятся к наиболее древним названиям географических объектов. Река давала людям воду, пищу, служила удобной транспортной магистралью. У многих народов в числе древних топонимов зафиксированы названия рек. Это создаёт трудности при определении этимологии гидронимов: за многие века существования они существенно изменили свой фонетический облик, были преобразованы в разных языках, передаваясь от одного к другому. Иероглифическая система китайского языка способствует большей прозрачности этимологических построений. Китайские гидронимы могут значительно изменить своё фонетическое звучание, однако иероглифы позволяют обнаружить исходную семантику названия. В книге И. Э. Фишера отмечено несколько китайских гидронимов.

Под наименованием *Гоанг-го* указана река Хуанхэ. В тексте также

включены другие формы гидронима: *Гоанго*, *Гоанг* и *Гонг-го*. Китайское название реки 黄河 [huánghé] состоит из двух иероглифов, которые ясно показывают происхождение слова: 黄 [huánghé] ‘жёлтый’ и 河 [hé] ‘река’. Название рек по цвету воды является распространённой моделью в гидронимии. На территории проживания тюркских народов имеется несколько рек с названием *Сарысу* [НКТС, с. 371].

Гидроним *Гелунг-кианг* является китайским названием реки Амур. В древности китайцы называли реку 黑河 [hēihé] ‘чёрная река’, вероятно, как противопоставление Хуанхэ. По тёмному цвету воды эту реку монголы называли Хара-мурэн (Хар Мөрөн), маньчжуры – Сахалян-Ула. Новое китайское название 黑龙江 [hēilóngjiāng] ‘река чёрного дракона’ появилось на основании легенды, согласно которой в давние времена чёрный дракон, обитавший в реке и олицетворявший добро, победил злого белого дракона, который топил лодки на реке, мешал людям рыбачить и нападал на любое живое существо. Победитель остался жить на дне реки [吴双福, 2012, с. 113].

Запись этого гидронима по-русски показывает, что слогоморфема 江 произносилась в то время в Китае как [kiāng], такое произношение исчезло в XVIII веке. Вероятно, этот же фонетический облик гидронима представлен в названии *Кианг* – 江 [jiāng], так в тексте И. Э. Фишера отмечена вторая известная китайская река Янцзы, по-китайски 长江 [chángjiāng] [现代词典, с. 551]. Вариант её названия *Кан* происходит, вероятно, от цзянсийского диалекта.

В гидрониме *Леотунг* отражено название восточной части реки Ляо – 辽东 [liáodōng], иероглиф 东 обозначает ‘восточный’. В тексте встречается также прилагательное *леотунгский*.

Фишер упоминает также реку *Или* – 伊犁河 [yīlí hé], эта река протекает в Или-Казахском автономном округе в Синьцзян-Уйгурском

автономном районе Китая и в Алматинской области Казахстана. Гидроним имеет монгольское происхождение, этимологическое значение – ‘сверкающий, блестящий’ [НКТС, с. 154].

В тексте упомянут ороним *Чанг бай-шань*, даётся его объяснение «долгая белая гора». Это соответствует китайскому названию горы в провинции Цзилинь 长白山 [chángbái shān]. Китайское слово состоит из трех элементов: 长 ‘длинный; длительный; длина; протяжение; протяженность’; 白 ‘белый; седой; чистый; светлый’, 山 ‘гора; горный’ [王维国, с. 69, с. 10, с. 611].

Антропонимы и названия титулов

Рассказывая о Китае, Г. Ф. Миллер и вслед за ним И. Э. Фишер называют некоторых политических деятелей Китая. Имя *Ли-дзи-чин* относится к Ли Цзычэну – предводителю крестьянской войны в северном Китае, которая привела к свержению китайской династии Мин. По-китайски антропоним записывается 李自成 [lǐ zìchéng]. Участие в свержении династии Мин принимал китайский полководец У Саньгуй – 吴三桂 [wú sānguì]. Он после взятия Пекина участниками крестьянского восстания во главе с Ли Цзычэном открыл в Великой китайской стене ворота Шаньхайгуаньской заставы, через которые маньчжуры прошли на юг и привели к власти в Пекине маньчжурскую династию Цин [Wakeman, 1985]. В тексте он назван *У зан-гуй*, и *У зангуй*.

Китайское слово 王 [wáng] ‘король; князь’ [王维国, с. 730] отмечено отдельно в виде *Унк*, а также в составе антропонима *Чуан-ванг*, 闯王 [chuǎngwáng], это было имя и название титула, которые выбрал себе Ли Цзычэн во время восстания.

В тексте встречается заимствованное из монгольского языка слово *Таиши*, по-китайски 太师 [tàishī]. Оно обозначает титул важного лица. В

русский язык слово *тайша* было заимствовано первоначально из калмыцкого языка, оно фиксируется в 1865 году в слове А. Д. Михельсона со значением ‘калмыцкий владелец’ [Михельсон, 1865, с. 603]. Позже оно получило значение ‘наследственное звание главного начальника бурятских племен’.

Этот же монголизм в несколько изменённом виде входит в состав титула *Кон-тайша*, которым обозначается наследник престола, по-китайски 皇太子 [huáng tàizǐ]. Китайское словосочетание состоит из двух элементов: 皇 ‘император; царь; императорский’ и 太子 ‘наследник престола; наследный принц’ [王维国, с. 307, 679].

Названия династий

В книге упомянуты названия различных китайских династий. В параграфе 2.1. было проанализировано слово *Табун*, которым в искаженном виде названа династия Мин 大明 [dà míng]. И. Э. Фишер называет эту династию *Таибын*. В прошлом китайский слог 大 [dà] произносился как [tai] [鲍明, 2005, с. 23].

Династия Цин названа в книге *Таи-тзинг* 大清 [dà qīng] Цин. Китайский исследователь Бао Мин отмечает, что это обозначение было заимствовано китайским языком из маньчжурского от термина *daicing* [鲍明, 2005, с. 24].

Названием *Леао* обозначена в книге династия Ляо (辽 [liáo]), правившая в 907-1125 гг. В книге упоминается *китайский монарх Чу*, по-китайски 楚王 [chǔ wáng]. Эта династия просуществовала недолго, с 209 по 202 г. до н. э. Последний её правитель Сян Юй был схвачен войсками Гао-цзу, который создал новую династию Хань, объединившую Китай.

Девизы правления

В китайской политической культуре постоянно с 140 г. до н. э. до свержения монархии в 1912 г. император, вступая на престол, объявлял девиз

правления – *нянь хао* (年號). Он состоял обычно из двух иероглифов и содержал положительное пожелание или этический принцип. Этот девиз впоследствии становился антропонимом. При жизни называть императора девизом его правления не было принято, а после смерти он часто оставался в истории под девизом с добавлением слова 皇帝 ‘император’. Девиз использовался и как средство летосчисления: девиз становился хрононимом – названием эры правления. Всего в китайской истории насчитывается 800 нянь хао [Кравцова, 2007, с. 450-451; Мартынов, 1977; Wilkinson, 2000].

В книге И. Э. Фишера обнаружены следующие девизы правления: *Тьен-минг* – 天命 [tiānmìng] ‘небесный мандат’ – девиз правления императора Тайцзу Поздней Цзинь (1616-1626), *Тьен-дзонг* – 天聰 [tiāncōng] ‘божественное всеведение, мудрость всевышнего’ – девиз правления императора Хуантайцзи Поздней Цзинь (1627-1636), *Ванли*, – 万历 [wànlì] – девиз правления китайского императора Чжу Ицзюня, 13-го в династии Мин (1563-1620); *Тзонг-те*, 崇禎 [chóngzhēn] ‘почёт и благоприятствование’ – девиз правления императора Чунчжэня, последнего императора династии Мин (1636-1643); *Шюн-чи* – 順治 [shùnzhi] – девиз правления третьего императора маньчжурской империи Цин Айсиньгьоро Фулиня (1638-1661); *Канг-ги* – 康熙 [kāngxī] – девиз правления Сюанье, четвёртого императора династии Цин, правившего 61 год с 1654 г. по 1722 г., эпоха Канси стала символом благополучия, «золотым веком» Китайской империи.

Храмовое имя

У китайских императоров было несколько антропонимов; обычно они имели три имени: личное, династийное и храмовое. Имя Сына неба и Самодержца Всего Поднебесного запрещалось произносить в обычном разговоре, а в письме оно изображалось иероглифами, отличными от обыкновенных. После смерти императору давали храмовое имя (мяо-хао),

под которым он часто становился известным в китайской истории. Мяохао (庙号 [miàohào]) оканчивались на -цзун ‘предок’, под этими именами императоров почитали после смерти в храме императорских предков. Храмовое имя основателя династии всегда оканчивалось на -цзу – 祖 [zǔ] – ‘предок-основатель’. В книге И. Э. Фишера употребляются храмовые имена императоров: *Шин-Дзун* – 神宗 [shénzōng] – храмовое имя китайского императора Чжу Ицзюня династии Мин; *Ши-дзу* – 世祖 [shìzǔ] – храмовое имя императора Шуньчжи империи Цин, упомянутого выше под девизом правления *Шюнь-чи* – 顺治 [shùnzhì].

В книге рассказывается история об императоре *Гоан-тзонге* династии Мин – 光宗 [guāngzōng]: «Монарх, видя себя от всех отставлена, пошел в сад свой и, поразив дочь свою саблею, удавил сам [себя] на дереве» [Фишер, 1774, с. 336]. Видимо, либо китайский собеседник неточно передал информацию об императорах, либо Г. Ф. Миллер неправильно понял рассказ. Это событие произошло не с императором Гуанцзуном (光宗), а с Сыцзуном (思宗 [sīzōng]). Это произошло в 1644 г., когда Ли Цзычэн занял Пекин [张廷玉, т. 24, 1974]. А Гуанцзун умер от болезни в 1620 г. [张廷玉, т. 21, 1974].

Макаронизмы

В лингвистике иноязычные слова или выражения, используемые в речи в том виде, в каком оно существует в языке источнике с сохранением его грамматических и произносительных особенностей, называют макаронизмами [БТС, с. 514]. Когда речь идёт об использовании иноязычных вкраплений в текстах на европейских языках, они часто записываются графическими средствами языка-донора. Иероглифическая система китайского языка не позволяет столь же регулярно использовать этот способ введения макаронизма в текст, поэтому трудно отделить заимствование лексем от макаронизма. Мы полагаем, что можно считать макаронизмами

слова *ша-мо* – 沙漠 [shāmò] ‘пустыня; пески’ [王维国, с. 610], *Фо* – 佛 [fó] ‘Будда; буддийский’ [王维国, с. 210].

Многие из приведённых выше примеров китаизмов имеют графическое оформление, отличное от произношения слов в китайском языке. С одной стороны, следует помнить, что оригинал книги был написан на немецком языке, при переводе на русский могло произойти влияние немецкой транскрипции на оформление китаизма. С другой стороны, с XVIII века в китайском языке произошли изменения в произношении слов, запись китаизма в книге отражает прежнее звучание лексемы. С третьей стороны, в китайском языке существуют значительные отличия между диалектами, в книгу могло попасть диалектное произношение единицы. Наконец, во время создания книги Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера ещё не существовало строгих правил транскрипции китайских слов по-русски, именуемой палладицей (см. подробнее 3.2.), поэтому запись китаизмов в тексте могла быть весьма удалённой от реального звучания лексемы в китайском языке.

Выше мы привели факты о том, что книга И. Э. Фишера «Сибирская история» была компилятивной, представляла собой плагиат предшествующего текста Г. Ф. Миллера. Однако в оправдание автору можно вспомнить, что ещё за 12 лет до создания своей книги И. Э. Фишер в октябре 1756 г. в «учёном периодическом журнале» на русском языке «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», который был основан Императорской академией наук по предложению её президента Академии графа К. Г. Разумовского в 1755 г. и отдавался «под смотрение» (редактирование) Г. Ф. Миллера [Берков, 1952, с. 77-107], опубликовал статью «Рассуждение о разных именах Китайского государства и о ханских титулах», в которой встретились многие отмеченные выше китаизмы [Фишер, 1756, с. 307-323]. Данная статья И. Э. Фишера нуждается в подробном

изучении.

2.4. Китаизмы в сообщениях о Китае в русских журналах XIX века

По мере расширения русско-китайских связей, увеличения количества русских людей, побывавших в Поднебесной, роста числа китайцев, посещающих Россию, в российском обществе возникает запрос на знания о Китае, об истории и культуре этой страны. На этот запрос начинают отвечать издаваемые в России журналы. Выше мы упоминали о статье Карла Фридриха Неймана в журнале «Русский вестник».

В работе Карла Фридриха Неймана встречается более 120 китаизмов, которые можно разделить на следующие группы: топонимы, антропонимы, этнонимы, макаронизмы (ваваризмы и кальки) и полукальки.

Топонимы

В период восстания тайпинов в 1851-1864 гг. было создано Небесное царство великого благоденствия (太平天国). В статье фиксируется его китайское название *Тайпингкуо* – 太平国 [tàipíngguó] [太平天国农民战争沉重打击清王朝统治].

В публикации К. Ф. Неймана используются названия многих китайских провинций: *Куангтонг* – 广东 [guǎngdōng], *Куйчю* – 贵州 [guìzhōu], запись соответствует почтовой латинизации [kueichou], *Чекианг* – 浙江 [zhèjiāng], *Чингай* – 青海 [qīnghǎi], *Куангси* – 广西 [guǎngxī], *Юннан* – 云南 [yúnnán], *Сечуен* – 四川 [sìchuān], *Гунан* – 湖南 [húnán], *Гонан* – 河南 [hénán], *Кансу* – 甘肃 [gānsù], *Шантонг* – 山东 [shāndōng], *Гуне* – 湖北 [húběi], *Куангси* – 江西 [jiāngxī], *Куангсу* – 江苏 [jiāngsū], Обратим внимание на транскрипцию первого иероглифа по-русски в двух последних топонимах. Как и в тексте И. Э. Фишера, слогоморфема 江 отражает произношение [kiāng].

В некоторых случаях необходимо дополнительное исследование, чтобы понять, какой китайский топоним соответствует записи в статье К. Ф. Неймана. Под названием *Фокиен*, вероятно, имеется в виду провинция Фуцзянь – 福建 [fújiàn], поскольку в тексте оно встречается рядом с названиями провинций Гуандун и Гуанси, которые находятся по соседству с ней. В тексте также встречается синоним названия этой провинции *Гоагиен*, которое соответствует произношению в южнофуцзяньском диалекте [hougien] [陈泽平, 1998, с. 22-23].

Топоним *Гукуанг* уже исчез из истории Китая, так называлась провинция в династиях Юань, Мин и первых лет Цин. Столицей был город Учан. По-китайски она именовалась 湖广 [húguǎng], во время династии Юань она включала территорию современных провинций Хунань, Хубэй, Гуанси, Хайнань и др. В период династий Мин и Цин в неё входили только Хунань и Хубэй [湖广].

В Китае существует две провинции, названия которых фонетически не отличаются, но имеют разный тон в первом слоге. Они записываются разными иероглифами. В статье их названия написаны без мягкого знака после первого слога: *Шенси* – 陕西 [shǎnxī], *Шанси* – 山西 [shānxī]. Первый топоним в настоящее время записывается как *Шэньси*.

В период династии Цин существовала провинция Цзяннань – 江南 [jiāngnán], название которой К. Ф. Нейман записывает как *Куангна* [Нейман, 1858]. О ней писал в стихотворении «Вспоминая Цзяннань» (忆江南) поэт Бай (Бо) Цзюйи (白居易). В настоящее время этим словом обозначается территория Китая к югу от реки Янцзы [单之蔷, 2013, с. 34].

Под названием *Печили* упоминается старинное название провинции Хэбэй, в котором отражается китайский топоним 北直隶 [běizhílì]. В переводе это название обозначает ‘северная непосредственно управляемая’,

оно использовалось при династии Мин. При династии Цин это название было сокращено до Чжили, а в 1928 году провинцию получила название Хэбэй [罗新, 2011, с. 36].

В тексте упоминаются также названия китайских уездов: *Воюен* – 婺源 [wòyuán], уезд в провинции Цзянси, *Куангоа* – 江华 [jiānghuá], уезд в провинции Хунань, *Гуангьйонг* – 江永 [jiāngyǒng], уезд в провинции Хунань, *Ионгнинг* – 永宁 [yǒngníng], уезд в современном Нинся-Хуэйском автономном районе, *Фонгьянг* – 凤阳 [fèngyáng], уезд в провинции Аньхуэй, *Пингьянг* – 平阳 [píngyáng], уезд в провинции Чжэцзян, *Куачеу* – 瓜州 [guāzhōu], уезд в провинции Ганьсу. Из цзянсийского диалекта заимствовано название уезда *Кинган* – 清江, на путунхуа [qīngjiāng] в провинции Цзянси.

Некоторые упомянутые в статьях названия уездов нуждаются в дополнительном комментировании, поскольку не всегда легко определить, о каком географическом объекте Китая идёт речь. Название уезда *Айгунь* в провинции Хэйлунцзян – 瑗珲 [àihuī] отражает вариант произношения иероглифа 珲, который может быть прочитан как [huī] и как [hūn]. Сейчас это город Хэйхэ – 黑河 [hēihé]. Уезд *Мингюен* указан в статье как расположенный в южной области провинции Хунань. Мы предлагаем, что это слово по-китайски пишется 宁远 [níngyuǎn], мы предполагаем, что в начале слова произошло чередование звуков n и m. По русской записи топонима *Куйте* трудно определить, где он расположен в Китае. Только по его описанию мы можем предположить, что это уезд 辉县 [huīxiàn] в провинции Хэнань. Интересная трансформация произошла с записью названия китайского уезда *Мойанг*. В китайском языке он именуется 沭阳 [shùyáng]. Эту давнюю ошибку сделали, вероятно, голландцы: на их карте 1655 г. отмечен китайский топоним Moyang или Mooyang [1655年起, 西方古地图中的宿迁、沭阳、桃源(泗阳)]. Это связано с тем, что европейцы

перепутали иероглифы 沐 (шу) и 沐 (му), различия между которыми, как мы видим, незначительны.

В статье К. Ф. Неймана приводится много китайских **астионимов**. Автор приводит традиционную запись названия столицы *Пекин*, отличную от звучания топонима на путунхуа 北京 [běijīng]. Выше мы отмечали, что эта форма названия возникла в южнокитайском диалекте. Такая же традиционная запись отмечена для названия города *Нанкин* в провинции Цзянсу – 南京 [nánjīng] ‘южная столица’. В тексте также встречается его название *Тиенкинг* в период существования независимого государства тайпинов – 天京 [tiānjīng] ‘небесная столица’.

Поскольку немецкий исследователь находился в южном Китае, многие астионимы записаны в произношении кантонского и других южнокитайских диалектов: *Гонг-Конг* – 香港, на путунхуа [xiānggǎng]; город 厦門 в провинции Фуцзянь записан на южнофуцзяньском диалекте *Амой*, на путунхуа [xiàmén]; кантонским по происхождению является астионим *Шанзамигонг* – 十三港 [shísāngǎng], название порта в провинции Гуандун, второй вариант названия – *Шизангинг*; из кантонского диалекта взято название *Фушан* – 佛山 [fóshān] в провинции Гуандун; город 澳門 на кантонском диалекте называется *Макао*, этот астионим записан в тексте, отмечено также название *Гаомень*, которое близко к произношению на путунхуа [àomén], остаётся неясным, почему в начале записана буква г.

Отмечены также названия разных китайских городов: *Шангай*: – 上海 [shànghǎi], три варианта астионима зафиксированы для города 天津 [tiānjīn]: *Тиентзин*, *Тиен-Тзин* и *Тиенкинг*; *Чинкианг* – 镇江 [zhènjiāng] в провинции Цзянсу; *Ионгчеу* – 永州 [yǒngzhōu] в провинции Хунань; *Вучанг* – 武昌 [wǔchāng] в провинции Хубэй (с 1949 г. он стал районом города Ухань); *Канчеу* – 贛州 [gànzhou] в провинции Цзянси; *Юенчеу* – 袁州 [yuánzhōu] в

провинции Цзянси в период династии Цин, по-китайски, сейчас он является районом города Ичунь; *Чану* – 乍浦 [zhàpǔ], сейчас этот город называется Пинху в провинции Чжэцзян; *Сучеу* – 苏州 [sūzhōu] в провинции Цзянсу; *Тайцанг* – 太仓 [tàicāng] в провинции Цзянсу; *Нинпо* – 宁波 [níngbō] в провинции Чжэцзян; *Фучеу* – 福州 [fúzhōu] в провинции Фуцзянь; *Янгчеу* – 扬州 [yángzhōu] в провинции Цзянсу; *Кайфонг* – 开封 [kāifēng] в провинции Хэнань; *Гумень* – 虎门 [hǔmén] в провинции Гуандун, ныне входит в состав города Дунгуань в дельте Жемчужной реки; *Нангоэй* – 南汇 [nánhuì], район города Шанхая; *Тонгчанг* – 东昌 [dōngchāng], в китайском астиониме обычно добавляется иероглиф 府 [中国方志], в настоящее время такое название с этим иероглифом носит район города Ляочэн в провинции Шаньдун.

Как и в книге И. Э. Фишера, в статье немецкого учёного великая китайская река Янцзы называется *Куанг* – 江 [jiāng] ‘река’. Отмечено также полное название реки *Янг-тзе-куанг* – 扬子江 [yángzǐjiāng]. Первоначально в Китае так называлось нижнее течение реки. В статье также использован вариант гидронима, записанный из цзянсийского диалекта, – *Кан*.

Вторая великая китайская река записывается *Гоанго* – 黄河 [huánghé]. Как известно, река Хуанхэ является важным местом зарождения китайской цивилизации.

Автор использует китайское название Амура 黑龙江 [hēilóngjiāng] в калькированном виде: *река Черного Дракона*. Гидроним в китайском языке состоит из двух частей: 黑龙 [hēilóng] ‘черный дракон’ и 江 ‘река’ [王维国, с. 347].

К переводу К. Ф. Нейман прибегает и при упоминании о реке 珠江 [zhūjiāng] в городе Гуандун, в тексте она называется *Перловая река*. Китайский гидроним состоит из двух частей: 珠 ‘жемчуг; жемчужина’ и 江 ‘река’ [王维国, с. 989; с. 347]. По-немецки жемчуг

называется *die Perle*, поэтому переводчик использовал прилагательное, образованное от заимствованного из европейских языков слова *перл* [БТС, с. 824], а не от китаизма *жемчуг*. Сейчас эта река именуется в русских текстах *Жемчужная*. Автор упоминает также название *река Чу-кианг*, которое отражает произношение китайского языка. В тексте также встречается название реки *Пекианг* – 北江 [běijiāng]. В статье К. Ф. Нейман рассматривает три упомянутых названия как синонимы, но *Пекианг* является одним из потоков Жемчужной реки.

В журнальном тексте встречаются также другие китайские гидронимы: *Пейго* – 北河 [běihé], реки, которая ныне находится в автономном районе Внутренняя Монголия; *река Пиен* – 汴河 [biànhé], перед нами полукалька, китайское слово состоит из двух частей: имени нарицательного 河 ‘река, речной’ [王维国, с. 285] и имени собственного 汴 ‘Бянь’, в современных источниках река называется Бьянхэ; эта река изображена на знаменитой картине придворного художника династии Сун (960-1279) Чжан Цзэдуаня «Праздник Цинмин на реке» (другое название – «По реке в день поминовения усопших») [Пострелова, 1976, с. 91-110]; полукалькой является лимноним *озеро Поянг* – 鄱阳湖 [póyánghú], этот китаизм состоит из 2 частей: имени нарицательного 湖 ‘озеро’ [王维国, с. 296] и имени собственного 鄱阳 [póyáng].

Упомянуты в тексте статьи китайские **оронимы**, при этом входящий в их состав иероглиф 山 ‘гора’ [王维国, с. 611] переводится на русский язык разными способами. В названии возвышенности в Пекине *Гуангшань* термин включён в состав оронима. Ныне здесь расположен горный парк *Сянишань* (香山 [xiāngshān] ‘Благоухающая гора’), который был создан в 1186 при династии Цзинь. Китайское название 梅岭山 [méilǐngshān] записано как *хребет Мейлинг*, а ороним 南岭山 [nánlǐngshān] передан как *отрасль Нанлинг*.

Возможно, это отражает особенности немецкого текста, в котором автор попытался отметить различие между простой горой и сложной горной цепью. Горная система Наньшань простирается с северо-запада на юго-восток на 800 км, она состоит из нескольких субпараллельных хребтов. В немецком языке используется несколько терминов для обозначения горной цепи, горного хребта: *der Bergrücken, das Gebirge, die Bergkette*. Вероятно, для одного из них переводчик выбрал слово *отрасль*, которое, однако, в русской географической терминологии отсутствует. Слово *хребет* используется в значении ‘ряд гор, тянущихся в одном направлении; горная цепь’ [БТС, с. 1453].

Названы также китайские инсулонимы. Китайское словосочетание 台灣島 [táiwāndǎo], состоящее из имени собственного 台灣 ‘Тайвань’ и имени нарицательного 島 ‘остров; островной’ [王维国, с. 136], передано как полукалька: *остров Тайван*. Из кантонского диалекта взято название *остров Ананхай* (阿娘海島 [āniánghǎi]), он расположен недалеко от города Хумэнь. В настоящее время остров называется 威远岛 [wēiyuǎndǎo]. В городе Дунвань провинции Гуандун находится остров Чуаньби, в кантонском диалекте инсулоним произносится [chuenpi], поэтому он записывается в тексте как *остров Чуэнпи*, это тоже полукалька: имя нарицательное 島 ‘остров’ [王维国, с. 136], входящее в китайском языке в состав названия, переведено.

Антропонимы

В тексте статьи К. Ф. Неймана отмечены многие китайские антропонимы. В китайской лингвокультуре с большим почтением относятся к легендарным пяти императорам. Два последних из них Яо и Шунь (храмовые имена) считаются образцом справедливого правления и символом совершенной мудрости. В связи с легендарностью их существования называются разные даты их биографии: Яо – 2376 – 2255, 2356-2255 или

2333-2234 гг. до н. э.; Шунь – 2294 и 2184 или 2233-2184 гг. до н. э. [Юань Кэ, 1987; Ежов, 2004].

В статье названы два варианта антропонима для четвертого императора *Иео* и *Яо*, а для пятого – *Шун* (без мягкого знака), их китайские иероглифические соответствия – 堯 [yáo] и 舜 [shùn].

Автор называет также великих мыслителей Китая. Антропоним *Конгтзе* образован от китайского имени 孔子 [kǒngzǐ], ‘учитель Кун’, оно состоит из имени собственного 孔 [kǒng] и уважительного слова 子 [zǐ] ‘господин; мужчина, который обладает знаниями’ [现代词典, с. 1517]. В европейской традиции закрепился вариант его имени, образованный от 孔夫子 [kǒngfuzǐ], он был записан на латыни Confucius, а затем с небольшими вариациями распространился у народов Европы и мира: нем. Konfuzius, ит. Confucio, порт. Confúcio, швед. Konfucius, греч. Κομφούκιος, тур. Konfücyüs, польск. Konfucjusz, рус. Конфуций, белор. Канфуцый, серб. Конфуције и др.

Похожую антропонимическую структуру имеет *Менгтзе*, представитель конфуцианской школы (372-289 гг. до н.э.) [周扬]. По-китайски его имя 孟子 [mèngzǐ] состоит из антропонима 孟 [mèng] и уважительного слова 子 [zǐ]. Такая же структура у имени *Лаотзе* (老子 [lǎozǐ]), мыслителя, философа, филолога и историка Древнего Китая, основателя и главного представителя даосизма.

В тексте статьи у некоторых исторических личностей имеется несколько имён, что отражает сложность китайской антропонимической системы. Девятый император империи Цин, который правил с 1831 по 1861 г., назван по имени *Ие-Чу* (奕訖 [yìzhǔ]) и по девизу правления *Гиенфонг* (咸丰, Xiánfēng, ‘Вселенское процветание’), на путунхуа – Сяньфэн.

К. Ф. Нейман подробно освещает в статье восстание тайпинов и называет имена его лидеров. К.Ф. Нейман пишет: «Тайпинги, как кажется,

призваны играть важную роль в исторической драме, разыгрывающейся от Лондона и Вашингтона, от Парижа и Петербурга до Кантона и Пекина, до границ Монголии и Манджурии» [Нейман, 1858, с. 340]. Руководитель восстания, именуется в тексте *Гонг Сиутзиуэн* < 洪秀全 [Hóng Xiùquán]. Он себя провозгласил «Небесным Царём» (天王 [tiānwáng]), данный термин образован по модели слова 上帝 [shàngdì] ‘Император Неба’, как в Китае называют Иисуса Христа; в статье имя записано *Шангти*. Названы сподвижники лидера: «северный князь» *Вей-Чангоей* < 韦昌辉 [wéichānghuī], «восточный князь» *Янг-Сиучин* < 杨秀清 [yángxiùqīng], князь-помощник *Ши Такай* < 石达开 [shídákāi].

29 августа 1842 г. между Китаем и Великобританией был подписан Нанкинский договор. Со стороны Китая его подписали эмиссары цинского императора Мянньина) Циин и Илибу. В тексте статьи первый из них упоминается под именем *Киинг* (耆英 [qǐyīng]). Имя китайца *Су-Азинг* происходит из кантонского диалекта, на путунхуа оно звучит: Су Ячен – 苏亚成 [sū yàchéng].

Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, девизы правления китайских императоров становились их именами. В статье отмечены следующие антропонимы: *Шунчи*, девиз правления Айсин Гиоро Фулинь (顺治 [shùnzhi]); *Канги*, девиз правления Айсин Гиоро Сюань (康熙 [kāngxī]); *Ионгчинг*, девиз правления Айсин Гиоро Иньчжэнь (雍正 [yōngzhèng]); *Киенлонг*, девиз правления Айсин Гиоро Хунли (乾隆 [qiánlóng]); *Киакинг*, девиз правления Айсин Гиоро Юньянь (嘉庆 [jiāqìng]); *Таокуанг*, девиз правления Айсин Гиоро Миньнин (道光 [dàoguāng]). Император Айсин Гиоро Хуантайцзи имел храмовое имя *Таитсонг* (太宗 [tàizōng]). Некоторые антропонимы сильно искажены в тексте. Только по описанию жизни *Лиуентсонга* можно понять, что речь идёт храмовом имени цинского

императора Мянньнина 宣宗 [xuānzōng].

Автор перечисляет различные китайские императорские династии: *Танг* – 唐 [táng], *Минг* – 明 [míng], *Чинг* – 清 [qīng]. В названии цинской династии *Таитсинг-Чао*, вероятно, произошла замена иероглифа 大 [da] ‘большой, великий’ (大清朝 [daqīng cháo]) на 太 [tài] ‘наибольший’, в результате возникло указание не несуществующую династию Тайцин. Правление восставших тайпинов определено тоже как династия *Тайпинг Чао* (太平朝 [tàipíngcháo]).

Сложную историю имеет храмовое имя основателя маньчжурской империи *Да Цзинь*, или *Хоу Цзинь* Нурхаци. В статье оно записано как *Манджусри Таитсу*. Эта запись состоит из транскрипции санскритского слова *mañjuśrī* ‘великолепная слава’ и китайского 太祖 [tàizǔ]. В китайском языке этот антропоним звучит иначе: 文殊太祖 [wénshū tàizǔ], первая часть 文殊 [wénshū] обозначает ‘Бодхисаттва Мудрости’ [王俊中, 1997], так звали легендарного сподвижника Будды Гаутаму, а вторая происходит от монгольского титула владетеля. Соединяясь, две части образуют устойчивое словосочетание.

В статье упомянуты *Зонг* и *Кин*, которые жили в династии Вэй. Установить их исходное звучание, иероглифическую запись и судьбу нам не удалось.

Этнонимы

В статье упомянуты названия народов, проживающих в Китае и по соседству. Одной из важных для истории Поднебесной были маньчжуры, народ тунгусо-маньчжурской языковой семьи, находящихся, возможно, в родстве с другим алтайскими языками [Языки мира, 1997, с. 153-154] и входящими в ностратическую макросемью. В тексте они именуется *Манджу*, что соответствует китайскому 满洲 [mǎnzhōu]. Существует несколько версия

происхождения этого этнонима. По одной из них, слово связано с упомянутым выше словосочетанием *Манджусри Таитсу* и свидетельствует о распространении буддизма среди этого народа. Об этом сказано в книге «*滿洲源流考*» («Исследование по происхождению и развитию Манчжурии») [王俊中, 1997]. Следовательно, название народа образовано от санскритского слова *mañjuśrī*. По другой версии, название дали этому народу китайцы, которые считали их, как и многие другие народы, варварами, дикими (蛮人 [mánrén], 野蛮人 [yěmánrén]) [ПГНМ, с. 259].

Из истории известно, что название выбрал своему народу император Хуантайцзи (1592-1643), сын Нурхацы. Ранее маньчжоу было одним из племён, входивших в состав чжурчжэней. Хуантайцзи в 1635 г. издал указ, по которому устанавливалось, что «племена маньчжоу, хада, ула, ехэ и хойха подлежат считать единым государством – Маньчжоу, и что невежественные люди их называют чжушениями, но название чжушень относилось только к потомкам чаоморгеньских сибо» [Кычанов, 2010].

В тексте упоминается также народ *Миаотзе*, проживающий в южном Китае и соседних странах (苗族 [miáozú]). Почти половина этого народа проживает в провинции Гуйчжоу.

В статье упоминается также конфессоним *Тиенчу-Киао* (天主教 [tiānzhǔjiào]), так китайцы называют католиков.

Макаронизмы

В статье немецкого учёного встречаются записанные в транскрипции названия должностей китайских чиновников, предметов китайского быта и даже целые фразы на китайском языке. Автор указывает разные названия чиновника на фуцзяньском диалекте и путунхуа *Куа*, *Гоу*, *Гов* (官 [guān] ‘офицер’, 侯 [hóu]), *киучин* – глава исполнительной власти центральной части Древнего Китая (九卿 [jiǔ qīng]). Включая в текст слово *гай-чусь*, автор

поясняет, что это морская жемчужина (海珠 [hǎizhū]).

К. Ф. Нейман записывает китайскую фразу «Кань Фанькуей» и поясняет её: «Вот чужой дьявол!». Как известно, восстание тайпинов было направлено также против иностранных колонизаторов. К последним относились недоброжелательно, вслед им произносили фразу «看番鬼» [kàn fān guǐ], которая состояла из глагола 看 ‘смотреть; видеть; просматривать’ и существительного 番鬼, образованное путем соединения двух иероглифов 番 ‘чужеземный; иноземный’ и 鬼 ‘дьявол; черт; нечисть’ [王维国, с. 400, с.188, с. 267]: «Посмотри на иноземного дьявола».

В тексте встречаются кальки и полукальки. Автор сообщает о том, что в Пекине выходит газета, в переводе она именуется «Пекинский Придворный Вестник». По-китайски она называется 《京报》 [jīngbào] [京报 (明清《京报》)], название газеты калькируется сразу по-немецки (вероятно, «Der Pekinger Hofbote»), а затем на русском языке.

Полукалькой является словосочетание *Отряд Тайпингов*. Китайское название армии тайпинов 太平军 [tàipíng jūn] состоит из двух частей: имени нарицательного 军 ‘войска; армия; военный’ и названия восставших 太平 ‘тайпин, буквально: великое спокойствие’ [王维国, с. 392].

Итак, читатели журнала «Русский вестник» в 1858 г. могли познакомиться с жизнью Китая, его историей, узнать названия китайских провинций, уездов, городов, рек, гор и пр., имена исторических лиц и политических деятелей далёкой восточной страны, прочитать некоторые китаизмы. Постепенно знания о Китае, его истории, культуре, языке распространяются в русском обществе. Важную роль в этом сыграла статья немецкого ориенталиста Карла Фридриха Неймана.

2.5. Китаизмы в книге академика В. А. Обручева о путешествии в Китай

В конце XIX – начале XX в. взаимоотношения России и Китая развиваются в условиях относительной стабильности в политической, торговой, религиозной и культурной сферах [孙丽岭, 2017, с. 88]. Участились поездки русских людей в Поднебесную с научными, торговыми, культурными целями. Были организованы экспедиции учёных в Китай и сопредельные страны. Горную систему Наньшань (南山 ‘Южные горы’), например, изучали известные русские учёные Николай Михайлович Пржевальский (1839-1888), Всеволод Иванович Роборовский (1856-1910), Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860-1936), Григорий Николаевич Потанин (1835-1920), в честь которого здесь назван один из горных хребтов. Побывал здесь и Владимир Афанасьевич Обручев, в честь которого в горах Наньшань тоже назван пик.

В. А. Обручев был учеником известного русского геолога, профессора Горного института им. Екатерины II, члена Императорского Русского географического общества Ивана Васильевича Мушкетова (1850-1902), уроженца станицы Алексеевской на Дону.

В начале 1890-х гг. Императорское Русское географическое общество приняло решение организовать экспедицию в Китай и Южный Тибет. Возглавил её Г. Н. Потанин, который с 1876 по 1886 гг. уже участвовал в двух монгольских и в Китайско-Тибетской (Гайсунской) экспедициях. В состав новой экспедиции были включены зоолог и этнограф М. М. Березовский, геолог В. А. Обручев и супруга руководителя этнограф и художница Александра Викторовна Потанина.

В октябре 1892 г. экспедиция выехала из пограничного города Кяхта. Меньше, чем через год, 19 сентября 1893 г. около городка Чжаохуа (昭化, [Zhàohuà]) в провинции Сычуань по пути в Шанхай неожиданно скончалась А. В. Потанина, руководитель был вынужден покинуть экспедицию, а В. А.

Обручев продолжил путь. В октябре 1894 г. он прибыл в китайский город Кульджа. За это время учёный прошел 13 625 км, из них на протяжении 12 705 км он проводил геологическую съемку местности. Как указано в предисловии к его книге «От Кяхты до Кульджи»: «Из Кяхты уезжал скромный провинциальный геолог – домой возвращался уже ученый с мировым именем». Парижская академия наук наградила В. А. Обручева денежной премии им. П. А. Чихачева, он получил также премию им. Н. М. Пржевальского, а также был награждён высшей наградой Императорского Русского географического общества – Константиновской золотой медалью [Друянов, 1984]. В 1900–1901 гг. он издал в двух томах книгу «Центральная Азия, Северный Китай и Наньшань» [Обручев, 1900-1901]. Спустя 45 лет Владимир Афанасьевич подготовил популярную книгу «От Кяхты до Кульджи», которая и стала объектом нашего анализа.

Известно, что В. А. Обручев был не только учёным, но и известным писателем. Его художественные произведения «Плутония», «Земля Санникова», «Золотоискатели в пустыне», «Коралловый остров», «В делях Центральной Азии» и др. пользуются популярностью у читателей. Популярно написанная книга «От Кяхты до Кульджи», также ставшая известной в читательских кругах, открыла для россиян новую возможность познакомиться с Китаем, его народом, прочесть и запомнить китаизмы. Книга написана хорошим русским языком, она понятна любому читателю, поэтому выполняет важную роль популяризации знаний о Китае у русских и русскоязычных граждан СССР, Российской Федерации. Китаизмы придают тексту особый колорит, способствуют лучшему пониманию жизни китайцев.

Всего нами обнаружено 249 китаизмов. Мы разделили их на следующие группы: топонимы (оронимы, годонимы, астионимы, комонимы, потамонимы, пелагонимы, административные хоронимы, природные

хоронимы, исторические топонимы), антропонимы, имена числительные со счетным словом, иероглифы и термины, связанные с отбором людей путем экзаменов (кэцзюй 科举 [kējǔ]), макаронизмы и просторечные единицы.

В книге встречается большое количество китаизмов, обозначенных иероглифом: *жень* 人 [rén] ‘человек; люди’, *шань* 山 [shān] ‘гора; горный’, *тянь* 天 [tiān] ‘небо; небесный’, *тянь* 田 [tián] ‘поле; пашня; нива’, *шуй* 水 [shuǐ] ‘вода; водяной’, *ма* 马 [mǎ] ‘лошадь; конь’, *ма* 麻 [má] ‘лубяные культуры; кунжут; лубяное волокно; пенька; лен; рябины; оспины; рябой’, *си* 西 [xī] ‘запад; вест; западный’, *дун* 东 [dōng] ‘восток; восточный’, *бей* 北 [běi] ‘север; северный’, *нань* 南 [nán] ‘юг; южный’, *дянь* 店 [diàn] ‘магазин; лавка; гостиница; постоялый двор’, *дянь* 玷 [diàn] ‘изъян; дефект; стыд, позор’, *мынь* 门 [mén] ‘дверь; ворота’, *цзянь* 间 [jiān] ‘между; среди; в течение’, *шань* 闪 [shǎn] ‘сверкнуть; блеснуть; мелькнуть’, *да* 大 [dà] ‘большой; великий; грандиозный’, *сяо* 小 [xiǎo] ‘маленький; мелкий; малый’, *да* 打 [dǎ] ‘бить; ударять; разбивать; молотить; забивать’, *си* 昔 [xī] ‘прежде; в прошлом; раньше; в старину’; *шань-цзянь* 山间 [shānjiān] – в тексте В. А. Обручева дано объяснение ‘промежуток в горе’ [王维国, с. 594, с. 611, с. 692, с. 694, с. 659, с. 469, с. 468, с. 761, с. 160, с. 26, с. 507, с.153, с. 481, с. 339, с. 613, с. 121, с. 791, с. 119, с. 762; Обручев, 1940, с. 110].

В текст автор включает имена числительные со счетными словами 个 [gè], 百 [bǎi], 千 [qiān] и без них: *игэ* 一个 [yígè] ‘один’, *лянэ* 两个 [liǎnggè] ‘два’, *саньэ* 三个 [sāngè] ‘три’, *сыгэ* 四个 [sìgè] ‘четыре’, *угэ* 五个 [wǔgè] ‘пять’, *люгэ* 六个 [liùgè] ‘шесть’, *цигэ* 七个 [qīgè] ‘семь’, *пагэ* 八个 [bāgè] ‘восемь’, *цзю* 九 [jiǔ] ‘девять’, *шигэ* 十个 [shígè] ‘десять’, *ши-эргэ* 十二个 [shíèrgè] ‘двенадцать’, *эр-шигэ* 二十个 [èrshígè] ‘двадцать’, *эрши-игэ* 二十一个 [èrshíyīgè] ‘двадцать один’, *саньши* [sānshí] 三十 ‘тридцать’, *ши-пагэ* 十八个 [shíbāgè] ‘восемнадцать’, *и-бай* 一百 [yìbǎi] ‘сто’, *и-цянь* 一千 [yìqiān]

‘тысяча’. В тексте встречается также *и-дяо* 一吊 [yídiào], иероглиф 吊 обозначал старую денежную единицу; обычно тысяча китайских медных денег называлась *и-дяо* [现代词典, с. 246].

Учёный поясняет употребление званий, связанных с отбором в Китае людей при помощи специального экзаменов. Первый термин он переводит на русский язык, появляется калька китайского слова *улучшатель учености*. Из объяснения В.А. Обручева мы можем предположить, что в китайском языке ему соответствует словосочетание 提学官 [tíxuéguān], которое обозначает «звание экзаменатора, который является чиновником, получившим образование на литературном языке» [Обручев, 1940, с. 107]. Китайское словосочетание состоит из трех элементов: 提 в значении 提升 [tíshēng] ‘повысить; выдвинуть; улучшить’, 学 в значении 学问 [xuéwèn] ‘ученость’ и 官 ‘чиновник; чин’ [王维国, с. 690, с. 829, с. 260]. Остальные термины даются в транскрипции: *сю-цай* 秀才 [xiùcái] – звание тех, кто успешно сдал экзамен первой степени и занял первое или второе место; *цзю-жен* 举人 [jǔrén] – звание тех, кто успешно сдал экзамен второй степени; *гунь-ши* 贡士 [gòngshì] – звание для тех, кто успешно сдал экзамен третьей степени; *цзинь-ши* 进士 [jìnshì] – звание тех, кто успешно сдал экзамен четвертой степени.

В книге калькируется китайское просторечное пожелание: *Четыре времени года богатеть*. Соответствующее китайское предложение 四季发财 [sìjì fācái] состоит из двух слов: 四季 ‘четыре времени года; четыре сезона’; 发财 ‘разбогатеть; обогатиться; нажиться’ [王维国, с. 667, с. 183].

Главным объектом исследований В. А. Обручева были горы, поэтому в его книге много **оронимов**. В соответствии с правилами, существующими в момент написания книги, они оформляются через дефис:

– *Бей-шань* – название китайской горной системы 北山 [běishān]; китайское слово состоит из двух частей: 北 ‘север; северный’ и 山 ‘гора;

горный' [王维国, с. 25, 611];

– *Нань-шань* – название горной системы 南山 [nánshān]; китайский ороним состоит из двух частей: 南 'юг; южный' и 山 [王维国, с. 507]; в русских источниках часть этой горной системы называется *хребет Рихтгофена* в честь знаменитого немецкого геолога, географа и путешественника, президента Берлинского географического общества, автора термина *Великий шёлковый путь* Фердинада фон Рихтгофена (1833-1905);

– *Цзи-мин-шань* – название горы, расположенной в городе Чжанцзякоу провинции Хэбэй, по-китайски 鸡鸣山 [jīmíngshān], ороним состоит из двух частей: имени собственного 鸡鸣 'Цзимин' и 山;

– *Тянь-шань* – одна из семи великих горных систем в мире, которая расположена во внутренних районах Евразии, охватывая Китай, Казахстан, Киргизию и Узбекистан с востока на запад; ороним хорошо известен в русской лингвокультуре, встречается в школьных учебниках географии; его источник – китайское словосочетание 天山 [tiānshān], которое состоит также из слов 天 'небо; небесный' и 山 [王维国, с. 692];

– *хребет Гун-ду-шань*, в книге В. А. Обручева приведено фото под названием «Ущелье Нанькоу в хр. Гун-ду-шань», мы предполагаем, что это название хребта, на которой лежит застава Цзюйюньгуань, этот хребет по-китайски называется 军都山 [jūndūshān], в данном случае обнаруживается передача первого слога из южнокитайского диалекта, в других случаях подобные слоги он записывает с начальным *цз-* (см. ниже);

– *ущелье Ян-бо-шань*, 烟波山 [yānbōshān] – название горы, которая расположена в уезде Лунси провинции Ганьсу;

– *хребет Да-ван-шань*, 大湾山 [dàwānshān] – название горы, которая находится в провинции Хэбэй;

– *Хуан-ян-шань*, 黄羊山 [huángyángshān] – название горы в провинции

Хэбэй;

– *Иен-ян-шань*, в тексте этот ороним понимается как другое название горы *Хуаняньшань*, однако в Китае в то время не было похожего по произношению названия; возможно речь идёт об упоминании, что в период империи Цин топоним 燕然山 [yānránshān] использовался как другое название горы Хуан-ян-шань [http://blog.sina.com.cn/s/blog_4fb02e6b0102z0ie.html];

– *Лао-лун-бей*, 老龙背 [lǎolóngbèi] – историческое название хребта в провинции Хэбэй;

– *Гуаньгоу*, 关沟 [guāngōu] – переход через горы между хребтом Тайханшань и хребтом Яньшань;

– *Си-шань*, 西山 [xīshān] ‘западный холм’ – название холма, который находится в Пекине, представляет собой ответвление горы Тайханшань;

– *гора Куэн-лунь*, по-китайски 昆仑山 [kūnlúnshān], этот горный хребет начинается с восточной части Памирского плато на западе, проходит через Синьцзян и Тибет и простирается до Цинхая; китайское словосочетание состоит из имени собственного 昆仑 ‘Куньлунь’ и имени нарицательного 山 ‘гора; горный’ [王维国, с. 611];

– *Ие-тоу-шань*, похожее название имеет гора 爷头山 [yétóushān] в провинции Хубэй, однако, очевидно, что В.А. Обручев говорит не об этой горе, а о горе в провинции Ганьсу; мы предполагаем, что это может быть 崛头山 [juétóushān] – название горы, находится в провинции Ганьсу;

– *Нью-тоу-шань*, 牛头山 [niútóushān] – название горы, которая находится в уезде Кансянь провинции Ганьсу;

– *хребет Гуань-шань*, 关山 [guānshān] – название горы, находящейся тоже в уезде Кансянь провинции Ганьсу;

– *Мо-мо-шань*, 毛毛山 [máomáoshān] – название горы в провинции

Ганьсу, вероятно, слово записано со слуха, поэтому передано по-русски не вполне точно;

– *гора Си-лян-шань*, 西梁山 [xīliángshān] – название горы в провинции Ганьсу, здесь находятся так называемые «руины древнего поля битвы при Цзетине», которая произошла между государствами Цао Вэй и Шухань в 228 году в период Троецарствия в Китае; эта битва описана в классическом историческом романе XIV века «Троецарствие», авторство которого приписывается Ло Гуаньчжуну [Рифтин, 1970];

– *хребет Тей-хуан-шань*, 太皇山 [tài huángshān] – название горы в провинции Ганьсу.

– *гора Лун-шань*, 隴山 [lóngshān] – название южной части горы Люпаньшань, пересекающей провинции Ганьсу, Шэньси и Нинся-Хуэйский автономный район;

– *хребет То-лай-шань*, 托来山 [tuō lái shān] – название хребта, расположенного в провинции Цинхай;

– *хребет Да-сюэ-шань*, 大雪山 [dà xuě shān] ‘большой снеговой хребет’ – название хребта в провинции Цинхай, представляющего собой ответвление горы Циляншань; в тексте также встречается другие его названия: *Да-сюэ-лин* 大雪岭 [dà xuě líng] и *Да-сюэ-дабан* 大雪达坂 [dà xuě dá bǎn], слово 达坂 [dábǎn] заимствовано из монгольского языка, в котором оно тоже обозначает ‘гора, хребет’;

– *хребет Цзин-ши-линг*, 青石岭 [qīngshí líng] – название хребта, который находится между реками Хуаншуй и Датунхэ в провинции Цинхай; в настоящее время его официальное название – 达坂山 [dábǎnshān], в нём соединились монгольское и китайские слова с одинаковой семантикой;

– *хребет Лун-фын-шань*, 龙凤山 [lóngfèngshān] – гора в провинции Ганьсу;

– *хребет Цзянь-ян-лин*, 千阳岭 [qiānyánglǐng] – гора в провинции Шэньси;

– *гора Цзинь-лун-шань*, 金龙山 [jīnlóngshān] – название горы, которая находится на территории провинции Аньхуэй (Аньхой);

– *Цзинь-лин-шань* 金陵山 [jīnlíngshān] – название горы на территории провинции Ганьсу;

– *Лао-лин*, 老岭 [lǎolǐng] – другое название цепи *Цзинь-лин-шань* 金岭山 [jīnlǐngshān], которая находится между городом Чэндэ провинции Хэбэй и Пекином;

– *цепь Да-лян-шань*, 大凉山 [dàliángshān] – ответвление хребта *Дасюэшань*, находится в провинции Сычуань;

– *хребет Сяо-шань*, 峭山 [xiào shān] – название хребта, пересекающего провинции Шаньси, Шэньси и Хэнань;

– *хребет Мин-шань*, 岷山 [mínshān] – хребет, простирающийся от юго-западной части провинции Ганьсу до северной части провинции Сычуань;

– *У-гэ-шань*, 五个山 [wǔgèshān] ‘пять гор’ – по словам В. А. Обручева, такое название у китайцев носит гора *Туолайшань*.

Экспедиции часто приходилось пересекать реки и другие водные объекты, поэтому в тексте много **гидронимов**, включая **потамонимы**:

– *река Цзинхэ*, 泾河 [jīnghé] – название реки, которая течет с Нинся-Хуэйского автономного района через провинции Ганьсу и Шэньси;

– *река Ян-хэ*, 洋河 [yánghé] – название реки в провинции Хэбэй, обратим внимание на то, что в этом, как и в некоторых других случаях, второй иероглиф в тексте переводится словом *река*, но его звучание сохраняется в потамониме;

– *Кан*, 江 [jiāng] – название реки, слово записано по произношению цзянсийского диалекта; в тексте автор даёт его объяснение: «низкая

глинобитная лежанка» [Обручев, 1940, с. 42], вероятно, речь идёт о другом иероглифе с таким же звучанием, иероглиф 江 в китайском языке обозначает ‘река’;

– *Хун-хэ*, 洪河 [hónghé] – название реки, которая находится на юго-востоке провинции Хэнань;

– *Гуэй-хэ*, 媯河 [guīhé] – название реки в провинции Шаньси до эпохи Южных и Северных царств, после династии Тан этот потамоним переносится в провинцию Хэбэй;

– *река Сяо-хэ*, 潇河 [xiāohé] – название реки, которая течет с провинции Шаньси;

– *речка Сяо-ли-хэ*, 小理河 [xiǎolǐhé] – название реки, которая течет по провинции Шэньси; в данном случае с помощью уменьшительного суффикса -к- в слове *речка* автор, вероятно, обозначил небольшие размеры объекта;

– *река Да-хэ*, 大河 [dàhé] – мы предполагаем, что это название реки, которое соответствует современному официальному названию реки *Шицзыхэ* 什字河 [shízìhé] в городе Нинся (Нинся-Хуэйский автономный район);

– *река Хэй-хэ*, 黑河 [hēihé] – название реки, которая течет из провинции Ганьсу в провинцию Шэньси;

– *река Лин-шуй*, 陵水 [língshuǐ] – название реки в провинции Шэньси;

– *река Юн-нин-хэ*, 永宁河 [yǒngníng hé] – потамоним в провинции Ганьсу;

– *река Су-лей-хэ*, 苏赖河 [sūlāihé] – название реки *Шулехэ*, 疏勒河 [shūlèhé], которая течет на территории провинции Ганьсу;

– *река Си-хэ*, 西河 [xīhé] ‘западная река’ – название притока реки Чанцзян;

– *река То-лай-хэ*, 托来河 [tuōlāihé] – название реки в провинции Ганьсу;

– *Е-ма-чуань*, 野马川 [yěmǎchuān] – название реки в уезде Хэчжан

провинции Гуэйчжоу; китайское слово состоит из 3 элементов: 野 ‘дикий; дикорастущий’; 马 ‘лошадь; конь’; 川 ‘река’ [王维国, с. 855, 469, 101]; В. А. Обручев употребляет также калькированный вариант этого потамонима – *река Диких лошадей*;

– *река Бей-чуань-хэ*, 北川河 [běichuānhé] – название реки в провинции Цинхай;

– *река Да-тун-хэ*, 大通河 [dàtōnghé] – название реки в провинции Цинхай;

– *река Ло-хэ*, 洛河 [luòhé] – название реки, которая течет с провинции Шэньси;

– *река Се-хэ* 色河 [sèhé] – название реки в провинции Шэньси;

– *река Вей-хэ*, 渭河 [wèihé] – название реки, которая течет через провинции Ганьсу и Шэньси;

– *Река Дун-хэ*, 东河 [dōnghé] – в настоящее время она носит название *Байхэ* 白河 [báihé] ‘белая река’, она начинается в районе Пекина Тунчжоу [顾祖禹, 1692];

– *Цзя-лин-цзян*, 嘉陵江 [jiālíngjiāng] – река, которая течет из уезда Фэнсянь провинции Шэньси через всю эту провинцию и далее через провинции Ганьсу, Сычуань и город Чунцин;

– *Пей-шуй-цзянь*, по описанию В.А. Обручева, мы можем предположить, что это река 白水江 [báishuǐjiāng];

– *река Хань-цзянь*, 汉江 [hànjiāng] – ответвление реки Чанцзян, течет через провинции Хубэй и Шэньси;

– *река Дао-хэ*, вероятно, в записи небольшое искажение, это река 党河 [dǎnghé], ответвление реки Шулэхэ в провинции Ганьсу;

– *река Тао-хэ*, 洮河 [táohé] – река в провинции Ганьсу;

– *река Хун-шуй*, 洪水 [hóngshuǐ] – название реки в провинции Ганьсу;

– река *Си-нин-хэ*, 西 宁 河 [xīnínghé] – название реки, которая течет из провинции Цинхай в провинцию Ганьсу.

В книге В. А. Обручева встречается один **пелагоним**. Он калькирован с китайского названия: *Желтое море*, расположенное между материковым Китаем и Корейским полуостровом. Китайское слово 黄海 [huánghǎi] состоит из двух элементов: 黄 ‘желтый; желтеть’ и 海 ‘море; морской’ [王维国, с. 307, с. 273]. Можно констатировать закономерность: названия морей калькируются, а похожие названия рек сохраняют исходный фонетический облик: Хуанхэ [黄河].

Калькируются также (полностью или частично) **природные хоронимы**. К ним относятся: *Великая китайская равнина* – 中国大平原 [zhōngguó dàpíngyuán], китайское название состоит из трех слов: 中国 ‘Китай; китайский’, 大 ‘большой; великий; грандиозный’ и 平原 ‘равнина’ [王维国, с. 979, с. 121, с. 541]; *Хамийская пустыня*, 哈密沙漠 – название пустыни в городе Хами Синьцзян-Уйгурского автономного района, китайский хороним состоит из двух частей: имени собственного – названия города Хами 哈密 и имени нарицательного 沙漠 ‘пустыня; пески’ [王维国, с. 610].

В **административных хоронимах** переводится постпозитивный термин 省 [shěng] ‘провинция’, он переносится в русском тексте в препозицию: *провинция Чжили* (直隶省 [zhílì shěng]), *провинция Шаньси* (山西省 [shānxī shěng]), *провинция Шеньси* (陕西省 [shǎnxī shěng]), *провинция Ганьсу* (甘肃省 [gānsù shěng]), *провинция Сы-чуань* (四川省 [sìchuān shěng]). Название *Синь-цзян* (新疆 [xīnjiāng]) существует с 1760 г., когда эта территория вошла в состав Цинской империи и было образовано наместничество с таким именем. В 1875 году оно было вторично завоевано империей Цин [Дубровская, 1998], и во времена экспедиции В. А. Обручева носило название, которое упомянуто в книге. Сейчас в качестве

официального используется название *Синьцзян-Уйгурский автономный район*.

В книге В. А. Обручева упоминается топоним *Алашань* и его дериваты. Это слово восходит к монгольскому *alxaa*, в китайском языке приобретает вид 阿拉善 [āláshàn] и затем транскрибируется в русском языке. От слова *Алашань* образовано прилагательное с помощью суффикса *-ск-*, который присоединяется к основам однословных и многословных топонимов [Манакина, 1989, с. 6]. В тексте упоминаются *Алашанская пустыня* и *Алашанские пески*, оба словосочетания являются полукальками, переводом китайского названия 阿拉善沙漠 [āláshàn shāmò], состоящего из нарицательного существительного 沙漠 ‘пустыня; пески’ и имени собственного 阿拉善 ‘Алашань’ [王维国, с. 610].

Автор использует в тексте большое количество **астионимов**, некоторые уже анализировались в предыдущих параграфах: *Пекин* (北京 [běijīng]), *Шанхай* (上海 [shànghǎi]), *Су-чжоу* (苏州 [sūzhōu]) и др. По правилам оформления китайских топонимов того времени, эти названия пишутся через дефис (в современных переизданиях книги принято слитное написание):

– *Лань-чжоу* (兰州 [lánzhōu]) – название города в провинции Ганьсу;

– *Чжан-цзя-коу* (张家口 [zhāngjiākǒu]) – название города в провинции Хэбэй; это одно из ранних упоминаний астионима, который до середины XX века был известен русским и европейцам под названием *Калган* (喀拉干 [Kālāgàn], монг. Чуулалт Хаалга);

– *Си-ань-фу*, 西安府 [xī’ān fǔ] – название города в провинции Шэньси;

– *Тай-юань-фу*, 太原府 [tàiyuán fǔ] – название города в провинции Шаньси;

– *Бао-дин-фу*, 保定府 [bǎodìng fǔ] – название города в провинции Хэбэй;

- *Юй-мын* 玉门 [yùmén] – название города в провинции Ганьсу;
- *Сюань-хуа-фу*, 宣化府 [xuānhuà fǔ] – название города в династии Мин;
- *Чжен-дин-фу*, 正定府 [zhèngdìng fǔ] – название города в провинции Хэбэй в династии Цин после 1723 г., сейчас это название уезда в КНР;
- *Суй-де-чжоу*, 绥德州 [suídé zhōu] – название города в провинции Шэньси в династии Цин, в настоящее время является уездом в КНР, сохраняя прежнее название;
- *Нин-ся*, 宁夏 [níngxià] – название города в провинции Шэньси в династии Цин, в настоящее время вместе с этнонимом *хуэй* входит в административный хороним *Нинся-Хуэйский автономный район*;
- *Гань-чжоу* (甘州 [gānzhōu]) – название города в провинции Ганьсу, в настоящее время – район города Чжанье;
- *Лян-чжоу*, 凉州 [liángzhōu] – название города в провинции Ганьсу, который в династии Цин обозначался административным термином 道 [dào], что считалось выше административной единицы 府 ‘город’, но ниже административной единицы 省 [shěng] ‘провинция’ [<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1651216627832611690&wfr=spider&for=pc>];
- *Ань-си*, 安西 [ānxī] – название города в провинции Ганьсу в династии Цин, в настоящее время является уездом той же самой провинции и с 2006 г. носит название 瓜州县 [guāzhōuxiàn];
- *Синин*, 西宁 [xīníng] – название города в провинции Цинхай; в тексте имеется также другой вариант названия *город Си-нин-фу*, в котором последний иероглиф 府 [fǔ] ‘город’ переведен и поставлен в препозицию, но в конце добавлено его звучание;
- *город Цзя-юй-гуань*, 嘉峪关 [jiāyùguān] – название города, расположенного в провинции Ганьсу; в тексте встречается и другое его

обозначение: *крепость Цзя-юй-гуань*, так В. А. Обручев назвал заставу в западной части Китайской стены;

– *Мин-чжоу*, 岷州 [mínzhōu] – название города в провинции Ганьсу до 1913 г., в настоящее время – название уезда 岷县 [mínxiàn];

– *Цзе-чжоу*, 阶州 [jiēzhōu] – название города в провинции Ганьсу, в настоящее время не существует;

– *город Ди-дао-чжоу* 狄道州 [dídào zhōu] – название города в провинции Ганьсу в Цинской династии, в настоящее время не существует.

В. А. Обручев в своей книге упоминает некоторые названия китайских уездов и небольших городов. Сложная система китайском топографической терминологии не позволяет точно установить различия между городом, посёлком, селением. Очень часто название города переходит на название уезда и наоборот. Иногда размеры поселения передаются в книге словом *городок*, однако в некоторых случаях и термин *город* отнесён к небольшому селению, поэтому топонимы включены в данную группу условно.

– *Ло-ян*, 洛阳 [luòyáng] – название уезда с центром в городе Хэнань при династии Цин, в настоящее время – город в провинции Хэнань;

– *Хуай-лай*, 怀来 [huáilái] – название китайского уезда с центром в городе Чжанцзякоу провинции Хэбэй;

– *город Си-фу-чен*, 惜福镇 [xīfú zhèn] – название городка, который находится на территории уезда Цзимо, сейчас это квартал города Циндао;

– *У-бао-чен* – скорее всего, речь идёт о городе 吴堡城 [wúbǎo chéng], иероглиф 堡 в китайском языке может читаться как [bǎo] и как [pù], что и стало причиной ошибки;

– *Нин-тяо-льян*, 宁条梁 [níngtiáoliáng] – название городка в провинции Шэньси со времён династии Цин, сегодня он тоже так именуется;

– *городок Хуо-лу*, 获鹿镇 [huòlù zhèn] – название уезда в провинции

Хэбэй в период династии Цин, сейчас он является городком в провинции Хэбэй;

– *город Динь-бянь*, 定边 [dìngbiān] – сейчас это название уезда провинции Шэньси;

– *город Ань-бянь*, 安边 [ānbiān] – название городка в уезде Динбянь провинции Шэньси;

– *Хуа-ма-чен* (花麻城 [huāmá chéng]) – в книге сообщается, что этот город известен своими цветами; вероятно, речь идет об уезде 麻城 [máchéng], который располагался в провинции Хубэй, сейчас это название носит город в этой провинции;

– *Чжунвей*, по-китайски 中卫 [zhōngwèi] – название уезда с центром в городе Нинся в период династии Цин;

– *Да-цзин*, 大靖 [dàjìng] – название городка в провинции Ганьсу;

– *Пин-фань* – прежнее название уезда в провинции Ганьсу, по-китайски 平番 [píngfān], в настоящее время он именуется 永登县 [yǒngdēng xiàn];

– *Фу-ма-фу* (驸马府 [fùmǎfǔ]) – вероятно, это название соответствует названию древнего города 驸马城 [fùmǎ chéng], который находится недалеко от города Тэнчжоу в провинции Шаньдун; иероглиф 府 имеет в китайском языке несколько значений, большей частью устаревших: место, где чиновники работают; место, где правительство собирает официальные документы и налоги; дом крупных чиновников и знатных людей; формула вежливости, с помощью которой можно назвать дом собеседника; административная единица со времени династии Тан до династии Цин [现代词典, с. 334]. Кроме того, китайское словосочетание 驸马府 является устойчивым, оно в старинных документах обозначает ‘дом мужа принцессы’;

– *Гу-лань-сянь* – это, скорее всего, название уезда Гулиньсянь, по-

китайски 古蔺县 [gǔlínxiàn], в провинции Сычуань; ошибка связана с тем, что иероглифы 蔺 (蔺) и 兰 в усложненном начертании выглядят похожи: 蘭.

– *город Чжэнь-фань*, 镇番 [zhèn fān] – название уезда провинции Ганьсу во времена династии Цин; сейчас он называется Миньцинъ 民勤县 [mínqín xiàn];

– *город Нин-юань-пу*, 宁远堡 [níngyuǎn pù] – название городка в провинции Ганьсу;

– *городок Шань-дан-сянь*, 山丹县 [shāndān xiàn] – сейчас это название уезда в провинции Ганьсу;

– *городок Гао-тэй*, 高台县 [gāotái xiàn] – название уезда в провинции Ганьсу, в русской транскрипции на месте слога tai стоит тэй, что, вероятно, отражает произношение в местном диалекте;

– *городок Датун* – сейчас это название уезда в провинции Цинхай, по-китайски 大通县 [dàtōng xiàn];

– *городок Цзинь-та-сы*, 金塔寺 [jīntǎsì] – название городка и уезда в провинции Ганьсу; В. А. Обручев поясняет, что китайское слово обозначает ‘монастырь золотой пашни’; монастырь с таким названием действительно существовал в провинции Ганьсу, однако к населённому пункту это название не применялось, а уезд получил наименование *Цзиньта* (金塔 ‘золотая пашня’) только на второй год существования Китайской республики (1913 г.);

– *город Пи-коу*, 碧口镇 [bìkǒu zhèn] – название городка в провинции Ганьсу;

– *город Бао-цзин-сянь*, 保靖县 [bǎojìngxiàn] – ныне название уезда в провинции Хунань;

– *городок Юн-чен* – существуют два города с близкими по звучанию топонимами: Юньчэн (运城 [yùnrchéng]) в провинции Шаньси во времена династии Цин и Юнчэн (永城 [yǒngchéng]). Можно легко спутать эти два

названия, однако в книге В. А. Обручева дано описание: «Между городками Юн-чен и Шан-дань почти всё пространство между теми и другими горами занято более низкими кряжами и группами гор и холмов <...>» [Обручев, 1940, с. 97]. Городок Юнчэн в провинции Хэнань находится на самом востоке провинции, ближе к провинции Цзянсу, поэтому он не соответствует описанию в тексте, в котором речь идёт о городе в провинции Шаньси;

– *городок Шан-дань*, 商丹 [shāngdān] – название городка в провинции Шеньси;

– *город Хой-сянь*, 滎县 [huǒ xiàn] – ныне название уезда с центром в городе Тунчжоу со времен династии Цин;

– *город Бао-цзи-сянь*, 宝鸡县 [bǎojī xiàn] – ныне название уезда в провинции Шэньси;

– *городок Цзин-фо-сы*, 金佛寺镇 [jīnfósì zhèn] – название городка в провинции Ганьсу;

– *городок Чжан-цзи*, 张集镇 [zhāngjízhèn] – название городка в провинции Цзянсу;

– *городок Цзин-хэ*, 泾河镇 [jīnghé zhèn] – название городка в провинции Цзянсу;

– *Май-ма-чэн*, точнее Май-май-чэн – название торгового поселения, находящегося с конца 20-х гг. XVII века в северном пограничье Китая. Ещё в конце XIX – начале XX в. во Внешней Монголии существовало не менее трёх таких поселений: около Кяхты, Урги и Ховда; китайское слово 买卖城 [mǎimàichéng] состоит из двух частей: 买卖 ‘купля-продажа; торговля; коммерция; торговать; покупать и продавать’ и 城 ‘город’ [王维国, с. 470, 83].

В книге В. А. Обручева «От Кяхты до Кульджи» зафиксированы также **комонимы**. В некоторых случаях в состав названия входит китайский термин 村 [cūn] ‘село, деревня’, которое автор переводит и ставит в препозицию:

– село Ча-дао, 岔道村 [chàdào cūn] – название села, расположенное у третьей ветви Великой китайской стены (Бадалин); словосочетание состоит из 2 частей: имени собственного 岔道 ‘Чадао’ и имени нарицательного 村 ‘деревня; село; сельский; деревенский’ [王维国, с. 115];

– село Нанькоу, 南口村 [nánkǒu cūn] – название села, расположенного в Пекине; топоним состоит из двух частей: имени собственного 南口 ‘Нанькоу’ и имени нарицательного 村 ‘деревня; село; сельский; деревенский’ [王维国, с. 115];

– село Сан-ши-ли-пу, 三十里铺村 [sānshílǐpù cūn] – название села в провинции Шэньси;

– село Ляо-дун, 辽东村 [liáodōngcūn] – название села в провинции Ганьсу;

– Цзи-мин-и, 鸡鸣驿 [jīmíngyì] – название села в уезде Хуайлай в провинции Хэбэй;

– город Чжао-дянь, 赵店 [zhàodiàn] – название села в провинции Хэнань в период династии Цин;

– Ю-лин-пу, 榆林堡 [yúlín pù] – название селенья, которое находится в Пекине;

– город Гуань-юань, 官园 [guānyuán] – название населённого пункта в провинции Хэнань во время правления династии Цин; в династиях Мин и Цин была административная единица 园 [yuán] по статусу ниже, чем 乡 [xiāng] ‘село’; став селом, поселение получает полное название 官园乡 [guānyuán xiāng]), в настоящее время оно стало городком и называется 官元镇 [guānyuán zhèn];

– Шань-хуа-юань, 上花园 [shànghuāyuán] – название селения в провинции Хэбэй. В.А. Обручев сообщает, что комоним обозначает ‘высокий цветник’, а объясняется «название тем, что императрица Сяо из древней

династии Ляо разводила здесь цветы» [Обручев, 1940, с. 57]. Как видим, в первый слог закралась ошибка: записано *Шань*, а правильно – *Шан*.

Учёный называет также различные объекты внутри городов: **урбанонимы, годонимы, экклезионимы**. Автор прибегает к калькированию китайских названий, полукалькам и транскрипции:

– *ворота Тянь-мын* 天门 [tiānmén] – в книге они изображены на картине; искажение названия знаменитых ворот в Пекине 天安门 [tiānānmén] произошло, видимо, из-за того, что в пекинском диалекте при произношении часто встречается явление проглатывания звуков и слогов;

– *ворота Цзянь-мын* – так названы в тексте ворота Цзяньмэнь в провинции Сычуань – 前门 [qiánmén];

– *Императорский город*, 皇城 [huángchéng] – полная калька китайского названия;

– *храм Бей-тан*, 北堂 [běitáng] ‘северный храм’ – название католического храма, расположенного в Императорском городе в Пекине;

– *Пи-юн-сы*, 碧云寺 [bìyún sì] – название храма, расположенного в Пекине.

– *Бао-цзан-сы*, 宝藏寺 [bǎozàng sì] – название храма, который находится в Пекине;

– *Во-фу-сы*, 卧佛寺 [wòfò sì] – название храма, находящегося на горе Сишань на северо-западе Пекина, где расположено множество буддийских построек и храмов;

– *Храм неба*, 天坛 [tiāntán] – название храма, который был построен в Пекине при династии Мин; китайское название состоит из двух элементов: 天 ‘небо; небесный’ и 坛 ‘насыпь; клумба’ [王维国, с. 680, 692], но у иероглифа 坛 в китайском языке имеется также значение ‘платформа, используемая для таких церемоний, как жертвоприношения и приведение к присяге в древние

времена' [现代词典, с. 1103], поэтому экклезионим в русском языке калькируется как 'храм неба';

– *Да-хуа-сы* – этим китаизмом, по нашему мнению, названа китайская кумирня 大佛寺 [dàfó sì], которая находится в уезде Шаньдань провинции Ганьсу, как об этом пишет В.А. Обручев;

– кумирня *Гуаньди* 关帝庙 [guāndìmiào] находится в провинции Шаньси; словосочетание состоит из двух частей: антропоним 关帝 'Гуаньди' и 庙 'храм; кумирня' [王维国, с. 490]; эта кумирня посвящена богу войны, богатства и покровителю чиновников Гуаньди, которого звали также *Гуань Юй*, *Гуань Юньчан*; он прославился тем, что отвращал демонов; предполагается, что у него был реальный прототип – военачальник Гуань Юй или Гуань Ё, живший во III веке закате правления Ханьской династии;

– *Да-мын-цзе*, 大门街 [dàménjiē] – название улицы в городе Тяньцзине;

– *Нань-лу*, 南路 [nánlù] – В. А. Обручев объясняет значение этого слова: 'южная дорога'.

Ряд названий мы отнесли к **историческим топонимам**:

– *Великая стена* и *Ван-ли-чан-чэн* – два названия грандиозного объекта, который официально называется по-русски *Великой китайской стеной*; по-китайски 万里长城 [wànlǐ chángchéng], топоним состоит из слов: 万里 '10000 ли', 长 'длинный' и 城 'город' [张建华, с. 69, 83], последний иероглиф 城 является упрощением словосочетания 城墙 [chéngqiáng] 'городская стена' [там же]; сокращенное название – 长城 [chángchéng];

– *Цзюй-юй-гуань*, в тексте сказано: «И здесь дорога проходит через пять ворот укрепления Цзюй-юй-гуань, стены которого примкнуты к отвесным скалам, так что обойти их невозможно» [Обручев, 1940, с. 47]; мы предполагаем, что это Цзюйюньгуань (居庸关 [jūyōngguān]) – одна из 8 известных застав на Великой китайской стене; изменения произношения

второго слога связано, вероятно, с особенностями пекинского диалекта, в котором происходит проглатывание и преобразование звуков;

– *Нань-коу*, 南口 [nánkǒu] ‘южный перевал’ – название одного из ущелий в южной части Цзюйюнгуаня;

– *Ку-гуань*, 固关 [gùguān] – название заставы Великой китайской стены в уезде Пиндин в провинции Шаньси;

– *укрепление Гао-бин-пу*, 高平堡 [gāopíngbǎo] – название укрепления, которое в Цинский период находилось в городке Нинся;

– *Бей-ян-коу*, 白杨口 [báiyángkǒu] – название перевала, который расположен в 20 километров от южного перевала (Нанькоу) Цзюйюнгуань.

– *перевал Сяо-коу*, 小口 [xiǎokǒu] и *перевал Да-коу* 大口 [dàkǒu] – название двух переправ на реке Шулэхэ, в них противопоставлены прилагательные 小 ‘маленький’ и 大 ‘большой’.

– *пикет Ин-хэ*, в Китае имеется река Ин-хэ 颍河 [yǐnghé], но она течет в провинции Хэнан; судя по описанию в книге В.А. Обручева, это название, вероятно, относится к пикету Цинхэ, 清河巡查队 [qīnghé xúncǎduì]. Китайское словосочетание состоит из 2 частей: нарицательного существительного 巡查队 ‘пикет’ и собственного имени 清河 ‘Цинхэ’ [王维国, с. 678].

В книге встречается небольшое число **антропонимов и обозначений династий**. К ним относятся:

– *императрица Сао*, 萧皇后 [xiāo huánghòu]. Словосочетание состоит из двух элементов: 萧 – фамилия Сяо и нарицательное слово 皇后 ‘императрица’ [王维国, с. 307]; здесь наблюдается некоторая неточность произношения имени: правильно должно быть Сяо;

– *император Юн-ло*, 永乐帝 [yǒnglè dì] – имя из девиза правления императора династии Мин Чжу Ди; вступив на престол он выбрал себе девиз

永乐 [yǒnglè] ‘вечная радость’, который стал его посмертным именем Юнлэ; китайское словосочетание состоит из 2 частей: имени собственного 永乐 ‘Юнлэ’ и имени нарицательного 帝 ‘император; императорский’ [王维国 с. 147], в русском тексте полукалька;

– *Конфуций* – историю этого имени мы подробно рассмотрели в предыдущем параграфе;

– *Ли-хун-чжан* – китайский политик, дипломат, полководец позднего периода династии Цин, по-китайски 李鸿章 [lǐ hóngzhāng].

В тексте встречаются названия некоторых китайских династий, все они полукальки:

– *династия Ляо*, 辽朝 [liáo cháo] – словосочетание состоит из 2 частей: имени собственного 辽 ‘Ляо’ и имени нарицательного 朝 ‘династия; императорский дом’ [王维国, с. 75];

– *династия Тан*, 唐朝 [táng cháo] – название аналогичной структуры;

– *Минская династия*, 明朝 [míng cháo] – в этом названии династии, происходящем от китайских слов 明 ‘Мин; Минский’ и 朝 ‘династия; императорский дом’ [王维国, с. 75], первое слово является прилагательным, образованным с помощью суффикса *-ск-* от китайского антропонима *Мин*.

К антропонимам примыкают обозначения в китайском языке иностранцев, о которых упоминает В. А. Обручев. Встречаются два подобных наименования:

– *ян-жен*, по-китайски 洋人 [yáng rén], состоит из 2 элементов: 洋 ‘иностранный; заграничный’ и 人 ‘человек; люди’ [王维国, с. 847, 594]; оно считается нейтральным словом;

– *ян-гуйцзе*, по-китайски 洋鬼子 [yáng guǐzi], состоит из двух слов: 洋 и 鬼子 ‘дьявол; черт’ [王维国, с. 267], это обозначение иностранцев, прежде всего европейцев, считается уничижительным.

В книге «От Кяхты до Кульджи» встретился один астроним *Му-син*, по-китайски 木星 [mùxīng], так называется в Китае Юпитер, в буквальном переводе – ‘деревянная звезда’ по одной из пяти стихий китайской космогонии: земля, дерево, металл, огонь и вода.

В. А. Обручев интересуется китайским языком, записывает китайские слова для обозначения типичных для страны реалий. В тексте представлены **макаронизмы**. Словосочетание *байховый чай* нами подробно рассмотрено в первой главе (см. параграф 1.2.4.). Его начали использовать в качестве напитка при династии Цин (1488-1505) в провинции Гуанси [林朝賜, 叶平楠, 2015, с. 6]. Обе части слова были заимствованы русским языком из китайского, но первая была преобразована в языке-реципиенте в прилагательное.

Китайские торговцы чаем в провинции Хубэй изобрели продукт длительного хранения и удобный для транспортировки [砖茶; 陶德臣, 2018, с. 70], который они называли 砖茶, это название состоит из двух элементов: 砖 ‘кирпич; кирпичный’ и 茶 ‘чайное дерево; чай’ [王维国, с. 1000, 54]. На русский язык первое слово было переведено, а второе заимствовано.

Слово *фанза* заимствовано от китайского 房子 [fángzi], которое обозначает небольшой дом на каркасе из деревянных столбов в Китае или Корее [КТС]. Это слово, по данным НКРЯ, впервые встречается в произведении Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» в 1870 г.

К макаронизмам относятся также следующие слова:

- *ли*, 里 [lǐ] – китайская дорожная мер, равная примерно 500 м;
- *гуамянь*, 瓜面 [guāmiàn], в книге В. А. Обручева объясняется: «вершимель из гороховой муки» [Обручев, 1940, с. 97];
- заимствование *хуан-ту*, 黄土 [huángtǔ] и калька *желтая земля*;

китайское слово состоит из двух частей: 黄 ‘желтый; желтеть’ и 土 ‘земля; почва; земляной; глинобитый’ [王维国, с. 307, 713];

– заимствование *хуан-фын*, 黄风 [huángfēng] и калька *желтый ветер*, китайское слово состоит из двух элементов: 黄 ‘желтый; желтеть’ и 风 ‘ветер; ветряной’ [王维国, с. 307, 206];

– заимствование *хэй-фын*, 黑风 [hēifēng], которое состоит из двух элементов: 黑 ‘черный; темный; мрачный; мрак; темнота’ и 风 ‘ветер; ветряной’ [王维国, с. 267, 206], и калька *черный ветер*;

– заимствование *хуан-ян* и калька *желтая коза* – название антилоп в китайском языке 黄羊 [huángyáng] состоит из двух элементов: 黄 ‘желтый; желтеть’ и 羊 ‘баран; овца; коза; козел’ [王维国, с. 307, 846].

Для некоторых китаизмов, использованных в книге В. А. Обручева «От Кяхты до Кульджи», нам не удалось найти китайских соответствий: *Сян-цзы-ван*, *Иен-мин*, *Фу-мин*, *город Цзуан-дин*, *город Та-па-чен*, *городок У-ни-хо-чен*, *село Си-сянь*, *село Хой-хой-пу*, *Сяо-чао* (католическая бельгийская миссия), *миссия Сю-дья-чуань*, *Цзин-ву-шань*, *Ши-чо-цзе-шань*, хребет *Я-лин-шань*, река *Да-бей-хэ / Да-бэй-хэ*, река *Ша-мын-хэ*, река *Цзин-фо-хэ*, река *Ма-шуй-хэ*, речка *Хой-хой-су*, река *Ша-чжи-хэ*, оазис *Сы-дун*, колодец *Мын-шуй*, станция *Цзи-ге-цзинзе*, станция *Хой-тье-цзе*, станция *Ту-тье-цзе*, море *Хан-хай*. Данные единицы нуждаются в дополнительном исследовании.

Итак, мы видим, что человек, путешествующий с научными целями по Китаю, неизбежно сталкивается с китайскими словами: топонимами, антропонимами, экзотизмами, варваризмами. Он их записывает, иногда старается перевести полностью или наполовину. В конце XIX – начале XX вв. уже были выработаны правила передачи китайских слогоморфем средствами русского алфавита, однако ещё не было устойчивых правил слитной или отдельной записи слов, прежде всего имён собственных. В книге В. А.

Обручева «От Кяхты до Кульджи» практически все топонимы и антропонимы записаны через дефис, позже они стали писаться в русском языке слитно.

2.6. Китаизмы в переводном тексте китайской сказки «Мохнатая лисица»

Пу Сунлин (1640-1715) – выдающийся китайский литератор времени династии Цин. Он родился в бедной помещичьей семье в Цзычуане (ныне Цзыбо) провинции Шаньдун [徐波, 李惠文, 雷家恒, 1980, с. 104]. У него был литературный талант: Пу Сунлин писал художественные тексты на протяжении всей своей жизни. Он увлекался разными популярными в то время стилями литературы, писал оды, стихи, романы, написал даже популярную оперу. Пу Сунлин издавал также популярные книги, самая известная из них – «Ляочжай Чжи» («Рассказ о чудесах из кабинета Ляо») [袁世硕, 1993, с. 1-2]. По легенде, писатель открыл чайный домик перед своим домом, чтобы собирать материалы для творчества. Люди, которые приходили пить чай, могли заплатить за чай не деньгами, а интересным рассказом. Таким способом Пу Сунлин собрал большое количество причудливых историй, а после их обработки создал книгу «Ляочжай Чжи» [汪思源, 2018, с. 328].

С конца XIX века до Первой мировой войны сотни тысяч китайских рабочих находились в крупных городах России и Дальнего Востока, работая на железных дорогах. После победы Октябрьской революции китайские революционеры обратились к её изучению, чтобы последовать за Россией революционным путем [Нин, Сюй, 2015, с. 155-156].

Лю Шаочжоу (1892-1970), его другое (взрослое) имя – Лю Цзэжун, родился в уезде Гаояо провинции Гуандун. В 1896 году его семья переехала

на Кавказ. Его отец Лю Цзюнь-чжоу (1870-1939), которого в России звали Лау Джон Джау (так на кантонском диалекте звучали его фамилия и имя), был чаеводом, он основал чайные плантации около Батуми. Его здесь называли Иваном Ивановичем. В 1908 году за долговременную службу на благо империи Лау Джон Джау был награждён орденом Станислава третьей степени, это был первый китайский подданный, получивший российский орден. Сохранилась фотография китайского чаевода, которую сделал знаменитый русский фотохудожник Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863-1944). В 1911 году с разрешения властей китайский чаевод приобрёл земли около Батуми, создал там собственную чайную плантацию и стал выпускать чай под собственным названием «Лау Джон Джау».

После революции наступила разруха, но китайская семья осталась на Кавказе. В 1921 году, когда в Аджарии была установлена советская власть, Лау Джон Джау был принят на работу в Наркомзем Аджарской АССР, он принимал активное участие в восстановлении выращивания и производства чая на Кавказе. В 1924 году за трудовые заслуги в чайной отрасли советская власть наградила его орденом Трудового Красного Знамени. Так к царской награде добавилась советская. Но в это время советская власть требовала увеличения объёмов чая, что можно было сделать с использованием механизации труда на чайных плантациях, а Лау Джон Джау работал по старинке, предпочитал ручной труд и традиционные инструменты. Его стали обвинять в ретроградстве и препятствовании прогрессу. В 1926 году Лау Джон Джау отказался от предложенного ему советского гражданства и вернулся в Китай, где поселился с семьёй в Харбине [<https://teatips.ru/index.php?act=2&id=1254&dep=39>]. Его дети закончили Батумскую гимназию, прекрасно говорили по-русски, в Китае они преподавали русский язык в разных университетах.

Лю Шаочжоу в 1914 году окончил физико-математический факультет Петербургского университета, после чего преподавал математику в реальном училище. Он женился на русской девушке. В апреле 1917 года он связался с группой патриотически настроенных китайских студентов, в которую входили Лю Вэнь, Чжан Юнкуэй, Чжу Шаоян, Инь Дэшань, И Личунь и его сестра Лю Цзюань, и основал в Петербурге Центральный комитет Союза китайских рабочих в России, первоначально называемый Союзом китайских граждан в России, был также избран его председателем. Им была проделана большая работа по решению трудностей в жизни китайских рабочих в России и отправке их обратно в Китай. В течение срока его службы, с марта 1919 года по август 1920 года, он был приглашен на первый и второй конгрессы Коминтерна и был трижды принят В. И. Лениным. Он вернулся на Родину со своей семьей 18 ноября 1920 года и поселился в Харбине [Лау Сиуджау, 1985; 宁艳红, 2017, с. 68; 张福山, 1997, с. 63]. В Китае вышел под его редакцией «Большой русско-китайский словарь».

В России 9 (21) декабря 1899 года вышел в свет первый номер журнала «Огонёк». Первоначально он был еженедельным иллюстрированным литературно-художественным приложением к выходящей с 1880 года газете «Биржевые ведомости», которую купил с аукциона за 13 рублей 50 копеек австрийский подданный Станислав Максимилианович Проппер (1853/1855-1931). С 1902 года «Огонек» стал самостоятельным, самым дешёвым и очень популярным в России журналом, издаваемым тиражом в 120 тысяч экземпляров. С 1908 года он выходил на 20 страницах. В журнале публиковались практически все известные русские писатели, поэты А. Аверченко, К. Бальмонт, В. Брюсов, С. Городецкий, А. С. Грин, С. Гусев-Оренбургский, Г. Иванов, Р. Ивнев, М. Кузмин, А. И. Куприн, А. Ремизов, Ф. Сологуб, Тэффи, Т. Щепкина-Куперник, И. Ясинский и мн. др.

Журнал был богато иллюстрирован картинами известных художников и фотографиями. Публиковали в журнале и переводы зарубежных авторов и фольклорные тексты.

6(19) марта 1916 года в 10-м номере «Огонька» был опубликован рассказ Лю Шаочжоу «Мохнатая лисичка». Имя автора было дано в записи с кантонского диалекта: *Лау Сиу-Джау*. В подзаголовке стояло: из китайских сказок о Лисе-чародейке [Лау Сиу-Джау, 1916]. Это был перевод сказки из книги «Ляочжай Чжии» Пу Сунлина. По-китайски сказка называется «毛狐» [máohú] – ‘Мохнатая (волосатая) лиса’. В ней повествуется об истории крестьянина Ма Тяньжуна и лисы-волшебницы [Вэн, 2022, с. 227].

В переводе сказки герой назван Тянь-Юн. В оригинале его имя записано 天榮 [tiānróng]. В кантонском диалекте второй иероглиф произносится как [yung], поэтому в сказке он стал не Тяньжуном, а Тянь-Юном. В то время ещё не было строго выработанной системы записи китайских диалектных форм по-русски (см. Подробнее 3.2.).

Имя героя сказки записано через дефис. Такое написание было принято для передачи китайских имён собственных до 1979 года, когда вслед за стандартизацией написания китайских онимов в китайском фонетическом алфавите в изданиях на русском языке также стали писать двусложные имена не через дефис, а слитно [Шатравка, 2010, с. 110].

В книге «Ляочжай Чжии» имеется большое количество сказок, связанных с лисой-оборотнем. Изначально в китайской культуре лиса была тотемом, к ней относились положительно. Однако позже она стала считаться оборотнем, что внесло изменения в эстетическую и этическую оценку персонажа [李建国, 2002]. В период династий Цинь и Хань лиса считалась одной из четырёх благоприятных сил наряду с легендарными драконом, фениксом и копытным химерическим существом цилинем [Вэн, 2022, с. 228].

Китайский легендарный правитель, Юй Великий (大禹), основатель династии Ся (2070-1765 до н. э.), при мысли о женитьбе видит девятихвостую лису белого цвета (乃有白狐九尾造於禹), что считает хорошим знаком, и вскоре женится на женщине из рода Тушань (涂山氏). Она помогала Юю Великому справиться с потопом.

Позже положительный образ лисы снизился, она постепенно стала синонимом проблем в жизни, воспринималась похотливым зверем. Особенно в период династии Тан (618-907), когда наблюдалось пересечение конфуцианства, даосизма и буддизма, произошли существенные изменения в мышлении народа. Отношение людей к лисам меняется. Они рассматриваются как оборотни и обольстительницы. Образ лисы становится отрицательным, она символизирует обман и неприятности [孙煜莹, 2016, с. 1-2]. Во время династий Мин и Цин лиса-оборотень снова обретает положительные черты, что и отражено в сказках Пу Сунлина, она красива, мудра, способна к благодеяниям, становится хорошим другом человеку [张海明, 2020, с. 76-77].

Персонаж в китайской сказке называется 狐仙 [húxiān], это наименование состоит из двух элементов: 狐 ‘лиса; лисица; лисий’ и 仙 ‘святой; небожитель’, а также ‘богиня; фея’ [王维国, с. 295, 773; 吴克礼, с. 701]. В китайских исторических документах существует много повествований о лисах. В произведении «Сюань Чжунцзи» («玄中记» [xuánzhōngjì]) китайский писатель Гуо Пу (郭璞, 276-342) отмечает, что, когда лисе исполняется пятьдесят лет, она может превратиться в женщину-красавицу, а в сто лет – в ведьму. Лиса может связаться с небом [郭璞, 1930]. Поэтому Лю Шаочжоу в переводе сказки на русский язык подбирает различные словосочетания для персонажа: *лиса-оборотень, лиса-чародейка, лиса-волшебница.*

Эту сказку читали русские люди, которые воспринимали её через призму образа лисы в русских сказках. Лиса – самый неоднозначный персонаж в сюжетах русского фольклора, который воплощает в себе противоположные черты. Лиса в русской традиции, в отличие от персонажа лисы в китайской культуре, не имеет волшебных свойств, но она всегда представляет собой дидактический образ и демонстрирует набор определённых черт характера: хитрая, умная, изворотливая [Александрова, 2011, с. 231]. Она получает либо положительную характеристику, когда использует хитрость только для того, чтобы нормально жить в мире, являясь не хитрой, а мудрой, либо отрицательную оценку сказителя.

В различных сказках этот персонаж получает имена *Лисица* – *масляная губица* («Мужик, лиса и медведь»), *Лисафья* («Лисафья-кума»), *кума-лиса* («Сказка о хитрой куме-лисе»), *лисичка-кумушка* («Лисичка-кумушка»), *лисичка-сестричка* («Лисичка-сестричка и волк», «Теремок») [Данилова, 2020, с. 22-23]. Для её именованья используется уважительная антропонимическая модель «имя + отчество»: *Лизавета Патрикеевна* / *Патрикиевна*, *Лизавета Ивановна* [Петрова, 2001, с. 11-12]. Первое отчество образовано от имени литовского князя Патрикея, который был известен своей хитростью и пронырливостью [БТФС]. У фразеологизмов *Лиса Патрикеевна* и *старая лиса* в русском языке появилось значение ‘хитрый, ловкий, пронырливый человек; лукавый льстец’ [Каримова, 2005, с. 171]. Сравнение *хитрый как лиса* закрепилось в русском языке. Однако в русской культуре хитрость ассоциируется с находчивостью, смекалкой, поэтому хитрость лисы нельзя считать отрицательным качеством [Булгакова, 2016, с. 162].

Основное различие образа лисы в китайской и русской культурах заключается в том, что у китайцев это животное ассоциируется с обладанием

волшебными свойствами. В русской культуре его оценка определяется самим характером животного, его реальным поведением.

Таким образом, в начале XX века русская читающая публика в журнале «Огонёк» познакомилась с китайской сказкой «Мохнатая лисичка», которую перевёл выпускник Петербургского университета Лю Шаочжоу из книги китайского писателя Пу Сунлина «Ляочжай Чжи». Понятная китайцам эротико-мистическая история была несколько загадочной для русских, но в целом читатели «Огонька» с интересом познакомились с образцом восточной культуры. В этом переводе встречаются два китаизма: антропоним *Тянь-Юн* и калькированные словосочетания *лиса-чародейка*, *лиса-оборотень*, *лиса-волшебница* [Вэн, 2022, с. 230].

Выводы по главе II

Начиная с XVII в. отношения между Китаем и Россией становятся всё более интенсивными, русские дипломаты, путешественники и исследователи знакомятся с жизнью китайского народа, описывают его быт, традиции, особенности культурной жизни, включают в тексты китаизмы различного типа и структуры. В России публикуются переводные тексты европейских ученых и путешественников, в которых китаизмы представлены в освоенном одним из европейских языков виде, при этом основным местом пребывания европейцев был Южный Китай, поэтому заимствованные лексемы восходят к кантонскому (гуандунскому) наречию китайского языка.

Отсутствие в начальный период русско-китайских контактов правил транскрипции китайских иероглифов средствами азбуки (как и латиницы) приводит к существенному искажению терминов и онимов в текстах о Китае. Так, название династии Мин (大明) [dà míng] ‘Великая Мин’ в XVII в. приведено как *Табун*, в XVIII в. – *таибын*. В XIX в. под влиянием

европейских языков это династическое имя представлено в форме *Минг*, однако всё регулярнее встречается обозначение по правилам палладицы *Мин* и калька *Минская династия* < 明朝 [míng cháo].

Следует учитывать, что с XVIII века в китайском языке произошли изменения в произношении слов, запись китаизма в анализируемых книгах и статьях может отражать прежнее звучание лексем. В китайском языке существуют значительные отличия между диалектами, поэтому в источники включаются единицы с диалектным произношением. Из-за особенностей китайской истории и межнациональных отношений в стране некоторые лексеммы китайского языка имеют маньчжурское и монгольское происхождение, однако они рассматриваются нами как китаизмы, поскольку эти слова прочно вошли в состав китайской лексики, активно используются в языке и речи для описания явлений и фактов жизни Китая.

В конце XIX – начале XX вв. были выработаны правила передачи китайских слогоморфем средствами русского алфавита. Основа азбучной транскрипции была заложена архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1839 г., доработана архимандритом Палладием (Кафаровым) и опубликована Павлом Поповым в 1888 г. в «Полном китайско-русском словаре». После реформы русской орфографии 1917-1918 гг. были проведены некоторые уточнения палладицы в трудах Е. Д. Поливанова и других учёных-китаистов СССР.

До 1980-х гг. в русском языке было принято писать двухсложные китайские имена через дефис (Мао Цзе-дун), в начале 1980-х гг. правительство КНР обратилось в ООН с просьбой придерживаться в орфографии имён китайцев норм путунхуа и пиньиня, по которым личные имена пишутся слитно (Мао Цзедун), с этого времени в русских текстах принято только слитное написание имени китайцев, хотя иногда при

цитирование исторических документов и книг, изданных до 1980 г., можно встретить форму имени с дефисным написанием. В нашей работе при цитировании фрагментов из книги В. А. Обручева «От Кяхты до Кульджи» и из переводной китайской сказки, опубликованной в русском журнале в начале XX в., сохраняется дефисное написание источника.

Имеется ещё одна проблема использования китайских антропонимов в русском и другом тексте с алфавитной записью слов. В китайской лингвокультуре личное имя никогда не ставится перед фамилией, что делает английскую терминологию *first name* и *last name* неточной. Непонимание китайской антропонимической формулы приводит к неправильному оформлению библиографического описания статей и книг. Так, одна из наших статей в содержании журнала и в РИНЦ записана с таким оформлением: *Цзятун В.*; наша коллега профессор Чанчуньского университета Ван Цзиньлин в одной публикации отмечена как *Цзиньлин В.*

Для понимания особенностей семантики китаизмов при их включении в текст на русском языке, функционирования антропонимов, топонимов и других ономастических единиц в русском тексте в работе рассматриваются китайские этнонимы, топонимы, антропонимы и названия титулов, названия династий и девизы правления, храмовые имена представителей Минской и Цинской династий, макаронизмы, кальки названий должностей в императорском дворе и полукальки, с помощью которых поясняются названия китайских провинций, уездов, городов, рек, гор и пр., имена исторических лиц и политических деятелей Китая, исторические события и культурная жизнь этой страны.

Глава III. Номинации современных китайских реалий в русском языке

Китайская цивилизация насчитывает несколько тысячелетий. За время её существования существенно менялись социальные институты, особенности культурной жизни, национальные традиции, обычаи, обряды. При описании жизни китайского народа средствами русского языка возникают проблемы перевода и транскрипции, связанные как с разноструктурностью языков, так и с отличием социальных институтов и культурных установок двух народов. История становления русско-китайских связей и её отражение языковыми единицами в русском тексте описана нами в двух предыдущих главах. В настоящей главе мы рассмотрим номинации современных китайских реалий при описании жизни Китая и его народа. Учитывая постоянно расширяющееся русско-китайское экономическое, научное, образовательное, культурное сотрудничество, рост числа китайцев, посещающих Россию, и русских, выезжающих в КНР, мы можем предположить увеличение количества подобных номинаций, что ставит перед лингвистами задачи их описания и нормализации.

3.1. Становление китайского литературного языка и его диалектное разнообразие

Как и многие языки мира, в древности язык жителей Китая находился в диалектной раздробленности. Между отдельными частями территории, на которых жили племена древних китайцев, располагались труднопреодолимые горные массивы, бурные реки, отсутствовал удобный транспорт для переездов на дальние расстояния, что не позволяло осуществлять коммуникацию между людьми, в результате чего разные диалекты отдалялись друг от друга, становились малопонятными соседним этноколлективам. Чужая речь казалась лишённой смысла, иноплеменников называли варварами, безмолвными: «礼记·王制», “五方之民，言语不通”. Сходное восприятие

иноязычной речи наблюдалось у многих народов: славяне называли иностранцев (прежде всего германцев) немymi, *немцами* [ФЭС/3, с. 62], греки именовали соседей бормочущими непонятно, варварами, βάρβαροι [Hofmann, 1950, S. 37], арабы называли жителей Северной Африки, говорящих на берберо-ливийских языках, похожим словом *بربري* [berber], которое иногда считают заимствованным у греков, но оно могло появиться как звукоподражание и у самих арабов [Сергеев, 2003].

В период Чуныцю (春秋 [chūnqiū], «Вёсны и осени», 722-479 г. до н. э.) и Воюющих царств (战国时代 [Zhànguó Shídài], Чжаньго, V в. – 221 г. до н. э.) постепенно начал формироваться общекитайский национальный язык (雅言 [yǎyán] ‘изящные слова’), который получил распространение в письменных документах доциньского периода [Конфуциева летопись..., 1999; Комиссаров, 2010]. После того, как правитель царства Цинь Цинь Шихуан (259-210 г. до н. э.) положил конец двухсотлетней эпохе Воюющих царств и объединил Китай, китайская письменность также начала по приказу правителя обретать общие черты, что оказало содействие развитию общего национального языка [陈祁薇茜 и др., 2009, с. 2].

Единый национальный язык всегда образуется на основе одного из диалектов, который проявляет себя наиболее способным ответить на политические, экономические и культурные запросы социума. Таким в Китае язык, сложившийся в период империи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Тогда же возник этноним *хань* как обозначение единого китайского народа. Своё имя династия получила по реке Ханьшуй (汉水), притоку Янцзы, который был важной транспортной артерией, соединявшей северо-западный Китай (Шэньси) с долиной Янцзы. Иероглиф 汉, как и многие китайские иероглифы, многозначен. Первое его значение ‘человек, мужчина’, что соответствует этнонимической модели образования самоназвания народов (ср. ненцы <

ненэй ненэч ‘настоящий человек’ [Хомич, 1976], *луораветланы* (самоназвание чукчей) ‘настоящие люди’ [Вдовин, 1965], Deutsche < др.-верх.-нем. *diutisc* < *diot* ‘народ’ [Krischke, 2009] и др.). Однако в классической китайской литературе он обозначал также *Млечный Путь*, поскольку ханьцы называли свою страну Небесной рекой или Поднебесной. Во времена правления династий Цинь и Хань племена, населявшие Китай, стали считать себя частью единого народа. Объединяющий фактором стал *ханьюй* ‘язык ханьцев’, литературный китайский язык.

Чаще всего в качестве литературного языка становится койнэ столичного города. Во время правления династии Юань столицей страны стал Ханбалык, который китайцы называли Даду (大都 [Dàdū] ‘великая столица’), здесь сложился пекинский диалект (койнэ), который объективно распространил своё влияние на другие территории [Yan, 2006]. В 1368 г. Чжу Юаньчжан переименовал город в *Бейпин* (北平 [Běipíng] ‘Умиротворённый Север’), а в начале XV в. третий император династии Мин Юйлэ назвал город *Бейцзин* (北京 [Běijīng] ‘Северная столица’), здесь сложился *гуаньхуа*, называемый в западной ориенталистике «мандаринское наречие» (官话 [guānhuà] ‘чиновничья / мандаринская речь’). Этот вариант китайского языка не совпадал полностью с речью жителей Пекина. Он изучался в пекинских школах, в которых обучались в основном дети высших сановников государства и из семей «войска восьми знамен» (ба ци). Им преподавали опытные учителя, хорошо знавшие правила фонетики и интонации, грамматики и словообразования китайского языка, его стилистики. Хотя в целом речь выпускников этих школ соответствовала пекинскому диалекту, однако по её чистоте и характерным особенностям произношения и словоупотребления легко можно было отличить образованного человека от того, кто в школе не учился.

В середине XIX века был предложен термин *гоюй* (国语 [guóyǔ] ‘государственный язык’), который приобрёл официальный статус в 1911 г., а ныне используется в южной провинции Гуандун, в Гонконге, Макао и на Тайване [Завьялова, 2008, с. 696-698].

После создания КНР была продолжена разработка стандартизации современного китайского языка. Термин *гоюй* был отменён, поскольку в нём видели навязывание государством правил использования языка. Ещё в 1930-е гг. один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая Цюй Цюбо (1899-1935) и выдающийся китайский писатель, основоположник современной китайской литературы Лу Синь (1881-1936) предложили термин *путунхуа* (普通话 ‘общепонятный, распространённый, обычный язык’). В 1955 г. термин стал официальным. 6-ого февраля 1956 г. Госсовет КНР опубликовал «Инструкцию по продвижению путунхуа» [高乃尧, 宋睿, 白彩香, 2017, с. 4]. Стратегия правительства КНР в области национального языка была изложена в речи премьер-министра Государственного административного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньляя (1898-1976) на собрании лингвистов и деятелей просвещения 10 января 1958 г. Распространение путунхуа в КНР стало долгосрочной языковой политикой государства [李行健, 1985, с. 11].

Путунхуа как общий для всех ханьцев язык был сформирован после стандартизированной его обработки на основе северных диалектов Китая [李行健, 1985, с. 10; 陈祁薇茜 и др., 2009, с.2-3; Wang, 2016]. Пункт 5 статьи 19 «Образование» Конституции КНР, принятой на V сессии Всекитайского собрания народных представителей V созыва 4 декабря 1982 г., гласит: «Государство обеспечивает распространение по всей стране путунхуа». В настоящее время осуществляется повсеместное употребление путунхуа на радио и телевидении. Однако иероглифическая система китайского письма

позволяет носителям языка в разных концах страны произносить обозначенные иероглифами слова по-разному, поэтому распространение путунхуа происходит довольно медленно. Исследователи отмечают, что только 18 % говорят на нём дома, 42 % используют путунхуа на учёбе и на работе [Завьялова, 2012, с. 130-138].

Современный китайский язык включает в себя и путунхуа, и диалекты. Они взаимодействуют, влияют друг на друга на всех языковых ярусах. Китайские диалекты обычно распределяются на семь групп:

1. *Северный диалект*, на базе которого сформирован путунхуа. Он делится на следующие подгруппы: а) северо-восточный диалект, включающий пекинский, тяньцзиньский, хэнаньский, хэбэйский диалекты и диалект части Внутренней Монголии; б) северо-западный диалект, в который входят шаньсийский, шэньсийский, ганьсуйский, цинхайский, нинсяйский диалекты и диалект части Внутренней Монголии; в) юго-западный диалект в составе сычуаньского, чунцинского, юньнаньского, гуйчжоуского диалектов и диалекта части провинции Хубэй; г) диалекты Цзянхуай (территории поймы и устья реки Янцзы): аньхойский диалект и диалекты в северной части Чанцзяна, западной части Чжэньцзяна и восточной части Цзюцзяна в провинции Цзянсу.

2. *Диалекты группы У* распространены в Шанхае, южной части Чанцзяна и восточной части Чжэньцзяна, в провинции Цзянсу.

3. *Диалекты группы Сян* занимают большую часть провинции Хунань.

4. *Диалекты группы Гань* находятся на большей части территории провинции Цзянси.

5. *Диалекты группы Хакка* рассеяны, говорящие на них проживают в провинциях Гуандун, Цзянси, Хунань, Сычуань, на острове Тайвань, в Гуанси-Чжуанском автономном районе.

6. *Диалекты группы Минь*: южнофуцзяньский и северофуцзяньский (闽南语、闽北语); иногда выделяются еще и восточнофуцзяньский 闽东语).

7. *Диалекты группы Юэ* находятся в центральной и юго-западной части провинции Гуандун, на них говорят жители порядка 100 уездов на юге и востоке автономного района Гуанси, а также в Гонконге и Макао; официальным статус имеет кантонский / гуанчжоуский (广州) диалект (*Cantonese*) [陈祁薇茜 и др., 2009, с. 3-4].

В текстах на русском языке о Китае и китайцах могут быть представлены нарицательные лексические единицы и онимы, встречающиеся в диалектной речи. В предыдущей главе мы анализировали подобные случаи.

3.2. Система транскрипции китайского языка латиницей и кириллицей:

пиньинь и палладица

По мере знакомства европейцев с китайской письменностью, а китайцев с европейскими графическими системами у исследователей появляется стремление записать китайскую речь средствами алфавита. Ещё ранее возникла необходимость транскрипции буддийских терминов на китайский язык, для чего индийские и китайские грамматисты выработали систему *фаньцзе* (反切 [fǎnqiè]) – запись произношения односложного иероглифа с помощью двух других: в первом – инициаль (начальный согласный), а во втором – финаль (последние звуки). Её изобретателем считается Сунь-Янь (Шу-Жань, Сунь-Шуянь), который во II в. применил этот подход к записи буддийских терминов, в дальнейшем эта система стала использоваться в китайской лексикографии вплоть до начала XX в. уже для обозначения произношения китайских слов.

11 июля 1913 г. под руководством тогдашнего министра просвещения Китая Цай Юаньпэя (1868-1940) был разработан алфавит *чжуинь-цзыму*

«алфавит для указания правильного произношения». Из-за отставки инициатора создания алфавита он только 23 ноября 1918 г., когда Цай Юаньпэяй работал ректором Пекинского университета, был опубликован и получил название *гоиньфухао*. В апреле 1930 г. *чжуинь цзыму* был переименован в *чжуинь фухао*. Его также именуют *бопомофо* по названию четырех первых знаков. Он состоит из 37 специальных символов: 21 – для начальных согласных китайских слогов, 13 – для дифтонгов и финалей (гласных или комбинаций «гласная + n/ng»), 3 – для медиалей: кроме того, были предусмотрены ещё три знака для диалектов. Знаки являются элементами иероглифов [DeFrancis, 1984].

У китайских мусульман (дунган-хуэйцзу и др.) в XIV в. появилась транскрипционная система записи китайского языка арабскими буквами – *сяоцзин* (小经). Старейшая надпись в одной из мечетей датируется 740 годом хиджры (1339/1340 г. н. э.). В настоящее время сяоцзин используется редко.

Итальянский миссионер-иезуит Маттео Риччи (1552-1610), которого в Китае звали *Ли Ма-доу* (利瑪竇), провёл последние тридцать лет своей жизни в Китае, он и скончался в Пекине. В 1583-1588 гг. он вместе с Микеле Руджери составил португальско-китайский словарь, для которого была разработана система латинской транскрипции китайских слов. Рукопись была обнаружена в 1934 г., в 2001 г. словарь был опубликован в Португалии. Сохранилась также статья, написанная Маттео Риччи в 1604 г., в которой он указывает способы романизации китайских иероглифов. К сожалению, не сохранился китайско-португальский словарь, созданный в 1598 г., в нём иезуит Лаццаро Каттанео, обладающий прекрасным музыкальным слухом, помог Риччи при помощи диакритических знаков обозначить в китайских слогах тоны [周有光, 2007, с. 38-39, 43; Fontana, 2005].

В период династии Цин возникла так называемая почтовая романизация китайского языка. Она была составлена на основе книги «Курс разговорного китайского языка» (语言自述集) Томаса Фрэнсиса Уэйда (1818-1895), британского дипломата, китаевода, составителя сборника текстов для изучения китайского языка, изданного в Лондоне в 1867 г. [于海阔, 2016]. В Китае его называли Вей Туома (威妥瑪). В 1892 г. Герберт Джайлз (1845-1935) усовершенствовал систему Уэйда, с тех пор она называлась системой латинизации (романизации) китайского языка Уэйда-Джайлса [Minford, Tong, 1999]. В то время китайская почтово-телеграфная связь была под управлением англичан, поэтому требовалась запись адресов латинскими буквами. Почтовая транскрипция становится принятой системой записи китайских топонимов в начале XX в. [于海阔, 2016, с. 10; 周有光, 2007, с. 206-207, Harris, 2009]. В некоторых традиционных топонимах и антропонимах она по-прежнему представлена в западных языках [杨晓东, 2009, с. 95].

Вскоре к разработке удобной и учитывающей специфику китайского языка системы записей слов с помощью латиницы приступили китайские лингвисты. Чжао Юаньжень (1892-1982), ставший родоначальником современного китайского языкознания, подготовил проект *гоуй ломацзы* (国语罗马字 [guóyǔ luómǎzì] ‘романизация национального языка’) – систему транскрипции, в которой китайские тоны отмечаются с помощью включения в слог дополнительных букв (guo, gwo, guoo, guoh). В 1925-1926 гг. эту систему доработали Линь Юйтан (1895-1976) и другие китайские лингвисты. В 1928 г. *гоуй ломацзы* стала использоваться в словарях, предполагалось даже, что китайский литературный язык полностью перейдёт на это письмо, но отмеченная нами выше диалектная раздробленность языка, недостаточное распространение путунхуа затрудняла восприятие написанных по правилам

пекинского диалекта слов, поэтому эта система не получила поддержки в китайском обществе [Chao, 1968]. Следует отметить, что разработанная позже система пиньинь представляет собой графические знаки для отражения произношения китайских слов, а не официальную письменность, не является системой китайского письма, как это предполагалось сделать с введением гоюй ломацзы [周有光, 2007, с. 33-34]. В 1950-х годах группой китайских лингвистов была разработана новая система записи китайских слов латинскими буквами, которая была введена в КНР в 1958 году, а в 1986 году принята Организацией Объединённых Наций. Её назвали *пиньинь* (拼音) ‘произносимые звуки’ [尹斌庸, Felley, 1990].

Как отмечалось в первой главе, передача китайских названий и нарицательных слов-экзотизмов в русском языке имеет давнюю историю нормализации. Первоначально они записывались со слуха, в каждом тексте часто появлялись слова со значительным искажением записи звучания исходной единицы, так что бывает нелегко определить, о каком топониме, каком лице и каком предмете идёт речь.

Ещё в 1730 в Санкт-Петербурге была опубликована на латыни так называемая «Хинейская грамматика» одного из первых академиков Петербургской академии немца Готлиба Зигфрида Байера (1694-1738). Хотя европейские иезуиты-синологи и написали автору, что его труд является «образцом столь выдающегося ума, что сами китайские музы могут прийти в удивление», однако они же писали ему «о невозможности изучать китайский синтаксис и китайские книги только по словарям, без живого произношения» [Дацышен, 2017], намекая на несовершенство исследования. 26 томов рукописи Г. З. Байера «*Lexicon Sinicum*» остались неопубликованными. Однако и опубликованный труд академика не оказал большого влияния на развитие синологии в России и выработку принципов транскрипции

китаизмов по-русски, ибо он не выучил русского языка, не овладел разговорным китайским.

Первая система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1838-1939 гг. В 1838 г. он издал «Ханьвэнь цимэн – Китайскую грамматику» (《汉文启蒙》, «Основы письменного китайского языка»), работа над которой была начала ещё в 1828 г. [Бичурин, 1908]. Учебник был издан по поручению Азиатского департамента Министерства иностранных дел для преподавания китайского языка в Кяхтинском училище – первом в России учебном заведении, где обучали китайскому языку [Григорьев, 2019, с. 141; Кирюхина, 2020, с. 76]. Было выпущено 360 экземпляров книги. При её составлении о. Иакинф пользовался китайскими филологическими трудами, а также учебниками китайского языка и грамматиками католических и протестантских миссионеров. Ещё в начале XX века ею пользовались студенты отделений китайского языка.

В марте 1839 года в «Журнале Министерства народного просвещения» о. Иакинф (Бичурин) опубликовал статью «О произношении букв, входящих в состав китайских звуков» как прибавление к его китайской грамматике [Бичурин, 1839]. Это была первая попытка разработки правил транскрипции китайских слов по-русски. Автор отмечает: «Из букв, входящих в состав китайских звуков, нет ни одной, которой бы не было в русском языке» (с. 9). Он вводит термины мягкое *a*, мутное *a*, густые *k*, *n*, *t*, мягкие *k*, *n*, *d*, *t*, густое *ц*, подходящее к *цз*, густое *ч*, подходящее к *чж*, оба слитно выговариваемые, мягкие *ц*, *ч*. О. Иакинф указывает, что буквы *m*, *n*, *s*, *f*, *x*, *ш* в произношении не имеют отличия от таковых же русских. Он делает замечание о диалектных фонетических отличиях: *ж* в Северном Китае в произношении не имеет отличия от русского *ж*, «в Южном же Китае

различно изменяется». Такое же наблюдение касается звука л, который «в Южном Китае столь густо втягивается в гортань, что невозможно отличить *ли* от *пи*, *лип* от *пип*». Не очень ясно с точки зрения артикуляции даётся характеристика *ю* и *я*: *ю* в звуках *юй* и *юе* выговаривается очень мягко, а в прочих звуках как русское *ю*; *я* после согласных произносится мягко, образуя *йе* слитно выговариваемые (с. 10-11). Несмотря на неточность фонологического описания китайских звуков, в целом система Н. Я. Бичурина заложила основы для записи китаизмов по-русски.

П. И. Кафаров существенно доработал систему транскрипции о. Иакинфа и внёс в неё принципиальные уточнения уточнил, поэтому в честь него она справедливо стала именоваться палладиеской системой, или палладицей [Концевич, 2002]. Но окончательно она была введена только в 1888 году Павлом Степановичем Поповым (1842-1913), который продолжил труд о. Палладия. В 1879 г. он издал «Русско-китайский словарь», а в 1888 г. – начатый архимандритом Палладием «Китайско-русский словарь», в котором воплотил разработанные предшественником правила записи китайских слов по-русски. За этот труд он получил звание члена-корреспондента Императорской академии наук [Хохлов, 2000].

Палладица ныне считается общепринятой и фактически единственной системой записи китайских имен собственных в русском языке, с помощью которой отражается стандартная произносительная норма – путунхуа [Коряков, 2012, с. 101]. Она используется в различных официальных и неофициальных сферах для записи названий территорий, городов, рек и т.п. и имён лиц, связанных как со всей территорией континентального Китая, так и Тайваня и китайской диаспоры. Данная система транскрипции опирается на стандартную произносительную норму – путунхуа, она тесно связана в настоящее время с пиньинь, отражая фонетическую систему

северокитайского диалекта, самого распространённого и признаваемого большинством китайцев в качестве литературного языка.

В нормативном китайском языке (путунхуа) существует ограниченное количество слогов (всего их 414). Каждый слог состоит из двух частей: инициали – начального согласного и финали – остальной часть слога. В китайском языке всего 21 инициаль и 35 финалей [Шеньшина, 2007, с. 17]. В целом соблюдаются правила, о которых сообщал о. Иакинф: звуки м, н, ф, с, ш, х произносятся в русском и китайском языках одинаково. Взрывные звуки бывают простыми (китайцы в этом случае не различают звонкость и глухость, этот признак для них нерелевантен) и придыхательными. Простые аффрикаты записываются диграфами, а придыхательные – одной буквой. Сонорные согласные, сходные по способу образования с щелевыми согласными, но без (или почти без) образования шума, представлены звуком, который изображается русской буквой л, китайцы часто произносят этот звук на месте русского [р], а также звуком, транскрипция которого в пиньине и палладице отличается: г и ж соответственно.

Финаль имеет три варианта основного гласного (а, э и о), конечный согласный может быть нулевым, а также состоять из й, ь, н и нь, после э ещё встречается р как результат эризации – добавления к концу слога или слова суффикса 儿 [er] (при этом э пишется только в топонимах, в нарицательных словах опускается). Между основным гласным и конечным согласным стоит медиаль и (в виде и и й), у, ь (в палладице записывается как ю) и о. Комбинация инициалей, медиалей и финалей составляет структуру китайской слогоморфемы. Китайские тоны в палладице не отражаются, они могут встретиться в словарях и учебных материалах.

В последнее время из пиньиня в палладицу перешёл апостроф для того, чтобы показать, что в китайском слове два (реже три) слога, а не один

(*су'ань* и *суань*, *Го'юань* 'Государственный совет' – три слога и *гоу'юань* '1) собачий двор; 2) невзлюбить' – два слога), но в топонимах этот надстрочный знак не пишется. Слоги *men*, *meng*, *fen*, *feng*, *peng* записываются двойко: *мэн / мын*, *мэнь / мынь*, *фэн / фын*, *фэнь / фынь*, *пэн / пын*. В традиционных онимах и апеллятивах встречается *ы*, а в новых заимствованиях отдаётся предпочтение *э*: *Тяньаньмынь*, *фэншуй*. Встречаются также двойные записи: *Сяомэнь* (*Сяомынь*).

Слог *hui* произносится по-китайски со вставным звуком [hуэi], что не отражается в пиньине, но записывается в палладице: *хуэй*, позволяя при этом избежать неблагозвучия в русском языке. В топонимах традиционно данный слог записывается как *хой*: *Аньхой* и др. [Концевич, 2002; Мацаев, 1966; Инструкция, 1983].

В русском тексте существуют также примеры записи диалектных форм китайских слов и традиционно записанные топонимы и антропонимы, которые будут рассмотрены в следующем параграфе.

3.3. Транскрипционные синонимы: варианты записи китайских слов в палладице

За многие века существования русско-китайских связей в текстах о Китае, написанных по-русски, зафиксировано немало вариантов транскрипции китайских топонимов, антропонимов, экзотизмов и варваризмов, которые отражают особенности их произношения в литературном языке и диалектах китайского языка, традиционную романизацию (латинизацию) иероглифов и другие причины вариативности. Мы назвали эти случаи транскрипционными синонимами. Некоторые примеры традиционной записи китайских слов частично были рассмотрены нами в предыдущих главах, в данном параграфе остановимся подробнее на

истории и причинах появления транскрипционных синонимов китаизмов в русском языке.

Большинство китайских топонимов имеют прозрачную семантику, каждый иероглиф передаёт особое значение, из их сочетания складывается общий смысл географического названия. За 2,5 тысячелетия своего существования нынешняя китайская столица Пекин несколько раз меняла своё название. В период Воюющих царств (473-221 гг. до н. э.) здесь находилась столица царства Янь, называвшаяся Цзи (薊). В поэтических текстах до сих пор встречается наименование Пекина *Яньцзин* (Yānjīng ‘Столица государства Янь’). С 1920 г. в Пекине существовал Яньцзинский университет, один из ведущих вузов Китая, который в 1949 г. был присоединён к Пекинскому университету и университету Цинхуа. Во времена империи Ляо, занимавшей территорию на севере Китая, к 4 столицам (Средняя, Верхняя, Восточная, Западная) в 938 г. была добавлена Южная – *Наньцзин*. Империя Цзинь переименовала город в Чжунду (中都 ‘Центральная столица’). Хан Хубилай, основатель империи Юань, называл свою столицу *Ханбалык* – «Великая резиденция хана», а китайцы её именовали *Даду* (大都, [Dàdū] ‘Великая столица’). В 1421 г. при императоре династии Мин Юйлэ город получил современное название 北京 [Běijīng ‘Северная столица’]. С 1368 по 1405 г. и с 1928 до 1949 г. его называли *Бэйпин* (北平 [Beiping] ‘Северное спокойствие’), но после провозглашения Китайской Народной Республики ему было возвращено прежнее наименование.

Впервые этот астионим европейские миссионеры услышали в XVI в. В то время в северных китайских диалектах ещё не наблюдалось перехода звука [k] > [j], поэтому португальцы и французы записали название как *Requim* и *Rékin* соответственно. В английском и немецком языках появился

вариант топонима Peking. Эта форма поддерживалась южно-китайским произношением названия, поскольку в южных диалектах китайского языка не было сдвига согласных, в кантонском диалекте до сих пор название китайской столицы произносится как *Паккин*. В почтовой латинизации название столицы Китая было записано как Peking, эта форма активно использовалась по всему миру [于海阔, 2016, с.10; Harris, 2008, с. 99]. Топоним *Пекин* утвердился в русском языке, а также в украинском и белорусском (Пекін), болгарском и польском (Pekin), в остальных славянских языках принята англо-немецкая запись Peking.

В последние годы под влиянием пиньиня европейские языки постепенно начинают употреблять название китайской столицы, сходное с произношением в исходном языке, – Beijing. Этот топоним все чаще заменяет традиционный Peking в публицистических текстах. В аэропортах принята эта форма названия: *Flight number 457 from Beijing now arriving*.

В последние годы название китайской столицы *Бэйцзин* начинает проникать в художественные и публицистические тексты на русском языке: *Конечно, кричал я, татар-то два десятка до Чехии доковыляло, а смоленские полки в это время Бэйцзин, именуемый ныне Пекином, брали в составе войска Хубилай-Хана* [Лазарчук, 2001 – НКРЯ].

Сходная судьба наблюдается у топонима *Нанкин*. Этот город начиная с III века н. э. был столицей ряда китайских феодальных царств, а в 1368-1421 гг. – столицей империи Мин, что и определило его название: *Наньцзин* (南京 [nánjīng] < 南 ‘юг; южный’, 京 ‘столица; столичный’) [ПГНМ, с. 282; 王维国, с. 507, 371]. Однако в почтовой романизации утвердилась форма *Nanking* на основании кантонского произношения слогоморфемы 京 [kīng]. В русскоязычном употреблении закрепились форма *Нанкин*, основанная на этом южнокитайском произношении лексемы, однако не

отражающая мягкое произношение звука [н'] в первом слоге: *У Вусуна обыкновенно останавливаются суда с опиумом и отсюда отправляют свой товар на лодках в Шанхай, Нанкин и другие города* [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855) – НКРЯ]. Однако уже в XIX в. в русском языке обнаруживается транскрипционный синоним *Наньцзин*: *В народе толки, что цззи пойдут в Наньцзин и там будет всенародно объявлена новая династия и новый император, а потом будут рассылаяться войска в незавоеванные города, придет войско и в Пекин* [К. А. Скачков. Мой дневник (1853) – НКРЯ]. Эту транскрипцию привёл в своём дневнике русский китаевед Константин Андрианович Скачков (1821-1883), который с 1848 по 1863 г. жил в Китае, работал в магнитно-метеорологической обсерватории при российской духовной миссии в Пекине [Скачков, 1958]. За время пребывания в Китае он изучил китайский язык и литературу, интересовался жизнью китайцев, собирал китайские книги, которые ему дарили члены русской духовной миссии, китайские учёные и чиновники и даже дядя китайского императора Сяньфэна. Неудивительно, что он использовал топоним в том звучании, как его произносили образованные китайские люди.

Не соответствует пиньиню запись в русском языке названия расположенного на Цзялунском полуострове и прилегающих островах города *Гонконга*, который с 1842 г. был колонией Великобритании, а ныне составляет специальный административный район КНР. Иероглиф 香港 на пиньине читается [Xiānggǎng ‘ароматная гавань’], на палладице – *Сянган*, а на кантонском наречии – [Hoenggong – Хёнкон] [Иванов,1990].

Англичане переделали топоним в Hong Kong, который был заимствован русским языком в форме Гонконг. Первоначально его записывали через дефис: Гон-Конг или Гонг-Конг. Русский врач, путешественник и писатель Алексей Владимирович Вышеславцев (1831-1888)

в 1860 г. в журнале «Русский вестник» публикует пространный очерк «Гон-Конг», в котором упоминает ещё одно название города – Виктория, оно было дано англичанами в честь своей королевы Виктории (1819-1901, годы правления: 1837-1901), но в дальнейшем не прижилось [Вышеславцев, 1860]. В 1880 г. неоднократно упоминает в своём дневнике архиепископ Николай Японский [НКРЯ]. В 1892 г. в газете «Русские ведомости» выходит рассказ Константина Михайловича Станюковича «Пассажирка» с подзаголовком: «Из воспоминаний бывшего моряка», в котором 7 раз упоминается город-порт *Гонконг*, который «шустрый молодой вестовой Цветкова Егорка» трижды называет *Гонконтом* [Станюкович, 1977]. Название этого города встречается и в других рассказах писателя.

В 1900 г. группа энтузиастов – любителей географии выпустила иллюстрированный географический сборник «Азия», в которой был помещён очерк «Гон-Конг» русского ботаника, географа, путешественника, первого доктора географии в России Андрея Николаевича Краснова (1862-1914). В нём только в названии и однажды в тексте топоним указан в форме *Гон-Конг*, а в остальных случаях используется название *Гонг-Конг*, непосредственно восходящее к английскому топониму: *Более долгая стоянка была в Гонгь-Конге, этом оригинальном англо-китайском городке, выросшем на пустынном скалистом островке, благодаря позорной торговле опиумом, навязанной англичанами китайцам* [Краснов, 1900].

В XX-XXI вв. в текстах на русском языке начинает употребляться соответствующее пиньиню название *Сянган*: *Англичане, отобрав силой в 1841 году у Китая остров Сянган, что в переводе означает «бухта ароматов» – менять название не стали* [Леонид Кузнецов. Бухта ароматов // «Вокруг света», 1990 – НКРЯ]. *Теперь Гонконг стал особым административным районом Китая под названием Сянган, и живет он*

тоже наособицу, с неприкосновенными в предстоящие 50 лет экономической и социальной системами [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000) – НКРЯ].

После завоевания Китая Хубилаем в 1279 г. часть жителей центральной части страны устремилась на юг, позже к ним перебрались люди из провинций Гуандун и Фуцзянь и образовали поселение на побережье Южно-Китайского моря в дельте реки Жемчужной (Чжуцзян). Здесь они построили храм богине по имени Золотая Королева-Мать Запада, которую простые люди звали просто *Ама* ‘няня’ [Theobald, 2010]. 20 ноября 1555 года было зафиксировано первое упоминание об этой местности 亞/阿-媽/馬-港 [yà/ā-mā/mǎ-gǎng] [Wu, Jin, 2014]. Когда португальцы впервые появились в этом районе и спросили о его названии, местные жители подумали, что они спрашивают о храме, и сказали им, что это 媽閣 [mā gé, по-кантонски: mā gog] [Нао, 2011, с. 12-13], что пришельцы приняли за топоним. Они его преобразовали в XVII веке в *Атасão / Атасао* и *Масão / Масао*, последняя форма утвердилась в европейских языках, а в самой Португалии после реформы орфографии в 1911 г. приобрела вид *Масау* [Wu, Jin, 2014; De Pina-Cabral, 2002].

В русском языке стал употребляться топоним *Макао*, он зафиксирован в середине XVIII в. в учебнике «Политическая география, сочиненная в сухопутном шляхетском кадетском корпусе, для употребления учащегося во оном корпусе шляхетства напечатана в Санкт-Петербурге 1758» [НКРЯ]. Многократно употребляется этот топоним в книге И. Ф. Крузенштерна о его плавании вокруг света в 1803-1806 годах [Крузенштерн, 1809].

В XXI в. начинают употребляться два варианта названия в соответствии с путунхуа: *По такому же принципу в 1999 году в состав Китайской Народной Республики вошла португальская заморская*

территория Макао под названием административный район Аомэнь [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000) – НКРЯ]. *Ратуя за более тесные экономические и политические связи с континентальной частью страны, Новая партия выдвинула формулу «одна страна, три системы», в которой второй системой являются Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао), а Тайвань – третьей* [Л. М. Гудошников, В. Г. Ганшин. Выборы 2001-2002 гг. на Тайване (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 29.04.2002 – НКРЯ].

Этимология этого китайского топонима не такая ясная, как обычно у китайских географических имён. По одному из предположений, слово Аомынь образовано от *ао* ‘причал, пристань, бухта’, *мынь* ‘ворота, дверь’, что осмысливается как ‘порт, служащий воротами в Юж. Китай’ [ПГНМ, с. 40]. Другая этимологическая версия состоит в том, что основой послужили либо *нгало-мен* ‘ворота залива’, либо *аман-нгао* ‘залив богини Ама’ [НКТС, с. 28]. В современном китайском языке иероглиф 澳 значит ‘пещера, бухточка’, а 门 – ‘ворота, вход’.

Сложная диалектная структура китайского языка отражается в некоторых топонимах, записанных в русском тексте: иероглиф 六 [liu] в названиях 六直 и 六安 передаётся в диалектном произношении как [lu]: *Лучжи* (Luzhi), *Луань* (Lu'an); топоним 堡 ‘крепость, селение’ на северо-востоке Китая произносится не [bǎo] или [bǔ], а [pù], отсюда запись топонима *Лэцзыпу*.

Транскрипционные синонимы отмечены также у антропонимов, однако причины их появления иные. Известно, что в традиционном китайском обществе у человека может быть несколько имён. Китайские императоры династии Цин, например, имели личное имя, посмертное имя, храмовое имя, девиз правления, становившийся антропонимом. В истории они остались с одним из этих имён: первый император этой династии носил

имена Нурхаци (努爾哈赤 Nǚěrhāchì), Гао-ди (高帝 Gāodì), Тай-цзу (太祖 Tàizǔ), Тяньмин (天命 Tiānmìng), чаще всего его называют по личному имени Нурхаци-хан; третий император имел имена Фулинь (福臨 Fúlín), Чжан-ди (章帝 Zhāngdì), Ши-цзу (世祖 Shìzǔ), Шуньчжи (順治 Shùnzhi), о нём упоминают по храмовому имени Ши-цзу; четвёртый хан в разные периоды жизни именовался Сюань (玄燁 Xuán Yè), Жэнь-ди (仁帝 Réndì), Шэн-цзу (聖祖 Shèngzǔ), Канси (康熙 Kāngxī), в истории его упоминают по девизу правления Канси.

Известный политический и военный деятель Китая XX в. 蔣介石 [jiǎng jièshí] при рождении получил имя *Жуйюань* (瑞元), означающее ‘благой первенец’. В детстве у него было и другое имя – *Чжоутай* (周泰), означающее ‘тщательность, осторожность и надёжность’. Когда мальчик начал учиться, то ему дали школьное имя *Чжицин* (志清) ‘чистота помыслов, целей, устремлений’. По окончании учёбы он получил от матери взрослые имена *Цзешу* (介石) ‘непоколебимый как утёс’ и *Чжунчжэн* (中正) ‘занимающий центральное положение, выбирающий золотую середину, справедливый и правильный человек’ [Галенович, 2000]. В русском языке, согласно принятой системе китайско-русской транскрипции (палладицы), его фамилия и имя должны были записываться как Цзян Цзешу. Однако этот антропоним изначально попал в русский язык через переводы с западных языков Chiang Kai-shek, который был заимствован из диалектной группы Юэ путем системы латинизации Уэйда-Джайлса, поэтому этого политического деятеля русские знают по имени *Чан Кайши* [杨晓东, 2009, с. 95].

Подобные феномены отмечены и у именовании известного и почитаемого в Китае революционера и политического деятеля, основателя партии Гоминьдан, первого президента Китайской Республики *Сунь Ятсена*. Он известен также под именами *Сунь Исянь*, *Сунь Вэнь* и *Сунь Чжуншань*.

Китайский антропоним 孙逸仙 [sūn yìxiān] в кантонском диалекте произносился как *Sun Yat-sen*, что и было записано в системе Уэйда-Джайлса, а затем транскрибировано азбукой. В настоящее время Университет имени Чжуншаня в Гуанчжоу 中山大学 [zhōngshān dàxué] называется по-русски *Университет имени Сунь Ятсена* [там же].

Подобные отличия в записи имён китайских деятелей в палладице и в пиньине встречаются ещё у некоторых антропонимов: Лу Синь (Лу Сюнь), Ли Бо (Ли Бай), Лю Цзе Дань (Лю Чжидань), Чань Лим Бак (Чэнь Ляньбо), Юн Вин (Жун Хун) и др.

3.4. Современные китайские реалии в русском языке: калькирование

Американский лингвист У. Вайнрайх называл кальки «заимствованными переводами» [Вайнрайх, 1999, с. 44]. Образно высказалась о них российская исследовательница Е.А. Земская: «Кальки менее заметны, чем заимствования. Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [Земская, 2004, с. 421]. Ш. Балли под кальками понимает слова и выражения, образованные механически, путём буквального перевода, созданные по образцу выражений, взятых из иностранного языка [Балли, 2001, с. 69].

Выделяются различные формы калькирования, т. е. построения лексических единиц в принимающем языке по образцу соответствующих слов-прототипов в языке-источнике с помощью: а) перевода морфем; б) заимствования отдельного значения и его включения в семантическую структуру лексемы, существующей в принимающем языке; в) перевода иноязычных синтаксических моделей в принимающем языке [Авина, 2009, с. 28]. В некоторых работах утверждается, что причинами выбора прямого заимствования или калькирования являются структурные особенности языка-

реципиента [Арапова, 1990, с. 211].

Калькирование как способ обогащения языка и передачи номинаций инокультурных реалий исследовали в XIX и XX веке Н.С. Арапова, Л.А. Булаховский, У. Вайнрайх, В.В. Виноградов, Л.П. Ефремов, Л. Кишш, Л.П. Крысин, Е. Обара, Л.А. Пономаренко, С.В. Семчинский, Ю.С. Сорокин, Б. Унбегаун, Н.М. Шанский и др., в XXI веке – Н.Ю. Авина, Е.В. Сенько, А.Б. Бушев, Е. Фориан, Е.В. Маринова, Ж. Багана, С.В. Васильева, А.А. Гарипова, Б.Г. Колкер, В.С. Майорова, О.В. Матвеева и мн. др.

Принято выделять словообразовательные, синтаксические, семантические (смысловые), сочетаемостные и фразеологические кальки [Копыленко, Попова, 2010; Крысин, 2002, с. 33]. Обычно кальки-лексемы относят к словообразовательным или семантическим типам калькирования, кальки-словосочетания или фразеологические единицы – к сочетаемостным или фразеологическим [Вэн, 2022, с. 228].

Калькирование часто встречаются в научных и публицистических текстах, описывающих политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Калькированию подвергаются наименования административных органов, предприятий, учреждений, обществ и пр. Эти единицы считаются именами собственными, в ономастике выделяют в особый разряд онимов - *эргонимы* [Вэн, 2022, с. 228]. Под эргонимом понимается «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [СРОТ, с. 151]. Большая часть из них представляют собой словосочетания, поэтому такие устойчивые кальки следует отнести к сочетаемостным, к фразеобразованиям.

3.4.1. Наименование китайских реалий в русских и русскоязычных СМИ: названия органов власти, предприятий, учреждений

С ускорением процесса глобализации все страны мира углубляют контакты в различных областях жизни: научных, технических медицинских, политических, туристических и т. п. Заимствование как способ обогащения словарного состава языка иноязычными единицами играет важную роль в обмене информацией и ускорении понимания между народами. В последние годы появилось немало новых китайских заимствований в русском языке, используемых в различных коммуникативных сферах. Помимо непосредственных (материальных) заимствованных единиц, пришедших в русский язык из китайского (*женьшень, гаолян, байцзю* и др., топонимы, этнонимы, антропонимы и пр.), имеются также многочисленные скрытые заимствования (кальки), отражающие контакты между разными языками (и, следовательно, различными народами) [Вэн, 2022, с. 227].

Рассмотрим употребление калек китайских названий органов власти, предприятий, учреждений, организаций (эргонимов) в русских и русскоязычных СМИ: РИА Новости, ТАСС, газета «Жэньминь жибао online».

Словарь так определяет различия между словами *русский* и *русскоязычный*: русский – ‘принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским’, русскоязычный – ‘1. говорящий, пишущий на русском языке; 2. создаваемый, издаваемый на русском языке’ [БТС, с. 1134]. Думается, что более точно показано различие в семантике этих прилагательных в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: русский – ‘относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, её территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России’, русскоязычный – ‘относящийся к людям, живущим вне России, для которых русский язык

является родным или вторым родным языком' [СОШ, с. 571]. Следовательно, русское СМИ – это газеты или журналы, в которых статьи пишут русские люди на родном языке, редактируют носители русского языка, издают их в России. Русскоязычные СМИ обычно находятся вне территории России, редактируются теми людьми, у которых русский язык является вторым родным или неродным, иностранным. Это же относится и к сайтам Интернета [Вэн, 2022, с. 228].

В настоящее время отношения между Китаем и Россией развиваются стабильно. На китайских и российских сайтах появляются многочисленные репортажи о состоянии сотрудничества между обеими странами в различных областях политики, экономики, техники, науки, культуры. Во многих из них встречаются названия административных органов, предприятий, организаций, обществ и т.п. [там же].

Одним из часто используемых эргонимов является название Коммунистической партии Китая. Она была создана в 31 июля 1921 г., является правящей партией в КНР. В китайском языке словосочетание 中国共产党 [zhōngguó gòngchǎndǎng] состоит из двух слов: 中国 'Китай, китайский' и 共产党 'Коммунистическая партия' [王维国, с. 979, 248]. На русский язык оно калькируется *Коммунистическая партия Китая*. Словосочетание 中国共产党中央委员会 [zhōngguó gòngchǎndǎng zhōngyāng wěiyuánhùi] калькируется на русский язык *Центральный комитет Коммунистической партии Китая*. Это наименование состоит из слов: 中国 'Китай, китайский', 共产党 'Коммунистическая партия', 中央 'центр, центральный' и 委员会 'комиссия, комитет' [王维国, с. 979, 248, 981, 739].

В китайском языке аббревиация реализуется путём пропуска слогоморфем, вышеотмеченное сложное словосочетание сокращается до 中共中央 [zhōnggòng zhōngyāng], на русском языке ему соответствует

буквенная аббревиатура *ЦК КПК* [Вэн, 2022, с. 228]. В русскоязычных текстах встречается как полное название партии, так его аббревиированный вариант: *Си Цзиньпин назвал данный проект одним из важных шагов для реализации генерального плана КПК по управлению Тибетом в новую эпоху* [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1109/c31521-9777812.html>]; *«Я хотела бы выразить мою самую искреннюю благодарность великой Коммунистической партии Китая, ...»*, – добавила королева-мать. *Она пожелала КПК и китайскому народу новых успехов под руководством председателя Си Цзиньпина и вечной дружбы двум странам* [URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/241241456>]. Во втором примере используется полный вариант наименования Коммунистической партии Китая, тем самым подчёркивается уважение к объекту именованию, далее в стилистических целях в текст включается аббревиатура, чтобы избежать повтора.

Название руководящего органа партии содержит аббревиатура 中共中央政治局常务委员会 [zhōnggòng zhōngyāng zhèngzhìjù chángwù wěiyuánhùi], оно состоит из 5 частей: 中共 (сокращение 中国共产党) ‘КПК – Коммунистическая партия Китая’; 中央 ‘центр, центральный’ – сокращение словосочетания 党中央 ‘ЦК – Центральный комитет’; 政治 ‘политика, политический’; 局 ‘бюро, управление’; 常务 ‘постоянный’; 委员会 ‘комиссия, комитет’ [王维国, с. 979, 248, 981, 135, 964, 384, 71, 739]. Полный вариант данного словосочетания в текстах употребляется очень редко, это же относится и к калькам: *Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, ПК Политбюро ЦК КПК*. Приведём примеры: *Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян также подчеркнул; Член Политбюро ЦК КПК <...> объявил о начале строительства* [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1109/c31521-9777812.html>].

Китайские аббревиурованные конструкции входят в состав других названий руководящих органов партии, в русском языке они традиционно передаются как *ЦК КПК*. Эта калька поддерживается существовавшими в русском языке аббревиатурами *ЦК КПСС* [ССРЯ, с. 417], *ЦК КПБ*, *ЦК КПУ*, а также историзмами *ЦК ВКП(б)*, *ЦК РСДРП* и др. Название руководящего партийного органа 中共中央秘书处 [zhōnggòng zhōngyāng mìshūchù] состоит из трёх частей, кроме указанных выше слов, в него входит лексема 秘书处 ‘секретариат’ [王维国, с. 486] – *Секретариат ЦК КПК*. Русское название *Канцелярия Комиссии ЦК КПК по иностранным делам* является калькой китайского словосочетания 中共中央外事委员会办公室 [zhōnggòng zhōngyāng wàishì wěiyuánhùi bàngōngshì], в нём - отмеченные выше две аббревиатуры и три новых части: 外事 ‘иностранные дела’, 委员会 ‘комиссия, комитет’, 办公室 ‘служебное (конторское) помещение, кабинет, канцелярия’ [王维国, с. 725, 739, 15].

Калькируются в русских текстах названия и других официальных органов Китая. По Конституции КНР высшим законодательным органом государственной власти страны является *Всеитайское собрание народных представителей* (ВСНП), возглавляющее всю систему собраний народных представителей, которые составляют политическую основу государства [Чубинский, 1998]. Его постоянно действующий орган – Постоянный комитет ВСНП. С 1982 года по 2004 год Государственный совет Китайской Народной Республики, центральное народное правительство, был исполнительным органом высшей государственной власти страны и представлял собой высший орган государства [URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm]. Китайское словосочетание 全国人民代表大会常委会 [quánguó rénmín dàibiǎo dàihuì chángwěihuì] имеет сокращённую форму 全国人大常委会 [quánguó réndà

chángwěihùi], она состоит из 全国 (< 全中国) ‘вся страна (всекитайский), общенациональный’, 人民 ‘народ, народный’, 代表 ‘депутат, представитель, делегат’, 大会 ‘собрание, митинг’, 常委会 ‘постоянный комитет’ [王维国, с. 585, 595, 126, 123, 71] – *Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, ПК ВСНП. Рассмотрим примеры: Пекин, 23 ноября /Синьхуа/ – Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей /ПК ВСНП/ Ли Чжаньшу сегодня провёл в режиме видеосвязи переговоры с председателем Национальной ассамблеи Лаоса Пани Ятхоту. /.../ Председатель ПК ВСНП напомнил, что в 2021 году будут отмечаться 60-летие установления дипломатических отношений между КНР и Лаосом, а также Год китайско-лаосской дружбы [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1124/c31521-9788474.html>]. В этом тексте снова в стилистических целях также первоначально используется полное название государственного органа, в скобках даётся аббревиатура, которая затем повторяется, расшифровка её понятна из предыдущего предложения [Вэн, 2022, с. 229].*

Высший государственный исполнительный орган КНР называется 中国国务院 [zhōngguó guówuyuàn], словосочетание состоит из слов 中国 ‘Китай, китайский’ и 国务院 ‘государственный совет, госссовет, государственный департамент, госдепартамент’ [王维国, с. 979, 270]. В русских текстах используется полное название *Государственный совет Китая*, но чаще сокращённое – *Госссовет Китая*, что связано с наличием подобного эргонима в России: *Член Госсвета КНР, министр иностранных дел Ван И сегодня в Пекине провёл встречу с дипломатическими представителями десяти стран АСЕАН, аккредитованными в Китае* [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1109/c31521-9777800.html>].

В китайском правительстве имеется *министерство экологии и окружающей среды КНР*, его китайское название 中华人民共和国生态环境部 состоит из шести частей: 中华 ‘Китай, китайский’, 人民 ‘народ, народный’, 共和国 ‘республика’, 生态 ‘экология, экологический’, 环境 ‘окружение, среда, окружающая среда’, 部 ‘министерство, отдел’ [王维国, с. 980, 595, 248, 628, 304, 52]. Прежде оно называлось *министерством охраны окружающей среды КНР* – 中华人民共和国环境保护部 [URL: <http://www.mee.gov.cn/zjhb/lsj/>], в это словосочетание, помимо ранее названных единиц, входит также слово 保护 ‘охрана, покровительство’ [王维国, с. 21]. В русскоязычных СМИ Китая используется только новое название: *Министерство экологии и охраны окружающей среды КНР: выработка электроэнергии возобновляемых источников энергии Китая за 2018 г. достигла 1,9 трлн. кВт-ч* [<http://russian.people.com.cn /n3/2019/1129/c31518-9636657.html>], но в русских СМИ можно обнаружить и старое наименование: *Представители министерства защиты окружающей среды проверяют местность на вероятность загрязнения опасными веществами, причины ЧП выясняются* [URL: <https://ria.ru/20201219/kitay-1590003815.html>].

В Китае существует *Государственное статистическое управление КНР* – 中华人民共和国国家统计局, оно называется также *Национальным бюро статистики* – 国家统计局, в названии три части: 国家 ‘страна, государство, государственный, национальный’, 统计 ‘статистика, статистический’, 局 ‘управление, бюро, контора’ [王维国, с. 269, 706, 384]. Первый вариант встречается в официальных документах [URL: <http://russian.china.org.cn/russian/68282.htm>]. Второй вариант является калькой с официального английского названия учреждения – National Bureau of Statistics, но он не является официальным, поэтому в русских текстах отмечены разновидности его калек: *Национальное бюро статистики КНР*,

Национальное статистическое бюро, Национальное бюро статистики Китая. В русских и русскоязычных текстах отмечены оба варианта: *Об этом во вторник сообщило Государственное статистическое управление КНР* [URL: <https://tass.ru/ekonomika/8120347>]; *По словам Нин Цзичжэ, директора Национального бюро статистики...* [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1123/c31518-9786309.html>]. Встречаются также аббревиатуры: *ГСУ КНР* и *НБС КНР*.

В названия муниципалитетских административных органов обычно включается топоним – наименование провинции: эргоним 陕西省工业和信息化厅 [shǎnxī shěng gōngyè hé xìnxīhuà tīng] состоит из 陕西 ‘Шаньси’, 省 ‘провинция, провинциальный’, 工业 ‘промышленность, индустрия, промышленный, индустриальный’, 和 ‘и’, 信息化 ‘информатизация’, 厅 ‘управление’ [现代词典, с. 989; 王维国, с. 630, 242, 284, 808; 现代词典, с. 1133]. При калькировании топоним переносится в конец названия: *Управление промышленности и информатизации провинции Шаньси*; наименование провинциального органа 河南省科学技术厅 [hénán shěng kēxué jìshù tīng] состоит из 5 частей: 河南 ‘Хэнань’, 省 ‘провинция’, 科学 ‘наука, научный’, 技术 ‘техника, технология, техничный’, 厅 ‘управление’ [现代词典, с. 443; 王维国, с. 630, 404, 331; 现代词典, с. 1133] – *Управление науки и техники провинции Хэнань*. Приведём пример: *Это седьмой национальный суперкомпьютерный центр Китая после аналогичных центров в городах Тяньцзинь, Чанша, Шэньчжэнь, Цзинань, Гуанчжоу и Уси, – отметили в Управлении науки и техники пров. Хэнань* [URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/241241456>]. В русских и русскоязычных текстах подобные названия-кальки встречаются только в полной форме, поскольку аббревиатура не будет понятна читателю.

В полной форме используются также названия предприятий и фирм:

словосочетание 国家铁路公司 [guójīā tiělù gōngsī] состоит из 国家 ‘страна, государство; государственный, национальный’, 铁路 ‘железная дорога, железнодорожный’, 公司 ‘общество, компания, фирма, корпорация’ [王维国, с. 269, 699, 245], в русских текстах – *Государственная железнодорожная корпорация*.

Интересной формой передачи китайского эргонима является полукалька *Государственная резиденция Дяоюйтай*. Его китайское название 钓鱼台国宾馆 [diàoyútái guóbīnguǎn] состоит из слов: 钓鱼 ‘ужение рыбы’, 台 ‘платформа’, 国 ‘страна, государство, держава; государственный, национальный’, 宾馆 ‘гостиница, отель, резиденция для гостей’ [王维国, с. 155, с. 268, с. 40]. Первая часть этого названия для китайцев понятна, они знают историю топонима. Император Чжанцзун из династии Цзинь (1115-1234) построил здесь платформу для ловли рыбы, в результате чего за местом закрепилось название 钓鱼台. Император Цяньлун (1711-1799) из династии Цинь превратил это место в свою резиденцию. В 1959 году в честь 10-й годовщины образования КНР в Пекин должно было прибыть немало руководителей и высоких гостей из разных стран мира, тогда китайское правительство решило в этой части столицы выстроить 19 коттеджей. Так появилась правительственная резиденция «Дяоюйтай». Интересно, что при нумерации особняков были пропущены 1-й и 13-й номера [王建柱, 2017, с. 14]. При употреблении в русских и русскоязычных СМИ первая часть эргонима калькируется, а топоним транскрибируется, как это происходит и с другими китайскими топонимами.

Итак, употребление устойчивых словосочетаний-калек при именовании китайских органов власти, предприятий, учреждений, обществ и пр. в русских и русскоязычных СМИ в полном или сокращённом варианте зависит от того, первый или второй раз используется в тексте эргоним: его

первоначальное употребление, как правило, представлено полным вариантом, затем используется его аббревиатура. Последняя следует образцам подобных единиц в русской эргонимии [Вэн, 2022, с. 230-231].

3.4.2. Перевод и калькирование названий административно-территориальных единиц Китая в русском языке

Калькирование в переводоведении определяется как один из приемов перевода, который представляет собой воспроизведение комбинаторного состава слова. Его суть сводится к тому, что «составные части безэквивалентной единицы (морфемы безэквивалентного слова или лексемы безэквивалентного словосочетания) заменяются их буквальными соответствиями на языке перевода» [Карасенко, 2018, с. 130].

Административно-территориальное деление является необходимым условием существования государства, при этом учитываются такие факторы, как внутренние и внешние, естественнонаучные и гуманитарные, экономические и культурные, традиционные и современные [周黛, 2010, с. 38]. Из-за смены режимов и правительств и изменения границ названия административных единиц также могут подвергаться изменению.

Согласно Конституции Китайской Народной Республики, в настоящее время административные территории страны состоят из уровней провинции, префектуры, округа и города. В КНР 23 провинции, 5 автономных районов, 4 муниципалитета, 2 особых административных района, в общей сложности 34 территориально-административные единицы [http://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_5043917.htm]. Принято переводить китайские термины на русский язык в следующем порядке: 省 – провинция, 自治区 – автономный район, 直辖市 – муниципалитет, 特别行政区 – особый административный район.

Термин 省 имеет длительную историю в китайском языке. Он возник во время династии Юань, которая в XIII веке ввела новую систему административного деления, обозначив главную единицу 行省 [xíngshěng], возник также её сокращённый вариант 省 [shěng]. Этот термин продолжил своё употребление и в последующих династиях Мин (1368-1644) и Цин (1644 по 1912, 11 дней в 1917 году) [姜文才, 2007, с. 38; 王维国, с. 630]. Термин в составе официального названия в китайском языке занимает постпозицию после топонима, при переводе на русский язык он переходит в препозицию: 吉林省 [jílín shěng] – провинция Цзилинь.

Термин *провинция* появился в России в 1698 г., он был заимствован из латинского *provincia* через польский язык (*provincja*) [ФЭС/3, с. 371]. В современном русском языке он имеет значения ‘в России 18 в. и некоторых современных государствах: административно-территориальная единица, часть губернии’ и ‘отдаленная от столицы, центра местность; периферия’ [БТС, с. 1001].

Русское слово *область* переводится на китайский как 州 [zhōu]. Это слово появилось в китайском языке с доциньской эпохи. Так называлась административная единица первого уровня. Лексема была известна во время правления императора Восточной Хань Лю Хуна в 188 г. [朱亮, 2015, с. 57-58]. Но в настоящее время слово получает новое значение, употребляется как название административной территории второго уровня, обычно оно относится к автономным округам для этнических меньшинств в Китае: 延边朝鲜族自治州 ‘Яньбянь-Корейский автономный округ’. Однако этим же словом обозначаются в китайском языке области в России: Волгоградская область – 伏尔加格勒州 [fú'ěrjiāgélè zhōu]; Московская область – 莫斯科州 [mòsīkē zhōu].

Думается, что это связано с формой организации государства. Китайская Народная Республика является унитарной страной, а Российская Федерация – федеративное государство. Унитарное государство воспринимается как нечто целое, а федеративное состоит из относительно самостоятельных элементов [Кукушкина, 2013, с. 37]. Поэтому с точки зрения восприятия административно-территориального деления государства китайцами термин 省 [shěng] относится к названию единицы первого уровня унитарной страны, для которой государство имеет права установить местные законы и нормативные акты, не нарушающие Конституцию и законы страны, а слово 州 [zhōu], как правило, обозначает единицу федеративной страны, у которой имеется право на установление самостоятельных законов. Поэтому, вероятно, китайское слово 省 принято переводить на русский язык *провинция*, а русское слово *область* переводится на китайский 州 [Вэн, 2021, с. 35].

В русском литературном языке имеется также слово *губерния*, которая обозначает ‘основная административно-территориальная единица в России в XVII – начале XX вв.’. Но в 1923-1927 гг. этот термин прекратил своё употребление, вместо губерний были созданы края и области. На китайский язык слово *губерния* переводится как 省, но обладает исторической коннотацией – единица административно-территориального деления, существующая только в Русской империи [Иванов и др., 1999, с. 170; 张建华, с. 178].

В Китае существуют также *автономные районы* – 自治区 [zìzhìqū]. Это слово возникло путем сложения двух элементов: 自治 ‘автономия; самоуправление; автономный’ и 区 ‘район; участок’ [王维国, с. 1017, 581]. У этих административных единиц местное самоуправление имеет больше автономии во внутренних делах, чем другие провинциальные администрации [任维德, 2006]. В России существуют аналогичные термины *автономные*

области и автономные округа, которые являются национально-государственными образованиями РФ, обладающими определённой, ограниченной территорией в пределах РФ [Каковкина, 2009, с. 36]. В словарях русские термины *округ* и *область* соответствует китайскому иероглифу 州, которым обозначается единица административно-территориального деления второго уровня. Однако для соответствия с китайскими автономными районами российские автономные округа обозначаются словом 区. В Китае существует пять автономных районов: Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区 [nèiměnggǔ zìzhìqū]), Гуанси-Чжуанский автономный район (广西壮族自治区 [guǎngxī zhuàngzú zìzhìqū]), Тибетский автономный район (西藏自治区 [xīzàng zìzhìqū]), Нинся-Хуэйский автономный район (宁夏回族自治区 [níngxià huízú zìzhìqū]) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区 [xīnjiāng wéiwú'ěrzú zìzhìqū]). В их состав входят топонимы и этнонимы, которые также стоят в препозиции. В русском языке они чаще всего транскрибируются: Синьцзян, Гуанси, Чжуан, Нинся, Хуэй, иногда частично переводятся: Внутренняя Монголия.

Китайцы в VI-VII вв. именовали своих западных соседей Ту-фань, а во времена тибетской империи VII-IX вв. – Ту-бо. Арабы с IX в. употребляли слово Туббат или Тиббат [王鹿鸣, 2014, с. 102]. Монголы с XIII в. называли страну Тубэд, Тубуд, и этот этноним пришёл в Россию, став топонимом. А этноним *уйгур* в русский язык пришёл непосредственно из уйгурского самоназвания *uïgur* [ФЭС/4, с. 155], а в китайском языке произошли более сложные фонетические преобразования этнонима.

Русский термин *муниципалитет* был заимствован из немецкого языка от слова *Munizipalität*, которое было образовано на основе латинского слова *municipium*. Он получил в русском языке значение ‘орган местного

самоуправления различных стран; здание, занимаемое им' [БТС, с. 563; БСЭ, т. 28, с. 555]. На китайский язык этот термин переводится 直辖市 [zhíxiá shì], слово состоит из двух частей: 直辖 'находиться в прямом (непосредственном) подчинении; прямого подчинения' и 市 'город; городской' [王维国, с. 969, 641]. Так обозначается город, прямо управляющийся Центральным народным правительством (Госсоветом КНР) [张俊, 2012, с. 39]. Этот китайский термин на русский язык переводится *город центрального подчинения* [王维国, с. 969]. Но в России термин *муниципальное образование* используется как общее слово для административных единиц, отличных от субъектов федерации, то есть указывается на единицы 2-го и 3-го уровней [Чеботарев и др., 2001]. Поэтому в текстах русских СМИ редко употребляется слово *муниципалитет* как перевод китайского термина 直辖市, но в научно-популярных текстах его можно встретить для обозначения административно-территориальной единицы Китая первого уровня. В русскоязычных СМИ, например на сайте газеты «Жэньминь жибао», тоже встречается термин *муниципалитет* со значением 'орган местного самоуправления': *Ухань, 4 сентября /Синьхуа/ – Муниципалитет центральнокитайского города Ухань заявил о намерении выделить в городе отдельные дорожные полосы или проложить новые, которые будут предназначены* [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0905/c31516-9264412.html>].

Переводной термин *город центрального подчинения* активно употребляется в текстах русских и русскоязычных СМИ: *Ляо Госюнь в четверг был назначен исполняющим обязанности мэра города центрального подчинения Тяньцзинь на севере Китая* [URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0904/c31521-9756706.html>]; *Город центрального подчинения Чунцин на юго-западе КНР в последние месяцы стал местом проведения серии масштабных операций по борьбе с*

коррупцией и организованной преступностью [URL: <https://ria.ru/20100724/257999331.html?all>]. С 1997 г. в Китае имеются 4 города центрального подчинения: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин. По своей административной функции эти китайские города центрального подчинения соответствуют российским городам федерального значения: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь.

В китайской административной системе существует единица 特别行政區 [tèbié xíngzhèng qū] – *особый административный район*. Он представляет собой особый район, учреждённый в рамках конституционного принципа Китайской Народной Республики «Одна страна – два строя», которое с провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения находится непосредственно в ведении Центрального народного правительства [张俊, 2012, с. 39]. Китайский термин состоит из элементов: 特别 ‘особый; особенный; специфический; своеобразный’, 行政 ‘администрация; административный’, 區 ‘район; участок’ [王维国, с. 686, 812, 581]. Ныне в Китае было учреждено два особых административных района: Гонконг (香港特别行政區 [xiānggǎng tèbié xíngzhèng qū]) и Макао (澳门特别行政區 [àomén tèbié xíngzhèng qū]) [张俊, 2012, с. 39].

Таким образом, к административно-территориальным единицам в Китае относятся *провинция, муниципалитет, автономный район и особый административный район*. Структура официального наименования в китайском языке состоит из топонима в препозиции и административного термина, при переводе на русский язык они меняются местами. Выбор китайских терминов 省 [shěng] и 州 [zhōu] зависит от политического устройства государства: первый используется как название единицы первого уровня унитарной страны, а второй – для государства с федеративным устройством. В этом, видимо, причина использования в русском языке для

китайских административных единиц первого уровня термина *провинция*, а не *область* или *край*.

3.4.3. Перевод и транскрипция в использовании китайских урбанотерминов и урбанонимов в русском тексте

Как только человек стал создавать более или менее постоянные поселения, строения внутри них и их группы приобретают функцию ориентирования, у них появляются наименования. Главными объектами номинации, как и главными линейными объектами пространственной среды для жизни и деятельности человека становятся улицы и площади. Для улицы главной является идея проезда, прохода: ‘пространство между двумя рядами домов в населённом пункте для прохода и проезда; два ряда домов с проходом, проездом между ними’ [БТС, 1998, с. 1383]. Площадь характеризуется идеей незастроенного пространства: ‘незастроенное, обрамлённое какими-л. зданиями, зелёными насаждениями место в пределах города, села, составляющее часть городского, сельского пространства’ [Там же, с. 845].

Идея организации городского пространства проходом, проездом и широким незастроенным местом для встреч жителей с разными целями является универсальной. Все города мира в разное время создаются по данному принципу с учётом физико-географических и социальных условий возникновения и формирования населённого пункта. Из первоначальной хаотичности построек постепенно рождается упорядоченное городское пространство, складываются урбанонимические традиции именования объектов [Супрун, 2015].

Главными объектами номинации во всех городах мира являются улицы и площади, обладающие адресностью и линейностью. Их названия (годонимы и агоронимы) составляют ядро урбанонимического субполя. Названия отдельных зданий (ойкодонимы), храмов и монастырей

(экклезионимы), ворот (пилонимы), мостов (гефиронимы), остановок транспорта (порейурбанонимы), городских районов и микрорайонов (городские хоронимы), не обладающие адресной функцией, но являющимися важными ориентирами в пространстве города, занимают околядерное пространство и периферию субполя. Урбанонимы всегда встречаются в составе апеллятивно-онимических комплексов [Мадиева, Супрун, 2017].

Русское слово *улица* образовано от праславянского корня *ul-, который представлен также в лексемах *улей*, *улитка*. Судя по сходным словам в других индоевропейских языках, первоначально этим словом обозначалось пустое, очищенное от всего лишнего пространство, подразумевалось, что улица – «пустая, освобождённая (от зарослей)» [ШБЭС, с. 333]. От этого же корня были образованы в русском языке лексемы *переулок* ‘небольшая улица, обычно служащая поперечным соединением двух других улиц’ и *закоулок* ‘небольшой, узкий, глухой переулок, проход’, а также оценочный дериват *улочка* [БТС, 1998, с. 820, с. 328, с. 1383].

В славянских языках суффикс *-ik(a) с изменением $k > c$ по третьей палатализации присоединяется к именным основам с предметным значением всех трёх родов, при этом происходит уточнение или существенное изменение семантики деривата: *улица*, *гололедица*, *ягодица*, *столица*, *граница*, *станция*, *кузница*. Праславянское происхождение слова *улица* подтверждается его наличием во всех славянских языках: болг., макед., серб. *улица*, хорв., босан., словен., словац., польск. *ulica*, чеш. *ulice*. В ряде языков закономерно встречается протетический [в]: укр. *вулиця*, белор. *вуліца*, в.-луж. *wulica*.

Площади, видимо, получили обозначение в более позднее время, поэтому в разных славянских языках агоронимы различаются. Возможно, это связано с тем, что данный объект воспринимался славянами как принадлежность, прежде всего, города, а в разных славянских языках номинации самого городского поселения отличаются: у восточных и южных славян главным признаком города была его огороженность (рус. *город*, белор.

город, болг., макед., серб. *град*, хорв. *grad*), а у западных славян произошла специализация лексемы *место* (словац. *mesto*, чеш. *město*, польск. *miasto*, в.-луж. *město*), у последних заимствовали свои слова словенцы (*mesto*) и украинцы (*місто*).

Ещё больше отличий отмечено у славян для апеллятивного обозначения площади: восточные славяне и болгары с македонцами обращали внимание на то, что объект не имеет неровностей, плоский (рус. *площадь*, укр. *площа*, белор. *плошча*, болг. *площ*, макед. *плоштад*), другие южные славяне обозначили функциональную предназначенность площади, использование её для торговли (серб. *трг*, хорв., босан., словен. *trg*), чехи и словаки просто отметили её нахождение в городе (*náměstí*, *námestie*), по их образцу образовали своё слово *naměsto* верхние лужицане. Поляки заимствовали у немцев слово *plac*, которое восходит к латинскому *platea* ‘дорога, улица, двор’ (через французское *place* ‘место, площадь’) [BSE, 1970, s. 416; ФЭС, Т.3, 1987, с. 276]. В польском языке используется также лексема *rynek* ‘рыночная площадь’ [WSPR, 1967, s. 941].

Русское слово *площадь* возникло от прилагательного *плоский* с помощью суффикса *-ѣдь с первой палатализацией сочетания [ск] перед гласным переднего ряда и последующим переходом *ѣ* > *’а* после возникшего мягкого согласного [щ]: **ploskěдь*. Данная словообразовательная модель уникальна, существующие в русском языке отадъективные дериваты *рухлядь*, *мокрыдь*, *пестрядь*, *чернядь* образованы, вероятно, с помощью суффикса *-jѣдь. Возможна также контаминация двух суффиксов.

Прилагательное *плоский* восходит к праславянскому **ploskъ*, оно представлено во всех славянских языках: укр. *плоский*, белор. *плоскі*, чеш., словац. *ploský*, польск. *płaski*, болг. *плосък*, макед. *сплескан*, серб. *спљоштен*, хорв., босан. *spljošten*, словен. *sproščen*. Родственные слова имеются в других индоевропейских языках: литов. *plokščias*, др.-верх.-нем. *flah*, латыш. *plašāks* ‘широкий’, греч. *πλάξ* ‘равнина’ [ФЭС, Т.3, 1987, с. 284-285; BSE, 1970, s. 419-420].

Постепенно в европейском градостроительстве складываются пять систем планировок: линейная, рядовая, перекрёстная, прямоугольно-прямолинейная и радиально-концентрический [Тверской, 1953, с. 101, 149, 157, 161]. Итальянский архитектор А. Росси предлагал рассматривать город как артефакт, как произведения архитектуры или инженерии [Росси, 2015, с. 10]. Австрийский учёный К. Зитте отмечал: «Имеются три основные градостроительные системы: прямоугольная, радиальная и треугольная. Другие – производные от этих трёх. К художественным вопросам и искусству все это не имеет отношения. Цель всех трёх – исключительно лишь регуляция уличной сети. Таким образом, замысел здесь изначально технический. Уличная сеть всегда служит только для сообщения. <...> Для искусства важно лишь то, что обозримо, что видно, следовательно – отдельная улица, отдельная площадь» [Зитте, 1993, с. 139-140].

В домонгольский период на Руси существует более 20 городов [Тихомиров, 1956]. В центре каждого из них находится крепость, которая на северо-западе именуется *детинцем*, а на северо-востоке с XIV века – *кремлём*. Рядом располагаются *города*, т. е. огороженные части общего поселения. Около них находятся незащищённые *посады*.

Слово *детинец* образовано от корня **дет-/дит-*, поскольку в нём в случае нападения, осады укрывались несовершеннолетние дети [ФЭС, Т.1, 1986 с. 508]. Лексема *кремль* возникла от корня *крем-/кром-* с помощью суффикса **жь*. Слово получило значение ‘ограниченная, обнесённая стенами часть города; город в городе’ [ШБЭС/1, 1994, с. 154]. Слово *посад* образовано от корня *посадить*, люди здесь были посажены, осели на территории около города. Позже этим словом обозначался особый тип населённого пункта, средний между городом и селом.

Формирование урбанонимиконов древнерусских городов строится по единым моделям, но при этом могут находить отражение фонетические, деривационные, лексико-семантические особенности местной речи. Улицы указывали направленность в сторону соседнего или далёкого населённого

пункта (Астраханская, Саратовская, Московская улицы в Царицыне), своё место в городе (Центральная, Крайняя, Полевая улицы во многих городах), занятия жителей (Гончарная, Ткацкая, Торговая улицы в Москве), именовались по храмам, расположенным на них (Варварка, Ильинка, Никольская улицы в Москве), и по другим параметрам.

Традиционно в истории Китая называются четыре великие древние столицы: Пекин, Нанкин, Чанъань (Сиань) и Лоян. В XX веке к ним были добавлены Кайфэн, Ханчжоу и Аньян. Особое место в этом списке занимает Аньян, считающийся самой старой столицей Китая, существовавшей во времена династии Шан (1554-1046 гг. до н.э.). Аньян был столицей государства, находящегося между низовьями Хуанхэ и средним течением Янцзы (10% территории нынешнего Китая).

Сиань стал культурным и промышленным центром с момента основания династии Чжоу в XI веке до н. э. Столицей империи Цинь (秦朝) стал Сяньян, расположенный к северо-западу от современного Сианя, когда император Цинь Шихуанди объединил Китай под своей властью в 221 до н. э. Он построил себе гробницу и Терракотовую армию рядом с Сианем. Император Вэнь из династии Суй сделал столицей город Чанъань, который он переименовал в Дасин (大兴 'большой восторг'). В столице было три части: дворец Сиань, императорский город и город для простых людей. Главная улица Чжуцюэ была шириной 155 м, весь город занимал площадь 84 км², он был в шесть раз больше тогдашнего Рима, в нём проживало около миллиона человек, это был самый большой город мира. Отсюда во II веке до н. э. был проложен Великий шёлковый путь [Мамлева, 1999; Hansen, 2012].

Китайские урбанонимы отражают историю страны и лингвокультурные характеристики языка. В «Книге этикета династии Чжоу» (周礼·考工记) сообщается: «国中九经九纬, 经涂九轨, 环涂七轨, 野涂五轨» – «В столице имеются 9 улиц (дорог) по направлению север – юг, 9 улиц по направлению

восток – запад, каждая улица может параллельно вместить 9 повозок, на окружных улицах могут вместиться 7 повозок параллельно, на сельских дорогах – 5 повозок параллельно» [周礼]. Отсюда очевидно, что в период Воюющих царств (V в. – 221 до н. э.) в Китае уже была уличная система. Но, по мнению китайских ученых Лю Цзяня и Дэн Сяньюя, настоящая уличная система была построена во время династий Тан и Сун [刘佳燕,邓翔宇, 2012, с. 80].

В китайском языке существует несколько иероглифов для обозначения городской улицы: 街 [jiē] ‘улица’, 路 [lù] ‘улица; проспект’, 道 [dào] ‘путь; дорога; линия’, 巷 [xiàng] ‘переулок’, 胡同 [hútòng] ‘переулок; улочка’ [王维国, с. 359, с. 460, с. 139, с. 787, с. 296]. Сюй Шэнь поясняет различия этих слов и иероглифов. Иероглиф 街 обозначает дорогу с удобными путями сообщения; 路 – просто дорога; 道 – дорога, по которой ходят люди [思履, 2019, с. 50, с. 55, с. 48]. Важно отметить, что в разных версиях «Словаря современного китайского языка» не показываются различия между иероглифами 街 и 路, но в сегодняшней коммуникации принято использовать 街 как обозначение улицы по направлению с юга на север, а 路 – по направлению с востока на запад; оба слова обозначают улицу, по которой могут ехать механические транспортные средства. Словом 巷 обозначается более узкая улица. Лексема 胡同 является синонимом слова, обозначаемого иероглифом 巷; оно было заимствовано из монгольского языка от хуттук (письменная речь), хутак (устная речь), худаг (современный монгольский язык) и обозначают улицу, по которой не могут проезжать механические транспортные средства, но могут немеханические [现代词典, с. 1247, с. 465; 史有为, с. 456; 胡方佳, 2011, с. 22].

В 1970-е годы по мере развития и расширения города появились нарицательные имена 大街 [dàjiē] ‘большая улица, проспект’, 大路 [dàlù] ‘большая улица, проспект’ и 大道 [dàdào] ‘большая дорога, шоссе’. Этими

словами (словосочетаниями) обозначаются главные магистрали, которые обычно шире остальных. Появилось также новое обозначение в уличной системе 环路 [huánlù] ‘кольцевая, окружная дорога’, т. е. дорога, построенная вокруг города. Ныне в транспортной системе многих городах широко употребляются номинации: 外环路 [wài huánlù] ‘Внешнее кольцо’, 一环路 [yī huánlù] ‘Первое кольцо’, 北外环路 [běi wài huánlù] ‘Северное внешнее кольцо’ [金红平, 辛鹏, 2018, с. 201].

Рассмотрим некоторые урбанонимы современных китайских городов. Тайюань является одним из древних городов, он был основан в конце периода Чуньцю. Урбанонимы в этом городе разделяют на следующие группы: а) отражающие традиционные фамилии: 智家巷 [zhìjiā xiàng], 陈家巷 [chénjiā xiàng], 崔家巷 [cuījiā xiàng] и т. д.; б) данные в честь конкретных людей: 上官巷 [shàngguān xiàng] (прежнее имя чиновника по фамилии Шао邵官巷 [sháoguān xiàng]), 狄梁公街 [díliánggōng jiē] (в память об известном чиновнике Ди Жэньцзе в династии Тан, Лянгун – его титул после смерти); в) отражающие быт и обычаи: 柴市街 [cháishì jiē] (улица рынка дров); 米市街 [mǐshì jiē] (улица рынка риса); 羊市街 [yángshì jiē] (улица бараньего рынка); 菜市街 [càishì jiē] (улица овощного рынка); 棉花街 [miánhuā jiē] (улица хлопка); 剪子巷 [jiǎnzi xiàng] (переулок ножниц); 帽儿巷 [màoer xiàng] (переулок шапок); г) отражающие природу: 柳巷 [liǔ xiàng] (переулок ивы), по легенде, люди сажали ивы перед каждым домом в память о пожилой женщине, которая спасла Чан Юйцуня (генерала в династии Мин); 柳溪巷 [liǔxī xiàng] (переулок ивы и ручья), по преданию, в период правления династии Сун Чэнь Яоцзо посадил ивы по обе стороны реки Фэньшуй для борьбы с наводнениями, рядом возникла улица; 绿柳巷 [lǜliǔ xiàng] (переулок зеленой ивы). Хотя в городе Тайюань нет морей, мало рек и озёр, однако существует немало названий, связанных с водой: 南海街 [nánhǎi jiē] (улица Южного моря), 水渠巷 [shuǐqú xiàng] (переулок потока); д)

отражающие благоприятные ожидания: 起凤街 [qǐfèng jiē], название возникло из фразы 腾蛟起凤 ‘Водяной дракон воспрянет, феникс отрывается’ из произведения «滕王阁序»); 云路街 [yúnlùjiē], изначально эта улица находилась на дворе, где проводились провинциальные и столичные экзамены в системе государственных экзаменов Кэцзюй, название взято из произведения династии Северной Ци «北史文苑传序» “俱聘龙光, 并驱云路”. В эту группу можно также включить урбанонимы 兴隆街, 永兴路, 永定路, 永宁路 и т.п. [牛汝辰, 2018, с. 200-203].

В последние годы правления династии Южной Сун (1127-1289) появился город Шанхай. Во второй половине XIX века в американском и британском секторах города было создано большое количество улиц, которым дали названия по провинциям, рекам или горам: 山东路 [shāndōng lù] (улица Шаньдун), 四川路 [sìchuān lù] (улица Сычуань), 河南路 [hénán lù] (улица Хэнань), 吴淞路 [wúsōng lù] (улица Усун), 昆山路 [kūnshān lù] (улица Куньшань) и т.д. Как видим, здесь соблюдается универсальный принцип урбанонимообразования.

После 1899 года международный сектор разросся на восток, там появились урбанонимы в честь иностранцев и зарубежных топонимов: 加尔各答路 [jiǎěrgèdá lù] (улица Калькутты), 熙华德路 [xīhuádé lù] (улица имени американского дипломата Джорджа Фредерика Сьюарда) и т. д. После возникновения КНР эти названия были переименованы: улица Калькутты стала 杭州路 [hángzhōu lù] (улица Ханчжоу), улица имени Джорджа Фредерика Сьюарда – улица Чанчжи 长治路 [chángzhì lù] («длительное управление»). Новые названия отражают географию Китая. В районе Янпу, который расположен в северо-восточной части Шанхая, выбираются для урбанонимов названия городов на северо-востоке Китая: 丹东路 [dāndōng lù] (улица Даньдун), 长春路 [chángchūn lù] (улица Чанчунь), 辽阳路 [liáoyáng lù]

(улица Ляоян), 松花江路 [sōnghuājiāng lù] (улица Сунхуацзян) [牛汝辰, 2018, с. 270-271].

Переименования встречаются и в других городах. В Чанчуне нынешний 人民大街 [rénmín dàjiē] (проспект Жэньминь) был неоднократно переименован. Во время японского колониального периода он назывался 长春大街 [chángchūn dàjiē] (проспект Чанчуня), потом был переименован по-японски 中央通 [zhōngyāng tōng], иероглиф 通 соответствует китайскому 大街 [dàjiē]. После окончания Второй мировой войны Советская Армия вошла в Чанчунь, проспект был назван 斯大林大街 [sīdàlín dàjiē] (проспект им. Сталина). В июле 1946 г. гоминьдановская власть заняла Чанчунь и переименовала северную часть проспекта в 中山大街 [zhōngshān dàjiē] (проспект им. Сунь Чжуншаня), южную часть – в 中正大街 [zhōngzhèng dàjiē] (проспект им. Чжунчжэна, 中正 является научным псевдонимом Цзян Цзеша). После освобождения города проспект снова стал называться в честь Сталина, чтобы отразить добрососедские отношения между Китаем и Россией. 1-го мая 1996 года появилось официальное название проспекта 人民大街 (проспект Жэньминь, в этом отражается смысл: «Город вернулся в руки китайского народа») [人民大街].

Улицам присваиваются имена исторических личностей и названия исторических событий: 中山路 [zhōngshān lù] (улица Чжуншаня в честь Сунь Чжуншаня), 逸仙路 [yìxiān lù] (улица Исянь, по прозвищу Сунь Чжуншаня), 黄兴路 [huángxīng lù] (улица Хуан Сина в честь революционера Хуан Сина), 一二八路 [yīèrbā lù] (улица 28-ого января, название в честь события 28-ого января при Сонгху) [牛汝辰, 2018, с. 271].

В КНР также встречаются пожелательные урбанонимы, отражающие чаяния народа: 国顺路 [guóshùn lù] (улица Гуошунь, надежды на удачу страны), 国伟路 [guówěi lù] (улица Гуовэй, надежды великой страны), 民康路

[mínkāng lù] (улица Минкан, надежды на здоровье народа). В последнее время в Китае осознали важность защиты природы, появились названия улиц с пожеланием обладания чистой водой и зелёными горами, голубым небом и белыми облаками: 蓝天路 [lántiān lù] (улица Ланьтянь, улица голубого неба), 明月路 [míngyuè lù] (улица Минюэ, улица яркой луны), 绿荫路 [lǜyīn lù] (улица Люйинь, улица зеленой тени) [там же].

Для обозначения улицы в русской транскрипции помимо литературного цзе [jiē] может использоваться диалектное чтение иероглифа 街 [gai]: *Сытингай*.

3.5. Современные китайские реалии по-русски: лингвокультурные особенности

В русских текстах о Китае, как и о любой другой стране, обязательно должны присутствовать варваризмы и экзотизмы, описывающие предметы и явления китайской действительности, специфические традиции, обычаи, особенности истории, культуры, нравов народа. Помимо транскрипции этих единиц по-русски, встречаются контексты, объясняющие содержание этих слов и словосочетаний, их лингвокультурную специфику. Рассмотрим некоторые области китайской лингвокультуры, отражённые в лексико-фразеологических единицах, которые подвергаются в русском тексте транскрипции и переводу.

3.5.1. Наименования китайских праздников: транскрипция и перевод

Праздник – это многогранное общественное явление, культурный срез жизни человека, который обладает политической, социально-экономической особенностями развития общества [Семашко, 2016, с.371]. Польский исследователь К. Жигульский определяет праздник как «момент социокультурной динамики, когда общество развлекательным (игровым)

способом подтверждает свойственные ему общественные и культурные отношения. Праздник – это один из социальных институтов, который охраняет, пропагандирует и обновляет ценности культуры, вокруг которых общество организует свою сознательную жизнь» [Жигульский, 1985, с. 58].

Китайские праздники формировались уже в доциньский период (до 221 г. до н. э.): Праздник Весны – 除夕 [chúxī], Юаньдань – 元旦 [yuándàn], Праздник фонарей 元宵 [yuánxiāo], Праздник драконьих лодок – 端午 [duānwǔ], и т. д. [韦黎明, 2010, с. 3]. Система китайских народных праздников сложилась исходя из летоисчисления [Семашко, 2016, с. 372]. В Китае пользуются солнечно-лунным календарем (农历 [nónglì]). По лунному календарю отмечаются те даты, которые имеют отношение к традиции, древним церемониям, культам и обрядам [Семашко, 2016, с. 371]. Названия китайских праздников в текстах на русском языке переводятся, транскрибируются или объясняются.

Первое января по лунному календарю в китайской истории называлось Новым годом. В китайском языке для этого праздника используются разные геортонимы: 元旦 [yunádàn], 元辰 [yuánchén], 端日 [duānrì]. Название 元旦 состоит из двух элементов: 元 ‘первый; первоначальный’, 旦 ‘рассвет; утро’ [王维国, с. 911, 131]. В названии 元辰 иероглиф 辰 имеет значение ‘время; день’ [现代词典, с. 130]. Другой геортоним 端日 также состоит из двух элементов: 端 ‘начало; первопричина’, 日 ‘день; число; дата; ежедневно; дневной’ [王维国, с. 168, 598]. Кроме таких названий, в прошлом еще встречались обозначения 元正 [yunázhèng], 元日 [yuánrì], 新年 [xīnnián], 初年 [chūnián] и т.д. Все китайские геортонимы являются синонимическими, обозначая Новый год.

Наиболее общепринятым названием является 元旦 – Юаньдань. После Синьхайской революции 1911 г. название Юаньдань и Новый год стало

употребляться для обозначения первого января по григорианскому календарю [常建华, 2020, с. 6; Сун, 2007, с. 1]. Первый день года по лунному календарю получил название *Праздник Весны* – 春节 [chūnjié], геортоним состоит из двух иероглифов: 春 ‘весна; весенний’ и 节 ‘праздник’ [王维国, с. 107, с. 359]. Обычно этот праздник выражается в русских текстах калькированием. По данным НКРЯ, только в одном публицистическом источнике обнаруживается название *Чуньцзе*, в остальных фиксируется геортоним *Праздник Весны*: *Хотя в Китае он теперь официально переименован в Праздник весны (Чуньцзе), для миллиарда трехсот миллионов жителей Поднебесной именно эти две недели остаются порой новогодних праздников, которые каждая семья непременно должна встречать вместе, под одной крышей* [В. В. Овчинников. Размышления странника (2012) – НКРЯ]

Последний день года, т.е. предшествующий Празднику Весны, называется 除夕 [chúxī]. Название возникло в китайском языке в доциньскую эпоху как обозначение ритуала изгнания нечистой силы. В созданном в царстве Цинь под патронажем Люй Бувэя в III веке до н. э. китайском энциклопедическом тексте эпохи Воюющих царств, «Весны и осени господина Люя» («Люйши чуньцю» – «吕氏春秋·季冬记») предписано, что в последний день каждого года каждая семья должна громко бить по посуде, чтобы изгнать «призрак эпидемии»: «Изгоняйте злых духов и устраняйте зло. Прощайтесь со старостью и с нетерпением ждите нового года в будущем» [余志慧, 2012, с. 1]. Геортоним состоит из двух элементов 除 ‘искоренять; удалять; уничтожать’ и 夕 ‘вечер; вечерний; вечером; ночь; ночью; накануне’ [王维国, с. 98, с. 761].

В 15-й день 1-го месяца по лунному календарю в Китае отмечают *праздник Юаньсяо* (元宵节 [yuánxiāo jié]), который знаменует

окончание Праздника Весны. Его называют также праздник *Шанюань* [shàngyuán jié] или праздник *Юаньси* 元宵节 [shàngxī jié] по даосской религии [Сун, 2007, с. 33]. Китайское словосочетание состоит из трех элементов: 元 ‘первый; первоначальный’, 宵 ‘ночь’, 节 ‘праздник’ [现代词典, с. 1251; 王维国, с. 911, 359]. В эту ночь на улицах и переулках вывешивают разноцветные фонари, данный обычай существует уже со времён династии Западная Хань. Поскольку главным содержанием праздника является демонстрация фонарей, в русском языке этот праздник так и называется: *Праздник фонарей* или *Ночь фонарей* [常建华, 2020, с. 69; Сун, 2007, с. 35]: *Это касается и клейких лепешек, которые полагается класть на алтарь предков в Праздник фонарей, завершающий собой две новогодние недели* [Овчинников, 2003 – НКРЯ]. Впервые этот геортоним в русском тексте обнаруживается в 1853 г. в книге К. А. Скачкова: *Это будет в своем роде «праздник фонарей»* [Скачков, 1958].

Китайская легенда гласит, что это праздник был установлен в 180 г. до н. э. в день провозглашения Лю Хэна (劉恆) императором Западной Хань Вэньди (202-157 гг. до н. э.). Он повелел в честь этого события развесить всюду красные фонари. В 104 году до н. э. при императоре Уди (漢武帝) Праздник фонарей становится государственным. В стихотворной форме этот праздник описан в 91-й главе китайского классического романа XVI в. «Путешествие на Запад» (西遊記). В этот день китайцы едят шарики из муки клейкого риса, в русских текстах о празднике их называют также *клёцками* или *галушками*. Другое название блюда – *таньюань* (汤圆), это словосочетание звучит так же, как «встреча после разлуки», поэтому китайцы верят, что вся семья должна в этот день отведать это блюдо, чтобы быть всегда вместе и жить счастливо. В русском тексте название праздника и

связанные с ним обычаи переводятся, транскрибируются и поясняются с использованием русских аналогов.

В пятый день пятого месяца по лунному календарю в Китае отмечается традиционный народный праздник *Дуань-у* 端午节 [duānwǔ jié], другие названия – 端阳节 [duānyáng jié], 重五节 [chóngwǔ jié], 天中节 [tiānzhōng jié], 龙舟节 [lóngzhōu jié], 诗人节 [shīrén jié], 女儿节 [nǚér jié] и т. д. Как известно, в древнем Китае используются для летоисчисления знаки двенадцатеричного цикла, которые расположены в следующей последовательности: 子 [zǐ], 丑 [chǒu], 寅 [yín], 卯 [mǎo], 辰 [chén], 巳 [sì], 午 [wǔ], 未 [wèi], 申 [shēn], 酉 [yǒu], 戌 [xū], 亥 [hài]. Январь по лунному календарю называется *инь* (寅), май – *у* (午) [徐潜, 张克, 崔博华, 2014, с. 43; 大字典/9, с. 5242], поэтому в названии праздника используется этот иероглиф.

В этот день незамужние дочери красиво одеваются, а замужние могут вернуться в дом своей матери и провести этот праздник со своими родителями, поэтому для дочерей этот праздник является радостным днём. Но главным обрядовым и развлекательным действием в этот день становится состязание в гребле на лодках с изображением драконов [Сун, 2007, с. 107]. Поэтому в русском языке праздник *Дуань-у* называется также *Праздник драконьих лодок*.

В полнолуние 15-го дня восьмого месяца по лунному календарю китайцы отмечают *чжунцюцзе* (中秋节). История этого праздника насчитывает более 3000 лет, он связан с легендой о богине луны Чаньэ-и. Неизменными атрибутами праздника считаются фонари и так называемые лунные пряники. Китайское название состоит из трех элементов: 中 ‘середина; средний; центр; центральный’, 秋 ‘осенний сезон; осень’, 节 ‘праздник’ [王维国, с. 979, 580, 359]. Словосочетание 中秋 впервые

встречается в документе династии Западная Чжоу (1045-771 г. до н. э.) [常建华, 2020, с. 303].

Китай со времён своего основания был большой сельскохозяйственной страной. На восьмой месяц по лунному календарю приходится уборка урожая. Крестьяне приписали заслуги боьгатого урожая богу покровителя земли. Середина осени отмечается как день рождения этого бога, проводится поклонение ему. По мере распространения этого события праздник середины осени постепенно превратился во второй по значимости весенне-осенний праздник в древней императорской ритуальной системе: утром в 15-й день 1-го месяца по лунному календарю поклоняются солнцу, вечером в 15-й день 8-го месяца поклоняются луне [王立浩, 2016, с. 96].

Такое соотношение праздников складывалось постепенно. В IX в. японский посланник при дворе империи Тан буддийский монах Эннин в своём 4-томном дневнике «Запись паломничества в Китай в поисках Закона» («入唐求法巡礼行记») сообщает, что этот праздник отмечают только в Силле – одном из трёх древних корейских королевств [常建华, 2020, с. 306]. Астрономы отмечают, что в 15-й день 8-го месяца по лунному календарю Луна выглядит большой и круглой из-за близкого расположения между ней и Землей. Сложился обычай любоваться красотой спутника Земли в эти дни. Вся семья собирается вместе, чтобы отпраздновать середину осени [王立浩, 2016, с. 95]. В русском языке встречаются два варианта геортонима: *Праздник середины осени* и *Праздник Луны: А в глухих сельских районах односельчане привыкли отмечать день рождения сообщца, в Праздник середины осени* [В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003 – НКРЯ); *Сегодня – второй большой, после Нового года, китайский праздник. Это – праздник Луны. Его празднуют в 15 число восьмого лунного месяца.* (И. И.

Серебренников. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А. Н. Серебренниковых (1932)) [Овчинников, 2003; Ляндрес, 2006 – НКРЯ].

Итак, в названиях традиционных китайских праздников и связанных с ними обычаев, предметов, ритуалов в текстах на русском языке обнаруживаются различные способы введения географического названия в текст: транскрипция, точный или приблизительный перевод, пояснение, использование русских аналогов.

3.5.2. Наименования китайских блюд в переводе и транскрипции

Процесс выращивания, добычи, переработки, приготовления и потребления пищи является необходимым для жизнеобеспечения как отдельного человека, так и всего человечества. Номинации каждого из самостоятельных этапов этого процесса, продуктов, изготавливаемых блюд, мест потребления еды и пр. занимают важное место в лингвокультуре каждого народа, обладают свойствами лингвокультурного кода. «Если код представляет собой знаковую систему, выступающую в определённых функциях, а культурный код – образную систему культуры, рассматриваемую в её знаковом аспекте, то лингвокультурный код – это культурный код, обретший естественное языковое воплощение. Лингвокультурные коды обладают национально-культурной спецификой. Всякий носитель этнолингвокультуры с ранних лет усваивает эти коды вместе с родным языком» [Савицкий, 2013, с. 126].

История китайской кухни начинается во времена неолита. Археологи обнаружили много связанных с кухней культурных реликвий династий Ся, Шан и Чжоу. Были найдены керамические печи, что свидетельствует о том, что китайская культура питания появилась уже в те далёкие времена [马健鹰, 贺芝芝, 孙克, 2011, с. 3; 贺正柏, 2017, с. 3]. Китайцы уделяют большое

внимание еде, создавая не только изысканные блюда красивого вида и приятного аромата, но и обладая уникальными достижениями в области наименований продуктов питания, столовых приборов, этикета потребления пищи, диетотерапии и здравоохранения [乔姣姣, 2016, с. 1].

По различию климатических условий, произрастаемых растений, потребляемых продуктов, особенностей быта китайская кухня подразделяется на 8 видов: а) кантонская; б) анхойская; в) фуцзяньская; г) хунаньская; д) Цзянсу; е) шаньдунская; ж) сычуаньская; з) чжэцзянская кухня [乔姣姣, 2016, с. 3].

Сычуаньская кухня возникла в период существования королевств Ба (巴国) и Шу (蜀国). В связи с условиями жизни и традициями местные жители используют в ходе приготовления еды жгучий перец, особый сычуаньский перец, имбирь и другие острые приправы. Сычуаньская кухня считается очень острой. Фирменными блюдами сычуаньской кухни являются: *мапо тофу* – 麻婆豆腐 [mápo dòufu], *цыпленок гунбао* 宫保鸡丁 [gōngbǎo jīdīng], *хуикуожоу* (тушёное мясо по-сычуаньски) 回锅肉 [huíguōròu] и др. [青闰, 2021, с. 31].

Название *мапо тофу* связано с легендой. По преданию, во времена династии Цин в городе Чэнду был ресторан, владелец которого умер в молодом возрасте, хозяйке пришлось управлять рестораном самой. У нее были оспины на лице, и поэтому ее прозвали Чэнь Мапо ‘рябая старуха’. Она умела прекрасно готовить соевый сыр тофу, который обладал красивым цветом, ярким ароматом и замечательным вкусом. Это блюдо понравилось посетителям ресторана. Приготовленный ею жареный тофу стали называть *Чэнь Мапо тофу*, позже название сократилось до *мапо тофу* [钟辣椒, 2017, с. 76]. Китайское словосочетание состоит из трех элементов: 麻 ‘рябины; оспины; рябой’, 婆 ‘старуха; бабка’ и 豆腐 ‘тофу или доуфу; соевые творог;

бобовый сыр' [王维国, с. 468, с. 543, с. 164]. В китайско-русском словаре, кроме транскрипционного варианта, фиксируются перевод и пояснения: соевый творог (*туфа / доуфу*) острый; острый соевый творог «мапо тофу» по-сычуаньски, жареный со свиным или говяжьим фаршем и перцем в остром соусе) [БКРС].

Происхождение названия блюда *цыпленок гунбао* – 宫保鸡丁 [gōngbǎo jīdīng] также связано с именем человека. В династии Цин был чиновник, которого звали Дин Баочжэнь (1820-1886). Он родился в 1820 г. в провинции Гуанчжоу. Дин Баочжэнь успешно сдал высшие императорские экзамены и в 1860 году был назначен правителем города Юнчжоу (永州) в провинции Хунань, а через 6 лет занял пост губернатора провинции Шаньдун. В 1876 году Дин Баочжэнь был назначен на пост губернатора провинции Сычуань, где прославился реформой административной системы. В 1886 г. он скончался на своем посту. По легенде, Дин Баочжэнь очень любил готовить. Однажды он отправился на озеро Дамин. Во время обеда донесся аппетитный запах из соседнего дома. Губернатор отправился туда и увидел мужчину, готовящего на кухне. Он узнал у мужчины название блюда: 爆炒鸡丁 – курица, жаренная в раскалённом масле. После возвращения в Цзинань, столицу провинции Шаньдун, он нанял этого знакомца домашним поваром. В провинции Сычуань, куда этот домашний повар переехал с губернатором, он усовершенствовал приготовление блюда, включил ингредиенты в соответствии с местным климатом и обычаями Сычуани. После смерти Дин Баочжэня императорский двор в знак признания его заслуг присвоил ему высокий титул *тайцзы тайбао* (太子太保) ‘воспитатель наследного принца’ или по-другому *гунбао* (宫保) ‘опекун наследника престола’. С тех пор его стали называть Дин Гунбао, а его любимое блюдо получило название *цыпленок гунбао* (宫保鸡丁) [康鹏, 2014, 47-49]. Это название состоит из трех

частей: 宫保 – название должности, 鸡 – ‘курица; петух; куриный’, 丁 – ‘мелко нарезанные кусочки мяса’ [王维国, с. 322, с. 157]. В переводном словаре это блюдо названо «цыплёнок гунбао» или «филе кур по-гунбао» [БКРС].

В фучзяньскую кухню входит традиционное блюдо *фотяоцян* – 佛跳墙 [fótiàoqiáng] – ‘Будда, перепрыгивающий через стену’. Его история отражает особенности китайской лингвокультуры, в которой известные поэтические строки становятся основой для словообразования. Существует несколько легенд о происхождении названия этого блюда, наиболее известной из них следующая. Однажды повар ресторана (чайной) с поэтическим названием «Цзюйчуньлоу» («Башня, заточившая весну») приготовил блюдо, которое показалось ему вкусным и приятным. Это блюдо понравилось регулярно здесь обедающим сюоцям, чиновникам с начальной учёной степенью, примерно соответствующей современному бакалавру. Придя ещё раз в ресторан, они заказали снова это блюдо, но его не оказалось. Тогда один из сюоцаев прочитал стихотворение: 坛起荤香飘四邻, 佛问起产跳墙来 – «Благовония от мяса из сосуда разлетелись по округе, и Будда спросил о приготовлении и перепрыгнул через стену» [曾悦, 2017, с. 56]. С тех пор блюдо получило название 佛跳墙, оно состоит из трех элементов: 佛 ‘Будда; буддийский’, 跳 ‘прыгать; подпрыгивать; перепрыгивать; подскокить’ и 墙 ‘стена’ [王维国, с. 230, 697, 564]. В словаре оно переводится как «Будда прыгает через стену» [БКРС]. В русском меню также встречается вариант названия – «Будда перепрыгивает через стену» [Мезенцова, 2022, с. 123]. Данное калькированное название вряд ли понятно русским посетителям ресторана, оно нуждается в разъяснении, в которое должна быть включена отмеченная выше легенда и связанные с ней поэтические строки.

Некоторые китайские исторические документы отмечают, что вино в Китае появилось уже в период правления императоров Яо и Шуня. Археологи обнаружили посуду для хранения вина, которой 5000 лет. В Китае существует культура виноделия – 酒文化 [jiǔ wénhuà], она стала важной частью китайской народной традиционной культуры [杜景华, 1993, с. 1-4]. Китайский иероглиф 酒 [jiǔ] ранее писался как 酉 [yǒu], что похоже на контейнер для хранения вина. Следовательно, это один из древних иероглифов в китайском языке.

Названия вина в Китае разнообразны, они зависят от способов изготовления, исходного виноматериала, ингредиентов, места приготовления и др. Китайские виноделы часто давали своим винам уникальные названия, чтобы способствовать рекламе изделия. Например, название вина «Цяньжицзю» – 千日酒 [qiān rì jiǔ] ‘Вино тысячи дней’ явилось сокращением рекламного лозунга «Приготовленное вино обладает большой стойкостью и опьяняет людей на тысячи дней» [杨恩业, 2003, с. 88-89].

Спиртные напитки в Китае классифицируются в зависимости от способа изготовления: вино, полученное в результате брожения (например, желтое вино); напиток, полученный в результате дистилляции (например, китайский ликер); настойка (например, лечебное вино) [徐茂挥, 古丽丽, 2018, с. 4].

Традиционное рисовое вино *хуанцзю* – 黄酒 [huángjiǔ] является популярным в Китае, его название состоит из двух элементов: 黄 ‘желтый; желтеть’ и 酒 ‘вино; спиртные напитки’ [王维国, с. 307, 380]. К таким винам относится *шаосинское вино* – 绍兴酒 [shàoxīng jiǔ], которое состоит из двух частей: топонима (место производства) и нарицательного: *Я подумал, что это шаосинское вино, по крепости аналогичное японскому sake – 18-20 градусов* [Овчинников, 2003 – НКРЯ].

Есть ещё одно вино, которое тоже делают в Шаосине. По традиции, когда здесь у кого-нибудь рождается дочь, родители делают вино и прячут его, зарывая в землю, а когда их дочь выходит замуж, они выкапывают это вино и угощают гостей. Из-за этого обычая вино получило свое название *нюйэрхун* – 女儿红 [nǚ'ér hóng], которое состоит из двух частей: 女儿 ‘дочь’ и 红 ‘красный; алеть; краснеть’ [王维国, с. 520, 290]. В русских текстах о Китае встречается название *красное вино дочери*, отражающее этот китайский обычай. В данном случае красный цвет символизирует китайскую свадьбу, поскольку новобрачные надевают красную одежду и в доме вешают украшения красного цвета.

Традиционный китайский алкогольный напиток называется *байцзю* – 白酒 [báijǐu] ‘белое вино, белый спиртной напиток’. Его русские, проживающие в пограничье или в самом Китае, называют *ханшина*. Это слово зафиксировано в 1863 г. в дневниках П. А. Кропоткина: *Я уже столько разговоров слышал про эту ханшину, что надо будет непременно расспросить про нее и попробовать; говорят, что из-за нее многие просадили кучу денег, — выпьет 3-4 чашки и на неделю пьян, наутро будто трезв, а выпил чашку чаю... ну и опять пьян* [Кропоткин, 2016, с. 153]. *В Хабаровке на берегу расположены лодки и около них палаточки. Китайцы или манчжуры продают ханшину, сидят, курят, самое для них жительство* [Там же, с. 229].

М. Фасмер считает это слово неясным [ФЭС/4, с. 222]. Писатель Н. Г. Гарин-Михайловский (1852-1906) пытается объяснить его происхождение китайским словом *тходжю* или *ходжю*, однако китайский источник нами не обнаружен: – *Самого главного он вам не показал, – сказал П. Н., – китайскую водку – ханшина, как называют её русские, или ходжю, как говорят китайцы, или тану-сцур по-корейски* [Гарин-Михайлович, 1949, с. 108].

В русском языке имелся и второй вариант названия этого напитка – *ханжа*. Его употребление вспыхнуло в годы Первой мировой войны и революции, судя по контекстам, речь шла о дешёвой самогонке или даже денатурате, на которую было перенесено название китайского напитка. Это было связано с введённым в начале Первой мировой войны в 1914 г. императорским указом о запрещении производства и продажи всех видов алкогольной продукции на всей территории России, в результате чего появился суррогатный алкоголь. В 1915-1917 гг. многие российские газеты («Московская газета», «Вечерняя газета» – Киев, «Раннее утро», «Утро России», «Трудовая копейка», «Петроградский листок», «Новости дня» и др.) пишут об этом напитке, его распространении и вреде: *Ханжа и самогонка расходятся в громадном количестве, несмотря на дороговизну* (Трудовая копейка, 1917. – НКРЯ). В произведениях писателей об этом времени встречается лексема *ханжа*: Б. А. Лавренёв, «Ветер»; Н. Огнев, «Щи республики»; В. В. Розанов, «Апокалипсис нашего времени» и др.

Даже в знаменитую песенку о чижике-пыжике попало название этого напитка:

— *Чижик, чижик, где ты был?*

— *На Фонтанке кофе пил.*

— *Кофе? Кофе? Дудки, брат!*

Пил, наглец, денатурат!

— *Ай, не бейте! Ай, скажу!*

На Фонтанке пил ханжу!

Ни в одном из контекстов нет упоминания о связи слова с китайской реалией. Только профессионал по борьбе с алкоголизмом доктор Александр Мендельсон в популярной брошюре относит новую русскую лексему к китайскому слову в форме мужского рода – *ханшин*: *Из наиболее*

распространенных суррогатов водки следует назвать «ханжус» (исковерканное слово «ханишин», наименование китайской водки), являющегося смесью денатурированного спирта с клюквенным квасом [Мендельсон, 1916, с. 42].

В конце XX – начала XXI в. в русской художественной и публицистической литературе слово возрождается: *Это была ханжа, плохая китайская водка из гаоляна [Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996) – НКРЯ]; Однако на главной вечерней трапезе – ужине из нескольких горячих блюд японской или китайской кухни чаще пьют сорокаградусную рисовую водку, которую наши дальневосточники именуют ханжа [В. В. Овчинников. Размышления странника (2012) – НКРЯ].* В дальнейших исследованиях мы попытаемся определить этимологию этого слова.

Разновидностью байдзю является китайский спиртной напиток *маотай – 茅台酒 [máotái jiǔ].* Он производится в городе Маотай (茅台镇), по которому и получил своё название. История его изготовления прослеживается до истоков в династии Хань [曹丁, 1980, с. 16]. В русской художественной и мемуарной литературе обнаруживается этот экзотизм: *Большой Человек улыбнулся: Я попросил подать нам маотай. Вы не пробовали? <...> Улыбаясь, мы пытались совладать с деревянными палочками и с преувеличенным вниманием пробовали пахучий маотай [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001) – НКРЯ]; В основном, или куртуазно-застольные разговоры, пили водку высшего китайского качества, похожую на «Маотай», но, кажется, дороже, и вино [С. Н. Есин. Дневник (2005) – НКРЯ].* В последнем контексте слово оформляется в кавычках как название напитка.

В русском языке используется слово *гаолян* ‘хлебный злак с высоким стеблем и широкими листьями, разновидность сорго’. В скобках указывается,

что это китаизм: *от китайского каолианг – высокая трава* [БТС, с. 194]. Уточним, что китайское название растения – 高麗 [gāoli]. Это слово известно в русских научных и художественных текстах с 1891 г., в НКРЯ зафиксирован 41 пример в 25 текстах: *Сегодня я с ординарцами ездил за 9 верст в поле собирать гаолян для топлива; так как казенного топлива не выдавали, а близко уже не было, – весь был подобран, то всем приходилось ходить и ездить далеко. <...> Солдаты несли на себе все вещи, валенные сапоги, ватные одеяла и по одному пучку гаоляна для варки чая и обогривания себя на первых порах, пока не привезут гаолян на лошадях* [Ф. И. Шикутц. Дневник (1904) – НКРЯ].

От этого китаизма уже в русском языке возник дериват *гаоляновка*, соответствующий китайскому названию водки 高粱酒 [gāoliang jiǔ] [КТС]. Слово отмечено в НКРЯ в одном источнике: *Харбинское пиво, которое когда-то начали варить в Китае русские, китайская водка-гаоляновка...* [В. О. Авченко, Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015) – НКРЯ].

В связи с существенным отличием русской и китайской кухни, названия китайских блюд и напитков чаще, чем геортонимы, транскрибируются, но, поскольку транскрипции недостаточно для правильного понимания описываемого факта или предмета, обычно в русском тексте даётся пояснение, что это за блюдо или напиток, каковы его ингредиенты, в каких случаях оно готовится и т. п. В некоторых случаях необходим подробный линкокультурологический комментарий возникновения глутонима в языке и культуре китайцев. Гастрономический код китайской лингвокультуры является сложным объектом переводоведческой деятельности.

3.5.3. Китайские термины родства в русском тексте: перевод и транскрипция

В языках всех народов мира имеется группа слов, которая служит для обозначения родственных отношений между людьми, – это так называемые термины родства. Они представляют собой лингвистическое явление и четко определяют коммуникативные и общественные отношения между двумя сторонами общения [Крюков, 1972, с. 3; Цюй, 2017, 43].

Термин 亲属 ‘родня; родственники; родство’ в китайском языке появился уже в документах периода Чуньцю (722-479 гг. до н. э.) [胡士云, 2007, с. 2]. Постепенно складывались наименования родственников различной степени и их прямое и переносное употребление в речи. Эта терминология может быть в китайской лингвокультуре распределена на несколько групп.

1. Термины для обозначения родителей: 父亲 [fùqīn] ‘отец’; 母亲 [mǔ] ‘мать; матушка’; 爹 [diē] ‘папа, отец’; 娘 [niáng] ‘мать; мама’, значение которых соответствует современным обращениям 爸爸 [bàba] ‘папа; отец’ и 妈妈 [māma] ‘мама; мамочка; мамаша; матушка; мать’ [王维国, с. 216, с. 501, с. 156, с. 514, с. 9, с. 468; 现代词典].

2. Термины для обозначения родственников по родительской линии: 伯 [bó] ‘дядя, старший брат отца’; 叔 [shū] ‘дядя, младший брат отца’; 舅 [jiù] ‘дядя, старший или младший брат матери’; 姑 [gū] ‘тетка; свекровь; сестра мужа; тетья по отцу; старшая или младшая сестра отца’; 姨 [yí] ‘тетья со стороны матери; старшая или младшая сестра матери; старшая или младшая сестра жены’; 舅母 [jiùmǔ] или 舅妈 [jiùmā] ‘тетья; жена брата матери’ 婶 [shěn] ‘тетьюшка; тетья; жена младшего брата отца’, 伯母 [bómǔ] ‘тетья; жена старшего брата отца’ [王维国, с. 44, с. 652, с. 383, с., 252, с. 865, с. 626, с.; 现代词典, с. 600, 1053, 387, 1347, 1012].

3. Термины для обозначения братьев и сестер одного поколения: 兄 [xiōng] / 哥哥 [gēge] ‘старший брат’; 弟弟 [dìdì] ‘младший брат’; 姊 [zǐ] / 姐姐 [jiějie] ‘старшая сестра’; 妹妹 [mèimei] ‘младшая сестра’; 嫂子 [sǎozi] ‘жена старшего брата; сестрица’; 弟媳 [dìxí] и его синоним 弟妹 [dìmèi] ‘жена младшего брата; невестка’; 姐夫 [jiěfu] ‘муж старшей сестры; зять’; 妹夫 [mèifu] ‘муж младшей сестры; зять’ [王维国, с. 235, с. 147, с. 362, с. 480, с. 979, с. 362, с. 480; 现代词典, с. 230].

Кроме названий родства по прямой линии, в китайском языке имеются слова для побочной линии. Иероглифы 堂 [táng] и 表 [biǎo] в словаре переводятся как ‘двоюродный’ [王维国, с. 68, с. 38]. В китайском языке у них имеются различия. Иероглиф 堂 имеет значение ‘родственники той же семьи, но не прямые родственники’, т.е. относятся к отношению между собой дядей по отцовской линии, а 表 ‘двоюродная родня, то есть родственник, который относится к отношениям между самим собой и детьми тетей и дядей по линии матери, и детьми тетей по отцовской линии’ [现代词典, с. 1108, с. 71]. Словосочетания 表兄弟 [biǎo xiōngdì] и 堂兄弟 [táng xiōngdì] в русско-китайском словаре переводятся как ‘двоюродный брат’ [там же].

4. Термины родства младшего поколения: 儿子 [érzi] ‘сын’, 女儿 [nǚer] ‘дочь’, 外甥 [wàisheng] ‘сын сестры; племянник’, 外甥女 [wàishengnǚ] ‘дочь сестры; племянница’, 侄子 [zhízi] / 侄儿 [zhíer] ‘сыновья братьев или сверстников мужского пола’, 侄女 [zhínǚ] ‘дочери братьев или сверстников мужского пола’ [王维国, с. 180, с. 520, с. 725; 现代词典, с.1472].

5. Термины родства супругов: в древнем Китае обращения жены к мужу или мужа к жене являются разными вариантами в зависимости от ситуации их употребления: муж – 夫君 [fūjūn] или 夫 [fū] как официальное название ‘муж’, 官人 [guānrén] только в династии Сун, 老爷 [lǎoye] в разговорной речи или употребляется как третье лицо, а сегодня принятое

название – 丈夫 [zhàngfu] (официальное) или 老公 [lǎogōng] в разговорной речи; жена – 夫人 [fūrén] как официальное уважительное обращение со времён династии Тан и до сегодняшнего дня, 妻子 [qīzǐ] – также как официальное обращение и продолжает использоваться до сегодняшнего дня, 娘子 [niángzǐ] в династии Сун, 老婆 [lǎopo] в разговорной речи [王维国, с. 211, с. 428; 现代词典, с. 672; 罗剑平, 2016, с. 37].

Иногда термины родства со значением ‘дядя’ / ‘тетя’, ‘брат’ / ‘сестра’ употребляются как обращения к посторонним людям, как и соответствующие русские слова. Обычно выбор обращения зависит от возраста адресата и адресанта, например, младшие могут назвать представителей старшего возраста 叔叔 или 阿姨, если представители младше их родителей, 嫂, если собеседница является женой знакомого, 大伯, ‘дядя’ или 大娘, 大妈, 大婶 ‘тетя’, если человек, к которому обращаются, старше родителей, 老伯 – если коммуникантам исполнилось 70-80 лет [Цюй, 2017, с. 43-45].

Эти термины в русском тексте при описании китайской действительности используются в форме калькирования, реже – транскрипции, но при этом даётся объяснение в виде перевода или комментария. Необходимо обратить внимание на то, что китайские термины родства сочетаются с фамилией, а не с именем, как в русском языке: *Сестрица Ма, я никогда не видела манго. Какое оно из себя? – допытывалась тетушка Пань* (“马嫂, 这芒果咱也没有见过, 到底是个啥样子!”潘大婶问着) – произведение «Манго» китайского писателя Ли Чжуня [Федоренко, 1988; 李准, 1981, с. 404].

Китайские термины родства переводятся на русский язык обычно путем калькирования. Приведем пример из перевода классического произведения Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» в переводе Владимира Андреевича Панасюка (1924-1990): – *Это твоя старшая тетя, – говорила*

она. – Это – вторая тетя. А вот жена твоего покойного старшего двоюродного брата – госпожа Цзя Чжу (这是你大舅母, 这是二舅母。这是你先珠大哥的媳妇珠大嫂) [Цао, 1995; (清) 曹雪芹, 2015]. В тексте персонаж Цзя Чжу является женой старшего двоюродного брата – 表哥 [biāogē] Линь Дайюя. Её именование в тексте 珠大嫂 [zhū dàsǎo] ‘невестка Чжу’ можно было также обозначить как *тетя*, но при этом могло возникнуть непонимание, поэтому в русском переводе это обозначение опущено.

В текстах о Китае русских авторов могут встретиться транскрипция, как это, например, отмечено в документальном тексте «Мой дневник» (1853) К. А. Скачкова: *Пять чжир его служат в этой страже, а гэгэ его – один из младших начальников* [К. А. Скачков. Мой дневник (1853) – НКРЯ]. Здесь гэгэ передаётся в палладице путем транскрипции, автор ниже комментирует это слово – *старший брат*. Китаизм *чжир* ‘племянник’ отражает не литературное произношением *чжиэр*, а разговорный вариант.

Термины родства необходимы для описания особенностей китайской жизни, отношений между родственниками, они неизбежны в переводном тексте. Тщательная дифференциация китайских родственных отношений, выраженная в номинациях, делает неизбежным использование калькирования и перевода при обозначении этих терминов по-русски. Столь же сложно китайцам понять обобщённое, неразделённое использование русских терминов родства, что заставляет переводчиков вникать в родственные отношения, подбирая подходящий китайский термин. При обращении к незнакомым людям или к собеседникам, не являющимся родственниками, с помощью терминами родства имеются некоторые сходства между двумя лингвокультурами, однако и здесь китайские традиции требуют соблюдения этикета в зависимости от возраста коммуникантов.

Выводы по главе III

Современный китайский язык включают в себя литературный язык (путунхуа) и диалекты (наречия). Они взаимодействуют друг с другом, оказывают влияние друг на друга на всех языковых ярусах. Китайские диалекты разделяются на семь групп: 1) северный диалект (северо-восточный диалект; северо-западный диалект; юго-западный диалект; диалекты Цзянхуай); 2) диалекты группы У; 3) диалекты группы Сян; 4) диалекты группы Гань; 5) диалекты группы Хакка; 6) диалекты Минь; 7) диалекты группы Юэ.

По мере знакомства китайцев с другими странами (прежде всего, европейскими), сотрудничества Китая с живущими в них народами, открытости китайского сообщества появляется стремление записать китайскую речь средствами алфавита. 11 июля 1913 г. был разработан алфавит *чжуинь-цзыму* «алфавит для указания правильного произношения». 23 ноября 1918 г появилась *гоиньфухао*. В апреле 1930 г. *чжуинь цзыму* был переименован в *чжуинь фухао*. Его также именуют *бопомофо* по названию четырех первых знаков. Но эти системы в настоящее время не используются, поскольку они неточно передавали звучание слов китайского языка, а последняя была недоступна для тех, кто не владел китайской иероглифической системой. В период правления династии Цин (XVII-XX вв.) возникла так называемая почтовая романизация (латинизация) китайского языка, которая активно употреблялась для записи китайских топонимов и антропонимов. В 1950-е годы китайскими учёными была разработана система пиньинь (拼音) ‘произносимые звуки’, которая соответствует произношению китайских слов в литературном языке (путунхуа).

Передача китайских названий и нарицательных слов-экзотизмов в русском языке имеет давнюю историю. Первоначально они записывались со

слуха, поэтому наблюдалось существенное искажение записи звучания исходной единицы в текстах. Первая система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1838-1939 гг. Архимандрит Палладий доработал эту систему транскрипции и внес в нее принципиальные уточнения, поэтому в честь него она справедливо стала именоваться палладиевской системой, или палладицей. После орфографической реформы русского языка 1917-1918 гг. уточнения в палладицу были внесены выдающимся советским лингвистом-востоковедом Евгением Дмитриевичем Поливановым (1891-1938) и другими учёными-китаистами СССР.

Правила палладицы устанавливают соответствие букв русской азбуки звукам китайского языка, по ним включаются в русский текст экзотизмы, имена собственными различных разрядов. Однако существует ряд единиц, которые традиционно закреплены в русском языке, отражая диалектное произношение слова. Как правило, эти топонимы были записаны по их звучанию в кантонском (гуандунском) наречии, возможно также влияние европейской традиционной записи: *Пекин*, *Нанкин* (порт. *Requim*, фр. *Rékin*, ит. *Pechino*, *Nanchino*, исп. *Pequí*, *Nankín*, англ., нем. *Peking*, *Nanking*). В почтовой латинизации название этих городов было записано как *Peking*, *Nanking*, эти формы распространились по всему миру. В настоящее время в европейских языках постепенно осуществляется переход записи топонимов на форму, соответствующую пиньиню: англ., нем., фр., порт. *Nanking*. Под влиянием пиньиня и этой новой европейской традиции и в русском языке в художественных и публицистических текстах появляются топонимы *Бэйцзин*, *Наньцзин*. Сходное явление отмечено в топонимах *Гонконг* и *Макао* (*Сянган* и *Аомэнь*) и в антропонимах *Сунь Ятсен* и *Чан Кайши* и др.

Для передачи в русских художественных и публицистических текстах наименований административных органов Китая, названий китайских предприятий, учреждений, обществ и других эргонимов используется калькирование, при этом отмечены полная форма названия и его сокращённый, иногда аббревиурованный вариант. Их употребление в русских и русскоязычных СМИ зависит от того, первый или последующий раз используется в тексте эргоним: его первоначальное употребление, как правило, представлено полным вариантом, а затем используется его аббревиатура или сокращённое название.

Для передачи китайских хоронимов в русском тексте сложилось система полукалек. Китайские названия регионов состоят из топонима в препозиции и административного термина, при переводе на русский язык они меняются местами. Использование при переводе на русский язык китайского административного термина первого уровня 省 [shěng] как *провинция*, а не *область* или *край* (州 [zhōu]) зависит, вероятно, от политического устройства государства: первый используется в китайском тексте как название единицы первого уровня унитарной страны, а второй – для соответствующей единицы государства с федеративным устройством.

В связи с существенным отличием русской и китайской кухни, названия китайских блюд и напитков чаще, чем геортонимы, транскрибируются, но, поскольку транскрипции недостаточно для правильного понимания описываемого факта или предмета, обычно в русском тексте даётся пояснение, что это за блюдо или напиток, каковы его ингредиенты, в каких случаях оно готовится и т. п. В некоторых случаях необходим подробный линкокультурологический комментарий возникновения глутонима в языке и культуре китайцев. Гастрономический

код китайской лингвокультуры является сложным объектом переводоведческой деятельности.

Термины родства необходимы для описания особенностей китайской жизни, отношений между родственниками, они неизбежны в переводном тексте. Тщательная дифференциация китайских родственных отношений, выраженная в номинациях, делает неизбежным использование калькирования и перевода при обозначении этих терминов по-русски. Столь же сложно китайцам понять обобщённое, неразделённое использование русских терминов родства, что заставляет переводчиков вникать в родственные отношения, подбирая подходящий китайский термин. При обращении к незнакомым людям или к собеседникам, не являющимся родственниками, с помощью терминами родства имеются некоторые сходства между двумя лингвокультурами, однако и здесь китайские традиции требуют соблюдения этикета в зависимости от возраста коммуникантов. У данной проблематики большие исследовательские перспективы.

Заключение

Стремительное развитие экономики и глобализации науки и техники приводит к расширению межгосударственных контактов, происходит обмен информацией в различных сферах деятельности, возникают и развиваются возможности для взаимодействия народов всего мира, что позволяет детально ознакомиться с историей, культурой, особенностями политической и экономической жизни разных стран и народов.

Китай и Россия являются соседями. Первые контакты между государствами, тогда ещё не имеющими чётко установленной общей границы, состоялись в 1618 году во время правления династии Мин и начала правления династии Романовых. В XVIII-XIX вв. растёт число русских

людей, побывавших в Поднебесной, и китайцев, приезжавших в Россию, что приводит к увеличению количества, расширению коммуникативных возможностей китаизмов в русском языке. Заимствования китайского происхождения входят в русский словарный запас, они номинируют реалии китайской жизни, а также предметы, пришедшие из Китая и становящиеся частью русской лингвокультуры. В русском языке китаизмы получают грамматические характеристики и фонетическое приспособление, приобретают деривационные единицы и модели, входят в состав фразеологизмов.

В число первых китаизмов в истории русского языка входят слова, которые были заимствованы через тюркское посредничество. Слово *жемчуг* восходит к тюркской лексеме *чиңчи* с добавлением к ней финали *-уг* по модели слов с суффиксом и финалью *-уг/-юг*, тюрки заимствовали китайское слово 珍珠 [zhēnzhū] ‘драгоценный шарик / бисер’. Отметим, что первый звук в русском слове ближе к звучанию китайской единицы, чем к тюркской. Впервые слово было зафиксировано в форме *жьнчюгъ* в 1161 году.

Слово *чай* восходит к севернокитайской лексеме 茶 [chá] с добавлением в ней в конце [i/j], видимо, ещё в тюркском языке, но нужно учесть, что и при заимствовании тюркских слов в русском языке также происходит добавление этого согласного: *Бату* – *Батый*, *баба* ‘дед’ – *бабай* и др.

Слово *книга* появилось в славянских языках в результате заимствования из древнетюркского языка лексемы *küinig*, оно восходит к китайскому слову 卷, которое изменило своё произношение и семантику: [kiɛn/kiuɛn > juàn] ‘свиток’ > ‘книга’.

Шёлк представляет собой символ древнекитайской цивилизации и играет важную роль в сферах экономики, культуры и даже политики и

считается одним из великих изобретений древних китайцев. В русский язык слово *шёлк* пришло в XIII веке через посредничество нескольких языков. Китайское слово 糸 [sī] получило в соседних языках расширение: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. От них в латинский язык в VI веке был образован топоним *Sēres* ‘Страна шёлка = Китай’ пришёл, а затем возникло слово *serico* ‘шёлк’. Его в форме *silki* заимствовали варяги (норманы). Восточные славяне закономерно преобразовали это слово в *шылкъ*.

Слово *женьшень* 人參 [rénshēn] было заимствовано русским языком путём транскрибирования из китайского довольно поздно. Представление о женьшене как лекарственном средстве известно русским с конца XVII века, но сама лексема появилась в русском языке только в конце XIX века. По мере распространения реалии, выращивания женьшеня в различных регионах страны эта лексема получает всё более широкое распространение, появились первые дериваты от неё.

Эти слова вошли в активный словарный запас русского языка и стали основой многих дериватов и фразеологизмов, от некоторых из них в русской лингвокультуре были образованы антропонимы, топонимы и урбанонимы. Они приобрели метафорические и метонимические переносные значения и дополнительные коннотации, стали широко использоваться во всех стилях языка, в разных художественных, публицистических, научных произведениях.

Запись китаизмов в русских текстах XVII-XIX вв. могла существенно отличаться от произношения в китайском языке, была весьма удалённой от реального звучания лексемы в китайском языке, что происходило по следующим причинам: 1) отсутствовали строгие правила транскрипции китайских слов по-русски; 2) с XVIII века в китайском литературном языке (путунхуа) произошли некоторые изменения в произношении слов, а запись

китаизма в книгах и статьях отражает прежнее звучание лексем; 3) в русскую культурную среду попадали книги и статьи, написанные изначально на иностранном языке, а потом переведённые на русский, при переводе могло произойти влияние иностранной транскрипции на оформление китаизма; 4) в китайском языке существуют значительные отличия между разными диалектами, в русский язык как непосредственно, так и через другие языки могло попасть диалектное произношение единицы; 5) из-за особенностей китайской истории и специфики межнациональных отношений в стране некоторые лексемы китайского языка, отражающие важные явления и факты политической, экономической, культурной жизни народа, возникли в маньчжурском и монгольском языках, были заимствованы китайским языком, но нами рассматриваются как китаизмы, поскольку они характеризуют жизнь Китая и китайцев; 6) изменяются правила пунктуационного оформления китайских слогоморфем, ранее они записывались через дефис, а с 1980-х гг., по просьбе китайского правительства, заявленной в ООН, стали писаться в русском языке, как и в других языках, слитно.

Для понимания особенностей семантики китаизмов при их включении в текст на русском языке, функционирования антропонимов, топонимов и других ономастических единиц в русском тексте в работе рассматриваются китайские этнонимы, топонимы, антропонимы и названия титулов, названия династий и девизы правления, храмовые имена представителей Минской и Цинской династий, макаронизмы, кальки названий должностей в императорском дворе и полукальки, с помощью которых они поясняются

Современный китайский язык включает литературную форму – путунхуа (普通话 ‘общепонятный, распространённый, обычный язык’) и диалекты (наречия), которые влияют друг на друга на всех языковых ярусах. Китайские диалекты принято разделять на следующие группы: 1) северный

диалект (северо-восточный диалект; северо-западный диалект; юго-западный диалект; диалекты Цзянхуай); 2) диалекты группы У; 3) диалекты группы Сян; 4) диалекты группы Гань; 5) диалекты группы Хакка; 6) диалекты Минь; 7) диалекты группы Юэ. В тексты XVII-XX вв. было включено значительное число китаизмов, заимствованных из китайских диалектов, прежде всего из кантонского (гуандунского), поскольку контакты европейцев с китайцами осуществлялись через Гуанчжоу (Кантон), куда со времён империи Мин (1368-1644) начали прибывать торговые корабли из Европы и где со временем на выделенном для торговцев участке были построены 13 факторий. Кроме того, заимствования в европейские языки из китайского происходили в Гонконге и Макао, городах интенсивных китайско-европейских контактов. Но всё же большинство китаизмов в русском языке было заимствовано из современного китайского языка (путунхуа) на основе транскрипционных систем пиньиня и палладицы.

До разработки пиньиня китайские ученые и европейские китаеведы попытались создать системы для записи китайских иероглифов. Наиболее известная из них – почтовая романизация китайского языка, созданная британским дипломатом, китаеведом Томасом Фрэнсисом Уэйдом, которая использовалась для записи китайских топонимов и антропонимов при почтовых пересылках.

В России первоначально китайские названия и нарицательные слова-экзотизмы записывались со слуха. Первая система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1838-1939 гг. Архимандрит Палладий внес в эту принципиальные уточнения, поэтому в честь него она стала справедливо именоваться палладиевской системой, или палладицей. Уточнения в неё были внесены после Октябрьской революции Е. Д. Поливановым и другими

востоковедами в связи с реформой русского правописания 1917-1918 гг. Палладица используется для передачи стандартной произносительной нормы китайского языка – путунхуа по-русски и в наши дни.

В русском языке происходит адаптация китайских топонимов и антропонимов. Некоторые из них сохраняют традиционное написание, восходящее к отражению диалектного звучания слова: 北京 – Пекин, 南京 – Нанкин, 香港 – Гонконг, 澳門 – Макао, 孙逸仙 – Сунь Ятсен, 蒋介石 – Чан Кайши и др. Однако постепенно в русский язык вслед за европейскими новациями входят формы этих слов, соответствующие правилам пиньиня и палладицы: *Бэйцзин, Наньцзин, Цзян Цзеши, Сунь Чжуншань* и т. д.

При описании современной жизни Китая в художественных и публицистических текстах часто встречаются калькированные (переводные) названия административных органов, предприятий, учреждений, обществ и пр. Их употребление в русских и русскоязычных СМИ в полном или сокращённом варианте зависит от того, первый или последующий раз они используются в тексте: его первоначальное употребление, как правило, представлено полным вариантом, а затем используется его краткий вариант или аббревиатура: *Центральный комитет Коммунистической партии Китая – ЦК КПК, Всекитайское собрание народных представителей – ВСНП, Государственный совет Китая – Госсовет Китая.*

Для передачи китайских административных терминов и хоронимов, состоящих из топонима в препозиции и стоящего за ним административного термина, в русском языке сложилась система полукалек, суть которой заключается в том, что топоним (хороним) транскрибируется, а термин переводится, при этом они меняются местами. Употребление китайских административных терминов отличается от наименований сходных российских административных единиц. Использование при переводе

административной единицы первого уровня *провинция* (省 [shěng]), а не слов *область* или *край* (州 [zhōu]) зависит, вероятно, от политического устройства государства.

Перспективами нашего исследования является анализ функционирования китаизмов в художественных и публицистических текстах русских писателей-эмигрантов, описывающих жизнь русской диаспоры в Китае. Интерес представляет также перевод и транскрипция китайских слов, используемых в русских и русскоязычных текстах о разбросанных по миру чайна-таунах и о жизни китайской диаспоры в различных государствах. Нуждаются в более детальном описании история фиксации некоторых китаизмов в русских документах XVII-XIX вв., а также детальные и убедительные этимологические разыскания слов китайского происхождения в русском языке.

Список использованной литературы

1. Абдылдаев, Ж. А. Каракитайское государство в Центральной Азии / Ж.А. Абдылдаев, А. Т. Акматалиев, А. К. Зулпукаров // Роль гуманитарных и социально-экономических наук в развитии общества : сб. научных трудов по матер. Междунар. научно-практ. конф. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2019. – С. 6-8.
2. Авдокушин, Е. Ф. Тигр прыгнул, дракон взлетел – проект «Один пояс – один путь»: теория и практика / Е. Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. 2015. № 4. – С. 4–17.
3. Авина, Н. Ю. Калькирование в ситуации этнокультурного взаимодействия / Н. Ю. Авина // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 6. – С. 28-35.

4. Адрианова-Перетц, В. П. Путешествия первой половины XVII в. / В. П. Адрианова-Перетц // История русской литературы: В 10 т. Т. II. Ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 118–126.
5. Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск. 1984. – 275 с.
6. Александрова, Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) / Е. А. Александрова // Аналитика культурологии. — 2011. — №1(19). — С. 230-234.
7. Алимйрзаев, Н. Я. Шелководство в Ставропольской губернии в XIX в. / Н. Я. Алимйрзаев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. Вып. 2. – С. 155-159.
8. Андреева, Р. П. Энциклопедия моды. / Р. П. Андреева // Санкт-Петербург: Литера, 1997. - 416с.
9. Анисимов, А. Л. Дальневосточная политика США в 30–60 гг. XIX века (отношения США с Цинской империей и Японией): Автореф. дисс. <...> д-ра ист. наук / А. Л. Анисимов. Волгоград, 2007. – 85 с.
10. Арапова, Н.С. Кальки // Лингвистический энциклопедический словарь / Н. С. Арапова; Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энцикл., 1990. – С. 211.
11. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае / В.К. Арсеньев. Хабаровск, 1914. – 204 с.
12. Арсеньев, В.К. По Уссурийскому краю / В.К. Арсеньев. Москва: Руда, 2020. – 432 с.
13. Бадигин, К. С. Секрет государственной важности: Повесть / К. С. Бадигин. Москва: Дет. лит., 1966. – 328 с.

14. Бакалдина, Е. В. Чаеторговля на Нижегородской ярмарке / Е. В. Бакалдина // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева: Матер. междунар. научно-практ. конф. «Кяхта: история, наследие, современность», посвящ. 290-летию г. Кяхта. Кяхта: Изд-во Байкал. ин-та природопользования СО РАН, 2018. – С. 4-11.
15. Балли, Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереот. / Ш. Балли. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
16. Башлыкова, Т. А. Были заволжского края: Исторические очерки / Т. А. Башлыкова. – Волгоград: Ком. по печати и инф., 1999. – 264 с.
17. Белинский, В. Г. Славянский сборник Н. В. Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845 / В. Г. Белинский // Отечественные записки. – 1845. Т. ХLI. № 8. Отд. V: Критика. – С. 23-48.
18. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 572 с.
19. Бичурин, Н. Я. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение / Н. Я. Бичурин. Москва: Э, 2016. – 439 с.
20. Бичурин, Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. / Н. Я. Бичурин. – Москва; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. – 334 с.
21. Боровкова, Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам) / Л. А. Боровкова; Отв. ред. А.А. Бокщанин. – Москва: Наука, 1989. – 181 с.
22. Булгакова, О. А. Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликативы языковой картины мира русского и китайского языков / О. А. Булгакова, О. А. Красноборова // Вестник КемГУ. 2016. №1 (65). – С. 160-166.
23. Булгарин, Ф. В. Сочинения / Сост., автор вступ. ст. и прим. Н. Н. Львова / Ф. В. Булгарин. – Москва: Современник, 1990. – 702 с.

24. Бутаков, А. М. Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840-1842, 1856-1858, 1859 и 1860 годах / Послесловие Р. Светлова, перевод приложений Ю. Филиппова / А.М. Бутаков, А.Е. Тизенгаузен. – Москва: АСТ, 2002. – 400 с.
25. Бухарин, М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: Текст, перевод, комментарий, исследования / М. Д. Бухарин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 440 с.
26. Б-в (Бычков, А. Ф.?). Собственноручное письмо Петра Великого / Б-в (А. Ф. Бычков?) // Русский вестник. 1889, январь. [№1]. – С 343-346.
27. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх. // Зарубежная лингвистика. III. Москва, 1999. С. 25-60.
28. Вдовин, И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. / И. С. Вдовин. Москва; Ленинград: Наука, 1965.
29. Верещагин, Е. М. Христианская книжность Древней Руси / Е. М. Верещагин. – Москва: Наука, 1996. – 207 с.
30. Вернадский, Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой / Г. В. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997. – 480 с.
31. Вернадский, Г. В. Монголы и Русь / Г. В. Вернадский. – Москва: Ломоносовъ, 2011. – 506 с.
32. Вехов, Н. В. Живой камень Севера / Н. В. Вехов // Химия и жизнь. – 2020. – №3. С. 46-53.
33. Виноградова, А.Н. Традиционное искусство Востока / А. Н. Виноградова, Т. П. Каптерева, Т. Х. Стародуб. – Москва: Эллис Лак, 1997. – 359 с.
34. Виноградский, Б. Б. Путь чая / Б. Б. Виноградский, В. Югай. Москва: Изд-во Антона Жигульского, 2007. – 158 с.
35. Владимирович, А. Г. Большая топонимическая энциклопедия / А. Г.

- Владимирович. Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: ЛИК. 2013. – 1136 с.
36. Власова, О. А. Эволюция римской магистратуры преторов (367 г. до н. э. – 122 г. до н. э.) / О. А. Власова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №1. С. 28-43.
37. Волконский, М. Н. Сочинения: В 3 томах. Том 3: Мальтийская цепь. «Ищите и найдете». Гамлет XVIII века: Романы / М. Н. Волконский. М.: Терра, 1995.
38. Врадий, В.П. О растениях и древесных породах Дальнего Востока / В. П. Врадий. Санкт-Петербург.: тип. Тренке и Фюсно, 1904. – 16 с.
39. Вышеславцев, А. В. Гон-Конг / А. В. Вышеславцев // Русский вестник. 1860. Т. 28. №7-8, июль-август. – С. 105-161.
40. Вэн, Цзятун. История слова *шелк* в Китае и России / Цзятун Вэн // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 2(45). С. 16-23.
41. Вэн, Цзятун. Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщения о Китае в русских текстах XVII-XIX веков / В.И. Супрун, Цзятун Вэн // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – №4. – С. 14-23.
42. Вэн, Цзятун. Китаизмы в русском переводе китайской сказки «Мохнатая лисичка» / Цзятун Вэн // Царицынские рождественские чтения. Вып. 5 : сб. материалов конференций / под ред. В. И. Супруна. – Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 224-231.
43. Вэн, Цзятун. Наименование китайских реалий в русском тексте: проблемы колькирования (на материале названий органов власти, предприятий, учреждений в русских и русскоязычных СМИ) / Цзятун Вэн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2(165). – С. 227-232.

44. Вэн, Цзятун. Лексема жемчуг в русской ономастике / Цзятун Вэн, В. И. Супрун // Nazwy własne w przestrzeni wielokulturowej : XXII Międzynarodowa i Ogólnopolska Konferencja Onomastyczna, Rzeszów, 14–16 октября 2021 года. – Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski, 2021. – С. 149-151.
45. Вэн, Цзятун. Слово *женьшень* в русской и китайской культурах / Цзятун Вэн // Вопросы краеведения : матер. XXXII Волгоградских областных краеведческих чтений (с международным участием), посвященных 800-летию со дня рождения князя Александра Невского, Волгоград, 01-31 января 2021 года. – Волгоград: ГКУ ВО ЦИМТО, 2021. – С. 308-313.
46. Вэн, Цзятун. Слово жемчуг в русской поэзии и его китайские корни / Цзятун Вэн // Неофилология. – 2021. – Т.7. – № 27. – С. 536-544.
47. Вэн, Цзятун. Сопоставительный анализ ономастических реалий русского и китайского языков с точки зрения калькирования (тематическая группа названия провинциальных административных территорий) / Цзятун Вэн // Ономастика Поволжья: матер. XIX Междунар. научной конф., посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.; науч. ред.: Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун; сост.: П. А. Якимов. Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. – С. 34-38.
48. Вэн, Цзятун. Урбанонимические традиции России и Китая: взгляд сквозь века / Цзятун Вэн, В. И. Супрун // Урбанонимические традиции России и Китая: взгляд сквозь века [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2022. № 3 (11). С. 136–149.
49. Вэн, Цзятун. Функционирование слова жемчуг в русском языке / Цзятун Вэн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2(155). – С. 122-127.

50. Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / А. Гакстгаузен. Т. 1. – Москва: Тип. А.Н. Мамотова и К°, 1870. – XXII + 490 с.
51. Галенович, Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши / Ю. М. Галенович. — Москва: Муравей, 2000. — 368 с.
52. Гарин-Михайлович, Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). Сокращенное издание / Н. Г. Гарин-Михайлович. Москва: Гос. изд-во геогр. литер., 1949. – 404 с.
53. Гессе-Вартег, Э. фон. Китай и китайцы: Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / Э. фон Гессе-Вартег – Санкт-Петербург: Изд-е А. Ф. Девриена, 1900. – 380 с.
54. Головкин, Б.Н. О чём говорят названия растений / Б. Н. Головкин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Колос, 1992. – 191 с.
55. Государственное управление и государственная служба за рубежом: Курс лекций / Под общ. ред. В.В. Чубинского. Санкт-Петербург.: Образование-Культура; изд-во СЗАГС, 1998. – 272 с.
56. Гревингк, К. И. Путешествие на полуостров Канин : С прил. ст. Ф.Н. Чернышева, А.П. Карпинского и С.Н. Никитина : Чит. в заседании Физ.-мат. отд. 8 мая 1891 г / [Соч.] К. И. Гревингка. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1891. – 74 с.
57. Григорьев, В. С. Вклад китаевода Н. Я. Бичурина в формирование преемственности традиций просвещения народов России // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов XII Международной научно-практической конференции / В. С. Григорьев. Казань : Издательство «Фэн» АН РТ, 2019. С. 137–145.
58. Гумилёв, Л. Н. Хунну в Китае: три века войны Китая со степными

- народами III-VI вв./ Л. Н. Гумилёв. Санкт-Петербург: Абрис, 1994. – 272 с.
59. Гун, Лэй. Процесс и результаты лексического взаимодействия русского и китайского языков: Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. / Лэй Гун – Уфа, 2018. – 28 с.
60. Гусарова, Е. В. Зачем Петру I нужен был шёлк / Е. В. Гусарова // Петровское время в лицах – 2003. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 37-43.
61. Гуськов, А. Г. Великое Посольство Петра I: Источниковедческое исследование /А. Г. Гуськов; Отв. ред. Н. М. Рогожин. Москва: ИЦ ИРИ РАН, 2005. – 400 с.
62. Данилова, Ю. Ю. Этнолингвокультурные стереотипы в русских народных сказках о животных / Ю. Ю. Данилова, Л. Б. Бубекова, Э. Р. Ибрагимова // Вестник ТГГПУ. 2020. №4 (62). – С. 21-28.
63. Дацышен, В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи: монография / В. Г. Дацышен. - Москва: Проспект, 2017. – 192 с.
64. Дацышен, В.Г. История русско-китайских отношений (1618-1917 гг.): учебное пособие / В. Г. Дацышен. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – 260 с.
65. Дацышен, В.Г. «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки / В. Г. Дацышен. // Общество и государство в Китае. 2017. № 22-1. – С. 635-648.
66. Демидова, Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае : ("Роспись" И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова) / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников ; [Предисл. Л. И. Думана] ; АН СССР. Ин-т народов Азии. Центр. гос. архив древних актов. - Москва : Наука, 1966. – 159 с.
67. Добронравов, В. Г. Историко-статистическое описание церквей и Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской

- епархии. Вып. 4: Меленковский, Муромский, Покровский и Судогодский уезды / В. Г. Добронравов. – Владимир : Типолитограф. В. А. Паркова, 1897 – 588 + VIII с.
68. Друянов, В. А. Рыцарь факта: Книга об академике В. А. Обручеве / В. А. Друянов. Москва: Знание, 1984. — 160 с.
69. Дубровская, Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). – М.: Крафт+; Ин-т востоковедения РАН, 2001. – 251 с.
70. Дубровская, Д. В. Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. / Д. В. Дубровская. Москва: Институт востоковедения РАН, 1998. – 202 с.
71. Дудченко, Л. Г. Пряно-ароматические и пряно-вкусовые растения: справочник / Л. Г. Дудченко, А. С. Козьяков, В. В. Кривенко; Отв. ред. К. М. Сытник. Киев: Наукова думка, 1989. – 304 с.
72. Ежов, В. В. Мифы Древнего Китая / В. В. Ежов; [Предисл. и коммент. И. О. Родина] / В. В. Ежов. Москва: Астрель; Аст, 2004. – 495 с.
73. Женьшень – корень жизни. Москва: РИПОЛ классик, 2005. – 64 с. (Здоровье и красота).
74. Жигульский, К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога : справочник / К. Жигульский. Москва: Прогресс, 1985. – 336 с.
75. Жизнь растений : В 6 т. Т. 5, часть 2 / Гл. ред. А. Л. Тахтаджян. Москва: Просвещение, 1981. – 512 с.
76. Журавлев, Ю.Н. Araliaceae: женьшень и другие / Ю. Н. Журавлев, А. С. Коляда. Владивосток: Дальнаука, 1996. – 280 с.
77. Завьялова, О. И. Гоюй // Духовная культура Китая. Т. 3: Литература. Язык и письменность / Ред. М. Л. Титаренко, С. М. Аникеева, О. И. Завьялова, М. Е. Кравцова, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, В. Ф. Сорокин. Москва:

- Вост. литер., 2008. – С. 696-698.
78. Завьялова, О. И. Диалекты китайского языка / О. И. Завьялова. Москва: Научная книга, 1996. – 207 с.
79. Завьялова, О. И. Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира / О. И. Завьялова // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. – С. 130-138.
80. Земская, Е. А. Современный русский язык: Словообразование / Е. А. Земская. Москва: Просвещение, 1973. – 304 с.
81. Земская, Е.А. Современный русский язык: Словообразование: учеб. пособие. / Е. А. Земская. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта; Наука, 2011. – 328 с.
82. Земская, Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская.. М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 681 с. (Studia philologica).
83. Зитте, К. Художественные основы градостроительства / К. Зитте; Пер. с нем. Я. А. Крастиныш. Москва: Стройиздат, 1993. – 255 с.
84. Златкин, И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. Москва: Изд-вл вост. литер., 1957. – 300 с.
85. Иакинф (Бичурин Н. Я.). О произношении букв, входящих в состав китайских звуков / Н. Я. Бичурин // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXI. 1839, март. Отд. VII. Новости и смесь. С. 9-12.
86. Иакинф, архимандрит [Бичурин]. Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. Пекин : Пекин. духов. миссия, 1908. XVI, 118 с.
87. Иванов Б. Ю. История Отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь / Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, Куксина Е. И. и др. Москва: БРЭ, 1999. – 639 с.
88. Иванов, П.М. Гонконг. История и современность / П. М. Иванов. — Москва: Наука, Гл. ред. вост. литер., 1990.

89. Иванникова, А. Г. Сравнительный анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов русского и китайского языков / А. Г. Иванникова, А. А. Казарян, У. В. Хоречко // Молодой учёный. 2015. №4. – С. 733-738.
90. Илюшечкин, В. П. Крестьянская война тайпинов / В. П. Илюшечкин. – Москва: Наука, 1967. – 394 с.
91. Инструкция по русской передаче географических названий Китая / Сост. Я. А. Миропольский; Ред. Г. Е. Тихонова. – Москва: Наука, 1983. – 132 с.
92. Иринаина, О. И. Изучение биохимического состава и лечебных свойств растения кипрей узколистный (иван-чай) / О. И. Иринаина, С. А. Елисеева // Ползуновский вестник. 2021. №2. – С. 44-54.
93. Как не заблудиться в китайских словарях : начальный уровень : современный комплексный подход к самостоятельному изучению любого иностранного языка / [сост. М. А. Шеньшина]. - Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. - 119 с.
94. Каковкина, Е. Н. Шпаргалка по конституционному (государственному) праву России. Москва: Аллель, 2009. – 83 с.
95. Карамзин, Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. IX-X / Н. М. Карамзин. – Москва: Юрайт, 2017. – 252 с.
96. Карасенко, Е.А. Введение в переводоведение: Учебное пособие / Е. А. Карасенко. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. – 250 с.
97. Каримова, Р. Х. Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков / Р. Х. Каримова // Политическая лингвистика. 2005. №16. — С. 169-176.
98. Кароматов, И. Д. Кипрей узколистный, Иван-чай / И. Д. Кароматов, Н. И. Тураева // Биология и интегративная медицина. 2016. № 6. – С. 160-169.
99. Кафаров, П. И. Заметки архимандрита Палладия о путешествии в Китай

казака Петлина / П. И. Кафаров // Записки восточного отделения
русского археологического общества. Том IV. Вып. I-IV. Санкт-
Петербург, 1892.

100. Кирюхина, Л. В. Китайская грамматика Н. Я. Бичурина:
ретроспективный взгляд / Л. В. Кирюхина // Мир русскоговорящих стран.
2020. – № 3 (5). – С. 74–86.
101. Кистенев, В. В. Возникновение шелкоткацких и суконных предприятий
в Среднем и Нижнем Поволжье при Петре I / В. В. Кистенев // Вестник
Самарского гос. ун-та. 2007. №5/1(55). – С. 57-62.
102. Комиссаров, С. А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди: Учеб.
пособие для студ. отд. востоковед. / С. А. Комиссаров, О. А. Хачатурян.
Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – 216 с.
103. Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени») / Пер. и примеч.
Н. И. Монастырева. Исслед. Д. В. Деопика и А. М. Карапетьянца. Москва:
Вост. литер., 1999. — 351 с.
104. Концевич, Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском
тексте / Л. Р. Концевич. – Москва: Муравей, 2002. – 262 с.
105. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в
системе языка. Изд. 2-е. / М. М. Копыленко, З. Л. Попова. Москва: URSS,
2010. – 190 с.
106. Крюков, М. В. Система родства китайцев : (эволюция и
закономерности) / М. В. Крюков ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им.
Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1972. – 327 с.
107. Коряков, Ю. Б. Создание практических транскрипций для
южнокитайских тополектов / Ю. Б. Коряков // Ученые записки
Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. –
№ 5. – С. 101-110.

108. Косоруков, А.А. Великий шелковый путь в конкурентном пространстве мировой политики / А. А. Косоруков, Е. В. Барто // Национальная безопасность / nota bene. 2019. № 2. – С.191-211.
109. Костырченко, Г. Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР / Г. Костырченко. Москва: РОССПЭН. 2009.
110. Кравцова, М. Е. Нянь хао // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко. Т. 2: Мифология. Религия / М. Е. Кравцова. Москва: Восточная литер., 2007. – С. 540-541.
111. Краснов, А. Н. Гонь-Конгъ // Азия: Иллюстрированный географический сборник, составленный А. А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым, С. Чефрановым / Изд-е магазино «Книжное дело» / А. Н. Краснов. Москва: Тип. Т-ва Н. Н. Кушнерев и К°, 1900. – С. 68-74.
112. Кропоткин, П.А. Сибирские тетради (1862-1866) / П. А. Кропоткин. Москва: Common place, 2016. – 347 с.
113. Круглый стол «Экономический пояс шелкового пути: реальность и перспективы»: материалы / Ред.-сост. к.п.н. Н.К. Семёнова // Восточная аналитика. 2018. – №3. – С. 7-119.
114. Крузенштерн, И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению Его Императорского Величества Александра Первого на кораблях «Надежде» и «Неве» / И. Ф. Крузенштерн. Санкт-Петербург: Москская тип., 1809. – 388 с.
115. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. 2002. №6. – С. 27-34.
116. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография: учебное пособие / Л.П. Крысин. – 2-е изд., испр. – Москва: Академия, 2013. – 239 с.

117. Кукушкина, С. М. Влияние глобализации на суверенитет государств с различной формой государственного устройства / С. М. Кукушкина // Марийский юридический вестник. – 2013. – №10. – С. 36-40.
118. Курдюков, И. Ф. Из истории русско-китайских отношений: (1695-1720 гг.) / И. Ф. Курдюков // Исторический архив, 1957. – № 3. – С. 174-184.
119. Кычанов, Е. И. История, приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. / Е. И. Кычанов. Санкт-Петербург: Петерб. лингв. об-во, 2010. – 364 с. (Nomadica).
120. Кычанов, Е. И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) / Е. И. Кычанов // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – Москва: Наука, 1993. – С. 148–149.
121. Лазарчук, А. Г.. Посмотри в глаза чудовищ : [Фантаст. роман] / А. Г. Лазарчук, М. Успенский. – Москва : Эксмо-Пресс, 2001. – 539 с.
122. Лапин, П. А. Школа русского языка при Дворцовой канцелярии в Цинском Китае (начало XVII – вторая половина XIX в.) / П. А. Лапин // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2009. № 3. – С. 103–126.
123. Лапин, П. А. Первая школа русского языка в Китае / П. А. Лапин. – Москва: Вост. лит., 2009. – 125 с.
124. Лау, Сиуджау. Встречи с великим Лениным / Сиуджау Лау // Воспоминания о Ленине. Т. 5. Москва: Изд-во полит. литер., 1985. – С. 230-234.
125. Лау, Сиу-Джау. Мохнатая лисичка (из китайских сказок о Лисе-чародейке) / Сиу-Джау Лау // Огонёк. 1916, 6(19) марта. – №10. – С. 12-14.
126. Лев Диакон. Книга 9 // Он же. История / Пер. М.М. Копыленко; отв. ред Г.Г. Литаврин / Лев Диакон. – Москва: Наука, 1988. – С. 82-90.

127. Ли, Сяонань. К истории шёлка в Китае и его распространения в Россию по Великому шёлковому пути / Сяонань Ли, Н. В. Мартынова // Новые идеи нового века: матер. междунар. научной конф. Т.1. – Владивосток: Изд-во ТОГУ, 2010. – С. 470-475.
128. Лукичев, М. П. Алмаз Иванов // "Око всей великой России" : Об истории рус. дипломат. службы XVI - XVII вв. / М. П. Лукичев. Москва: Междунар. отношения, 1989. – С. 92-108.
129. Люстров, М. Ю. Шведский перевод «Росписи Китайскому государству» И. Петлина / М. Ю. Люстров // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. № 2-2. – С. 261-267.
130. Мадиева, Г. Б. Проблемы урбанонимики / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Теория и методика ономастических и дериватологических исследований: Коллект. монограф.: Памяти Р. Ю. Намитоковой / Науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. Майкоп: Магарин О. Г., 2017. – С. 139-146.
131. Мамлева, Л. А. Становление Великого шёлкового пути в системе трансцивилизационного взаимодействия народов Евразии / Л. А. Мамлев // Vita Antiqua. 1999. № 2. – С. 53-61.
132. Манакина, Н. М. Образование прилагательных от интернациональных топонимов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Манакина – Одесса, 1989. – 19 с.
133. Мартынов, А. С. Девизы правлений китайских императоров (нянь-хао) / А. С. Мартынов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Ч. 1. Москва: Глав. ред. восточ. литер., 1977. – С. 78-84.

134. Маслов, Е. Н. Ручное ткачество / Е. Н. Маслов // [электронный ресурс] // URL: https://www.bogorodsk-noginsk.ru/narodnoe/4_promysly2.html
135. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. [с кит.], и коммент. В. С. Таскина; ответ. ред. Н. Ц. Мункуев. Москва: Наука, 1984. – 487 с.
136. Мацаев, С. А. Пособие по транскрипции и правописанию китайских слов / С. А. Мацаев, В. Г. Орлов. – Москва, 1966.
137. Мезенцова, А. Д. Об этимологии названий блюд китайской кухни / А. Д. Мезенцова // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – №285-5. – С. 121-124.
138. Мендельсон, А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства: Доклад Противоалкогольному совещанию Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова в Москве / А. Мендельсон. Петроград: Гос. тип., 1916. – 55 с.
139. Мерцалова, М. Н. Поэзия народного костюма. 2-е изд., перераб. и доп. / М. Н. Мерцалова. – Москва: Мол. гвардия, 1988. – 222 с.
140. Мироненкова, Л. С. Чай и его влияние на культуру повседневности России / Л. С. Мироненкова // Молодёжь в науке и творчестве: Матер. междунар. науч. форума обучающихся: сб. научных статей. Гжель: Изд-во Гжел. гос. ун-та, 2017. – С. 556-558.
141. Михельсон, А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней: Сост. по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. / А. Д. Михельсон. Москва: Изд-е книгопродавца А. И. Манухина, 1865. – 718 с.
142. Молчанов, Л. Л. Боярин Миша – предок новгородских феодалов Мишиничей / Л. Л. Молчанов // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1988: Тез. докл. науч.-практ. конф. / [Отв. ред. В. В. Седов]. – Псков: Б. и.,

1989. – С. 103–105.
143. Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О. Т. Молчанова. Горно-Алтайск: Алтайск. кн. изд-во, Горно-Алт. отд., 1979. – 395 с.
144. Мясников, В. С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина / публ. и вступ. ст. / В. С. Мясников // Советское китаеведение. – 1958. № 1. – С. 146-152.
145. Нейман, К. Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 гг. / Пер. П. В. Голубкова; К. Ф. Нейман. – Москва: Тип. В. Готье, 1848. – II + 183 с.
146. Нейман, К. Ф. Современное положение Китая и его отношение к союзникам / К. Ф. Нейман // Русский вестник. – 1858. Т.16. - № 12. – С. 313-340; № 13 (июль, кн. 1) – С. 3-26; № 15 (август, кн. 1). – С. 233-246; № 16 (август, кн. 2). – С. 337-364.
147. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 т. Т. 2 / Н. А. Некрасов. Ленинград: Наука, 1981. – 447 с.
148. Непомнин, О. Е. История Китая: эпоха Цин: XVII – начало XX века / О. Е. Непомнин. – Москва: Вост. лит., 2005. – 712 с.
149. Никандрова, Т. Е. Экзотическая лексика русского происхождения в сочинении А. Олеария о Московии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. Е. Никандрова. Москва, 2015. – 24 с.
150. Нин, Яньхун. Китайские эмигранты в России и распространение ими марксизма (на примере приграничных городов Китая) / Яньхун Нин, Хунлян Сюй // Россия и АТР. 2015. №3 (89). – С. 154-163.
151. О подделке и подмеси чаев и обманах по чайной торговле // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3: июль-сентябрь. Москва: Унив. тип., 1860. – С 212-222.

152. Обручев, В. А. От Кяхты до Кульджи : Путешествие в Центр. Азию и Китай. [1892-1894 гг.] / В. А. Обручев. – Москва ; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1940 (Тарту). – 236 с. (Научно-популярная сер.)
153. Обручев, В. А. Центральная Азия. Северный Китай и Наньшань: отчет о путешествии, совершенном по поручению Русского географического общества в 1892-1894 гг. Т. 1: Путевые дневники, касающиеся Восточной Монголии, провинций Чжили, Шаньси, Шеньси и Ганьсу, Ордоса, Алашаня и Восточного Наньшаня. Т. 2: Путевые дневники, касающиеся Центральной Монголии, Джунгарии и горных систем Бэйшаня, Наньшаня, Восточного Тянь-шаня и Цзинлишаня / В. А. Обручев; Изд-е Имп. Рус. геогр. о-ва под ред. И.В. Мушкетова. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1900-1901. С. 631 + 689 с.
154. Овчинников, В. В. Калейдоскоп жизни / В. В. Овчинников. - Москва : Рос. газ., 2003. – 287 с.
155. Островский, А. В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству / А. В. Островский // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2. – С. 8-12.
156. Очир, А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов / Пер. с монг. Норовсамбуу Хишигт / А. Очир. – Элиста: КИГИ РАН. 2016. – 286 с.
157. П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение: Матер. конф. / Под ред. А.Н. Хохлова. В 3 ч. Москва: Наука, 1979.
158. Паламарчук, Л.С. Українсько-російський словник / Л. С. Паламарчук, Л. Г. Скрипник. Київ. Наукова думка. 1986. – 940 с.
159. Палладий, арх. (преосв.). Русское поселение в Китае в первой половине XIV века / Палладий // Духовная беседа. 1863. Т. XVIII. №27. – С. 368-370; Живая старина. 1894. №1. – С. 65-67.

160. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья, половина вторая. 1772 и 1773 годов. Перевёл Василий Зуев / П. С. Паллас. – Санкт-Петербург: Импер. акад. наук, 1788. – 480 с.
161. Петров, В. П. Российская духовная миссия в Китае / В. П. Петров. Вашингтон. 1968.
162. Петрова, И. А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2001. – 16 с.
163. Плетнева, Л. М. Орнаментация керамики из объектов поселения Шеломок II / Л. М. Плетнева // Вестник Томского государственного университета. 2018. №436. – С. 175-183.
164. Плодоводство в России: Исследования и материалы. Вып. XIII: Плодоводство в Астраханской губернии / Сост. В. В. Пашкевич. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1911. – XX + 387 с.
165. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 667 с. (Литературные памятники).
166. Погосян, Л. Р. Российско-китайские отношения XVIII века / Л. Р. Погосян // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 33. – С. 83–87.
167. Покровский, Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году: (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.) / Ф. И. Покровский. Санкт-Петербург: Тип. Импер. акад. наук, 1914. – 48 с.
168. Пострелова, Т.А. Академия живописи в Китае в X-XIII веках / Т. А. Пострелова. Москва: Наука, 1976. – 240 с.

169. Пришвин, М. М. Жень-Шень / М. М. Пришвин // Он же. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. Москва: Худ. лит., 1983. – С. 5-78.
170. Путешествие в Китай сибирского козака Ивана Петлина в 1620 году // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. Часть вторая. – Санкт-Петербург: Тип. И. Иоаннесова, 1818. – С. 211-246 (сплошная пагинация с первой частью).
171. Путешествия венецианца Марка Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с дополнениями Августом Бюрком, с дополнениями и поправками Карла Фридриха Неймана; Пер. с нем. А. Н. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1861. Кн. 3, 4. 1862. Кн. 1, 2, 3, 4.
172. Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августом Бюрком / С доп. и поправками Карла Фридриха Нейманна; Пер. с нем. А. Н. Шемякина. – [Москва, 1862]. – IV + 528 с.; – Москва: Унив. тип., 1863. – IV + 529 с.
173. Рифтин, Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: Устные и книжные версии «Троецарствия» / Б. Л. Рифтин. Москва: Наука, 1970. – 482 с.
174. Рогов, А.П. Шереметьев и Жемчугова / А. П. Рогов. Москва: Вагриус, 2007. – 272 с.
175. Росси, А. Архитектура города / пер. с ит. А. Голубцовой. 2-е изд. / А. Росси. Москва: Strelka press, 2015. – 262 с.
176. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений Лукин А.В. (ред.) Москва: Весь Мир, 2013. – 704 с.

177. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подг. А.Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е.Е. Левкиевская. – Москва: Ладомир, 2002. – 970 с.
178. Руммель, В. В. Жемчужниковы / В. В. Руммель // Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Том 11а. Санкт-Петербург: Типолитография И. А. Ефрона, 1894. – С. 858.
179. Русско-китайские отношения в XVII в.: Матер. и док. В 2 т. Т. 1: 1608–1683 / [Сост. М. Б. Давыдова, В. С. Мясников; отв. ред. С. Л. Тихвинский]. – Москва: Наука, 1969. – 611 с.
180. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1: 1700-1725 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – Москва: Наука, 1978. – 703 с.
181. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752 - 1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2011. - 429 с.
182. Савельев, Н. Я. Пётр Кузьмич Фролов: Жизнь и деятельность новатора русской техники XIX века / Под ред. Д. И. Абрамовича / Н. Я. Савельев. – Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1951. – 144 с.
183. Савицкий, В. М. Порождение речи: дискурсивный подход / В. М. Савицкий. – Самара: Изд-во ПГСГА, 2013. – 226 с.
184. Санькова, С. М. Обучение М. Н. Каткова в Берлинском университете как переломный момент в становлении его мировоззрения / С. М. Санькова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2008. №12. – С. 21-26.
185. Сахаров, И.П. Сказания русского народа. Том второй. Кн. 5-8 / И. П. Сахаров. – Санкт-Петербург: Тип. Сахарова, 1849. – 224 с.
186. Сборник договоров с Китаем 1689-1881 гг. Санкт-Петербург: Тип. ИАН,

1889. – 271 с.

187. Семашко, Н. В. Китайские праздники: история и современность / Н. В. Семашко // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы развития : Сб. науч. трудов по итогам межвуз. научно-практ. конф. преподавателей и аспиранов: в 2-х томах. Том 1. – Хабаровск, Тихоокеанский государственный университет, 2016. – С. 371-378.
188. Семёнов, В. В. Преторианские когорты: модель и практика / В. В. Семёнов // *Para bellum*: журнал (Санкт-Петербург). 2001. № 12: Война и военное дело в античности. Специальный научный выпуск. – С. 103-119.
189. Сергеев, М. С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее / М. С. Сергеев. Москва, 2003. – 214 с.
190. Серебренников, И. И. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. Том I: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919—1934) / Сост., вступительная статья, подготовка текста, биографический словарь и комментарии А.А. Хисамутдинова; Общ. ред. С.М. Ляндреса / И. И. Серебренников. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 448 с.
191. Серен, Е. А. Эмиграция норманнов в Византию и «Тагмы франков» (XI в.) / Е. А. Серен // *Античная древность и средние века*. Вып. 32. – Екатеринбург, 2001. – С. 163-174.
192. Скачков, К.А. Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца / отв. ред. П. Е.Скачков / К. А. Скачков. Москва : Изд-во вост. лит., 1958. – 360 с.
193. Смирнов, А. Е. Козьма Прутков / А. Е. Смирнов. - Москва : Молодая гвардия, 2011. – 405 с.
194. Соколова, Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника

- (реконструкция и интерпретация первоначального текста) / Л. В. Соколова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1993. – С. 229-255.
195. Сребродольский, Б. И. Жемчуг / Ответ. ред. Н. А. Созинов / Б. И. Сребродольский. – Москва: Наука, 1985. – 136 с.
196. Станюкович, К. М. Собр. соч. в 10 томах / К. М. Станюкович. Москва: Правда, 1977.
197. Стеблин-Каменский, М. И. История скандинавских языков / Отв. ред. акад. В. Ф. Шишмарёв / М. И. Стеблин-Каменский. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953. – 340 с.
198. Строев, П.М. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного камергера и кавалера графа Фёдора Андреевича Толстова / П. М. Строев. – Москва: Тип. С. Селивановского, 1829. – XXIV + 592 с.
199. Судаков, Г. В. Названия любимого человека в вологодских частушках / Г. В. Судаков // Вестник Череповецкого университета. 2016. №6(75). – С. 111-120.
200. Сун, Чжаолин. Традиционные праздники Китая в иллюстрациях / Глав. ред. Не Чженьнин; пер. Ли Фанчжуна / Сун Чжаолин, Ли Лулу. 西安 [等]: 世界图书出版西安公司, [2007]. – 206 с.
201. Суперанская, А.В. Словарь географических названий : правильное написание и склонение, образование прилагательных / А. В. Суперанская. – Москва : АСТ-Пресс, 2013. – 205 с.
202. Супрун, В. И. Происхождение и функционирование русских урбанотерминов / В. И. Супрун // Филологические исследования. Вып. XIV. Киев: Изд. дом. Дм. Бураго, 2015. – С. 145-157.

203. Супрун, В. И. Славянские языки в современном Китае / В. И. Супрун, Цзинлинь Ван // Универзитетска славистика: традиције, савремено стање, перспективе / Уредник д-р Ксенија Кончаревић. – Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017. – С. 313-325.
204. Супрун, В. И. Этнонимия русско-китайского пограничья в художественном тексте (на материале повести В.К. Арсеньева «Дерсу Узала») / В. И. Супрун, Юйлян Ся // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: Сб. матер. конф. Волгоград: Фортекс, 2017. – С. 196-207
205. Сыма, Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, под общ. ред. Р. В. Вяткина. Вступ. ст. М. В. Крюкова. Изд. 2-е, исправ. и доп. / Цянь Сыма. – Москва: Изд. фирма «Вост. литер.» РАН, 2001. – 415 с. (Памятники письменности Востока. XXXII, 1).
206. Таскин, В. С. «История государства киданей» как исторический источник / В. С. Таскин // Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В. С. Таскина. Москва: Наука, 1979. – С. 8-40.
207. Тверской, Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века: Планировка и застройка русских городов / Под ред. Н. Б. Бакланова / Л. М. Тверской. Ленинград; Москва: Гос. изд-во литер. по строит. и архитект., 1953. – 214 с.
208. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. / М. Н. Тихомиров. Москва: Госполитиздат, 1956. – 477 с.
209. Устрялов, Н. В. История царствования Петра Великого. Том III: Путешествие и разрыв с Швециею / Н. В. Устрялов. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отдел. импер. канцелярии, 1858. 652 + 9 с.
210. Ферсман, А. Е. Очерки истории камня. В 2 т. Т. 1 / А. Е. Ферсман. –

Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – 304 с.

211. Фишер, И. Е. Рассуждение о разных именах Китайского государства и о ханских титулах / И. Е. Фишер // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1756, октябрь. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1756. – С. 307-323.
212. Фишер, И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и Профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттинского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. академии наук, 1774. – 631 с.
213. Харченко, В. А. Чай со слониками: повести, рассказы / В. А. Харченко. Москва: Время, 2018. – 318 с.
214. Хомич, Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев / Л. В. Хомич. Ленинград: Наука, 1976.
215. Хохлов, А. Н. Китаист П. С. Попов и его первая лекция в Петербургском университете / А. Н. Хохлов // Общество и государство в Китае: XXX научная конф. Москва: Вост. литер., 2000. – С.136-149.
216. Цао, Сюэцинъ. Сон в красном тереме. В 3 т. Т.1 / Сюэцинъ Цао. Москва; Художественная литература; Ладомир, 1995.
217. Цзюй, Хайна. Женьшень – корень жизни / Хайна Цзюй, Л. Л. Крючкова // Глобальный научный потенциал. 2019. №8(101). – С. 99-101.
218. Цюй, Юян. Прагматический анализ терминов родства в русском и китайском языках / Цюй Юян // Научное мнение. – 2017. – № 12. – С. 43-46.
219. Чжоу, Югуан. Модернизация китайского языка и письменности / Югуан Чжоу // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII.

- Языкознание в Китае / Пер. с кит.; сост., общ. ред., вступ. ст. М. В. Софронова. Москва: Прогресс, 1989. – С. 376-398.
220. Чеботарев, Г. Н. Муниципальное право Российской Федерации: Учебно-метод. комплекс / Г. Н. Чеботарев, М. А. Черепанов, А. А. Шишкин. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001.
221. Чэнь, Пэйцзюнь. Лингвистическое комментирование как один из способов этнографического описания в трудах о. Иакинфа (Бичурина) / Пэйцзюнь Чэнь // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). – С. 157-164.
222. Чэнь, Пэйцзюнь. Отец Иакинф (Бичурин) в современном Китае / Пэйцзюнь Чэнь // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. – С. 256–263.
223. Чубаров, И.Г. Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс, один путь» / И. Г. Чубаров // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). – С. 45-58.
224. Шабалов, А. С. Происхождение уйгуров, ойратов (калмыков) и других телэских племен XVIII в. до н. э. — XIV в. н. э. / А. С. Шабалов. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. техн. ун-та, 2014. – 248 с.
225. Шавкунов, Э. В. Новое о самоназвании киданей / Э. В. Шавкунов // Эпиграфика Востока: Сб. статей под ред. В. А. Крачковской. Вып. XV. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. – С.147-148.
226. Шатравка, А. В. Проблема перевода китайских имен собственных в произведениях современных китайских писателей (на примере произведений Лао Шэ) / А. В. Шатравка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2010. № 8. – С. 108–112.
227. Шимов, В. Н. «Экономический пояс Шёлкового пути» как транспортный маршрут и глобальный проект развития / В. Н. Шимов, А.

- А. Быков // Белорусский экономический журнал. 2019. № 2. – С. 4-14.
228. Эстрада России. XX век: энциклопедия / отв. ред. Е. Д. Уварова. - Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – 861 с.
229. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая / [пер. с кит. И. Лубо-Лесниченко; отв. ред. и авт. послесл. Б. Л. Рифтин]. 2-е изд., испр. и доп. / Кэ Юань. Москва: Наука, 1987. – 526 с.
230. Юркин, И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641-1716 / Ответ. ред. В. Н. Захаров / И. Н. Юркин. Москва: Наука, 2007. – 558 с.
231. Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. Москва: Индрик, 1997. – 408 с.
232. Яковлева, П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года / П. Т. Яковлева. Москва: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
233. Bergeron, P. Traite des Tartares, de leur origine, païs, peuple, moeurs religion, guerres, conquêtes, empire, & son etenduë: de la suite de leurs Chamset Empereurs; Etats & Hordes diversesjusqu' aujourd'hui. Le toutrecueilli de divers auteurs; memoires, & relations antiques & modernes / P. Bergeron. – Paris: Michel Soly, 1634.
234. Brockey, L. M. Journey to the East : the Jesuit mission to China, 1579–1724 / L. M. Brockey. Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2007. — XII + 496 p.
235. Chao, Yuen Ren. Language and Symbolic Systems / Yuen Ren Chao. Cambridge: At the University Press, 1968.
236. De Pina-Cabral, J. Between China and Europe: Person, Culture and Emotion in Macau / J. De Pina-Cabral. Oxford; Providence: Berg Publishers, 2002.
237. DeFrancis, J. The Chinese Language: Facts and Fantasy / J. DeFrancis. Honolulu: University of Hawaii Press, 1984. 330 p.
238. Dickerhof, H. Neuman, Karl Friedrich / H. Dickerhof // Neue Deutsche

- Biographie / Generalredaktor Dr. Fr. Menges. Band 19. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – S. 147-148.
239. Fan, Lizhu. The Cult of the Silkworm Mother as a Core of a Local Community Religion in a North China Village: Field Study in Zhiwuying, Baoding, Hebei / Lizhu Fan // *The China Quarterly: Journal for Study of China* (London). 2003 (Jun.). No. 174: Religion in China Today. P. 350-372.
240. Finlay, R. The Voyages of Zheng He: Ideology, State Power, and Maritime Trade in Ming China / R. Finlay // *Journal of the Historical Society*. 2008. Vol. 8, no. 3. – P. 327-347.
241. Fischer, I. E. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen / I. E. Fisher. – Saint-Petersburg: Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1768. – 2 + 10 + 536 S.
242. Fontana, M. Matteo Ricci. Un gesuita alla corte dei Ming / M. Fontana. Milano: Mondadori, 2005.
243. Hansen, V. The Silk Road: A New History / V. Hansen. Oxford: Oxford University Press, 2012. – 320 p.
244. Hao, Zhidong. Macau History and Society / Zhidong Hao. Hong Kong University Press. 2011.
245. Harris, L.J. «A Lasting Boon to All»: A Note on the Postal Romanization of Place Names, 1896–1949 / L.J. Harris // *Twentieth-Century China*. – 2009. 34(1). – P. 96–109.
246. Haxthausen, A. Studien ueber die inneren Zustaende, das Volksleben und insbesondere die laendlichen Einrichtungen Russlands. 1-2 Bd. / A. Haxthausen. Hannover. 1847.
247. Hofmann, J. B. Etymologisches Wörterbuch des Griechisches / J. B. Hofmann. München: Verlag von R. Oldenbourg, 1950. – 543 S.
248. Hoffmann P. Anton Friedrich Büsching (1724-1793): Ein Leben im Zeitalter

- der Aufklärung. Berlin: Spitz, Cop. 2000. - 322 S.
249. Hummel, A. W. Eminent Chinese of the Ch'ing period. Vol. II / A. W. Hummel. Washington: US Government Preinting Office, 1944. P. 605-1101 (unified pagination).
250. Králik, L'. Stručný etimologický slovník slovenčiny / L'. Králik. – Bratislava: Veda, 2015. – 702 s.
251. Krischke, W. Was heißt hier Deutsch? Kleine Geschichte der deutschen Sprache / W. Krischke. – München: Beck, 2009.
252. Lovell, J. Opium War: Drugs, Dreams and the Making of China / J. Lovell. – Basingstoke; Oxford: Picador, 2011. – 458 p.
253. Masson, D. The Life of John Milton narrated in connexion with the political, ecclesiastical, and literary history of his time. Vol. 6 / D. Masson. – London: Macmillan and Co, 1880. – 840 p.
254. Milton, J. A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of Several Eye-witness / J. Milton. – London: printed by M. Flescher, for Brabazon Aylmer, 1682. – 109 p.
255. Morton, W. S. Japan: Its History and Culture / W. S. Morton. New York: McGraw-Hill Professional, 2005.
256. Minford, J. Whose Strange Stories? P'u Sung-ling (1640-1715), Herbert Giles (1845-1935), and the Liao-chai chih-yi / J. Minford, Man Tong // East Asian History (Canberra,Australia). 1999, June/December. N. 17/18. – P. 1-48
257. Neumann, K. F. Russland und die Tscherkessen / K. F. Neumann. – Stuttgart und Tübingen: Cottasche Buchhandlung, 1840. – 154 c.
258. Neumann, K. F. Geschichte der Afghanen / K. F. Neumann. Leipzig, 1846.
259. Okakura Kakuzo. The Book of Tea / Kakuzo Okakura. New York: Daffield & Co, 1906. – 160 p.

260. Richthofen, F., von. Über die zentralasiatischen Seidenstrassen bis zum 2. Jh. n. Chr. / F. von Richthofen // Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin / Herausgegeben von Dr. G. von Boguslawski. 1877. B. IV. No 5 u. 6. – S. 96-122.
261. Richthofen, F., von. China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. 5 Bänder. Bd. 1 / F. von Richthofen. – Berlin: D. Reimer, 1877. – XLIV + 758 S.
262. Smith, D. The Pearl: A True Tale of Forbidden Love in Catherine the Great's Russia / D. Smith. — New Haven: Yale University Press, 2008.
263. Snow, D. Cantonese as Written Language: the Growth of a Written Chinese Vernacular / D. Snow. – Hong Kong: University Press, 2004. – 308 p.
264. Strong, D. A History of the Jesuits in China 1842-1954 / D. A. Strong. Adelaide : ATF Press Publishing, 2018. – Vol. Two: The Wider European Adventure. – XVII + 387 p.
265. Theobald, U. Xiwangmu 西王母, the Queen Mother of the West / U. Theobald // China Knowledge. Tübingen, 2010.
266. Wakeman, F. The Great Enterprise: The Manchu Reconstruction of Imperial Order in Seventeenth-Century China / F. Wakeman. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 1985.
267. Wang, Dongjie. Guanhua, Guoyu, and Putonghua: Politics and “proper names” for standard language in modern China / Dongjie Wang // Chinese Studies in History. 2016. Vol. 49. № 3. – P. 152-174.
268. [Waugh, D. C.] Richthofen's “Silk Roads”: Toward the Archaeology of a Concept (From the Editor's Desktop) / [D. C. Waugh] // The Silk Road: The Bridge between Eastern and Western Cultures (Saratoga, CA, USA). Summer 2007. Vol. 5 No 1. – P. 1-10.
269. Wilkinson, E. Chinese History. A Manual. 2nd. revised edition / E.

- Wilkinson. Harvard: Harvard University Press, 2000. 1100 p. (Harvard-Yenching Institute Monograph).
270. Wong, J. Y. *Deadly dreams: opium, imperialism, and the Arrow War (1856–1860) in China* / J. Y. Wong. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998. – XX + 542 p.
271. Wu, Zhiliang. "The Evolution of Spellings of 'Macau': An Examination of Early Portuguese and Western Archival Materials" / Zhiliang Wu, Guoping Jin // Wong, Katrine K.; Wei, C.X. George (eds.). *Macao – Cultural Interaction and Literary Representations*. Routledge. 2014. – P. 147–168.
272. Yan, M.M. *Introduction to Chinese Dialectology* / M. M. Yan. — Münch., 2006.
273. 鲍明. 大清国号词源词义试探. 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 2005 (02), 页码 23-28.
274. 暴希明. 篇、卷、册和中国古代书籍制度的变迁. 安阳师范学院学报, 2006, (001), 页码 91-92.
275. 曹丁. 茅台酒的历史沿革——《茅台酒考》选载之二. 酿酒科技, 1980: 页码 16-21.
276. 常建华. 中国古代岁时节日. 北京: 中国工人出版社, 2020.
277. 陈祁薇茜, 郭强, 赵婧, 罗爱华. 普通话教程. 北京: 北京工业大学出版社, 2009.
278. 陈泽平. 福州方言研究. 福州: 福建人民出版社, 1998.
279. 杜景华. 中国酒文化. 北京: 新华出版社, 1993.
280. 冈夫. 茶文化. 北京: 中国经济出版社, 1995.
281. 高乃尧, 宋睿, 白彩香. 普通话教程. 镇江: 江苏大学出版社, 2017.
282. 葛剑雄. 中国历代疆域的变迁. 中共中央党校出版社, 1991.
283. 顾祖禹. 读史方輿纪要. 卷十八. 1692
284. 郭璞. 玄中记. 北京: 商务印书馆, 1930.

285. 贺正柏. 中国饮食文化. 北京: 旅游教育出版社, 2017.
286. 侯岚. 浅谈“中国”称谓的词义. 人间, 2016, 第 213 卷(18): 283-284.
287. 胡阿祥. 为“吾国”说“吾名”——中国历代国号名号及域外对中国的称谓. 环球人文地理, 2020, (12):11.
288. 胡方佳. 城市道路命名规范化初探. 中国地名, 2011. 页码 22-23.
289. 胡士云. 汉语亲属称谓研究. 北京: 商务印书馆, 2007.
290. 黄世明. 契丹王朝的绝唱. 中外文摘. 2016 (14), 第 70 页 - 第 71 页.
291. 金红平, 辛鹏. 长春市街道名称语言特点探析. 青年与社会. № 35. 2018. 页码 200-201.
292. 姜文才. 我国省级行政区域的历史沿革 // 考试 (高考文科版). 2007. 页码 44-45.
293. 康慨. 中国历史上的上中东南西北“六京”. 黑龙江史志, 2014, 页码 6-7.
294. 康鹏. 晚清重臣丁宝楨与宫保鸡丁的起源. 家禽科学, 2014. 页码 47-49.
295. 李建国. 中国狐文化. 北京: 人民文学出版社, 2002.
296. 李新魁. 中古音. 北京: 商务印书馆, 1991.
297. 李行健. 普通话和方言. 上海: 上海教育出版社, 1985.
298. 李准. 李准小说选. 成都: 四川人民出版社, 1981.
299. 凌云白毫茶品种研究 / 林朝赐, 叶平楠主编. — 南宁: 广西科学技术出版社, 2015. 409 页
300. 刘兵华. 南京为什么又叫“石头城”? . 中华活页文选: 初一年级版, 2017: 56-57.
301. 刘佳燕, 邓翔宇. 权力、社会与生活空间——中国城市街道的演变和形成机制. 城市规划, 2012: 80-84+92.
302. 刘秀丽. 浅谈人参文化的价值. 人参文化研究. 长春: 时代文艺出版社. 1992. 页码 98-106.
303. 罗剑平. 称谓与亲属. 哈尔滨: 黑龙江美术出版社, 2016.
304. 罗新. 京畿直隶总督署. 科学大观园. 2011, 页码 36-37.

305. 马健鹰,贺芝芝,孙克奎. 中国饮食文化史. 上海: 复旦大学出版社, 2011.
306. 莫银燕. 中华茶文化. 长春: 吉林人民出版社, 2017.
307. 娜日苏. 蒙古族的茶文化. 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 2019, 第45卷(4):19-26.
308. 宁艳红. 十月革命对旅俄华侨的影响. 黑龙江工程学院学报, 2017, №. 31(5): 66-69
309. 牛汝辰. 中国文化地名学. 北京: 中国科学技术出版社, 2018.
310. 乔姣姣. 中华美食. 合肥: 黄山书社出版社, 2016.
311. 青闰. 饮食文化. 合肥: 中国科学技术大学出版社, 2021.
312. 人钧. 泰来县志. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1992.
313. 任维德. 中国现代化进程中民族发展的政治经济分析: 内蒙古大学出版社, 2006.
314. 单之蔷. 江南到底在哪里?. 文史博览, 2013, 页码 34.
315. 司马迁. 史记(第一册). 延吉: 延边人民出版社, 1999.
316. 宋存洋. 长城. 合肥: 黄山书社, 2014.
317. 孙丽岭. 中俄文化交流发展过程及影响. 长江丛刊, 2017(7): 88-89.
318. 孙文采, 王嫣娟. 中国人参文化. 新华出版社. 北京. 2011. 268 页.
319. 孙煜莹. 中国“狐狸”形象变化背后的性别歧视. 《文教资料》, 2016:1-3.
320. 陶德臣. 砖茶究竟产生于何时. 中国茶叶. 2018, 40(06): 70-72
321. 童娟. 珠江流域概况及水纹特性分析. 水利科技与经济, 2007. №1. C. 31-33.
322. 汪思源. 一生要读的国学经典. 赤峰: 内蒙古科学技术出版社, 2018.
323. 王德富. 谈谈人参文化. 人参文化研究. 长春: 时代文艺出版社. 1992. 页码 73-86.
324. 王冀青. 关于“丝绸之路”一词的词源. 敦煌学辑刊. 2015. №2. 页码 21-26
325. 王建柱. 钓鱼台国宾馆背后的故事. 党史纵览. 2017. №6. 页码 13-16.

326. 王俊中. “满洲”与“文殊”的渊源及西藏政教思想中的领袖与佛菩萨. 中央研究院近代史研究所集刊. №28. 1997. 页码 93-132 [электронный ресурс]
// URL: http://www.wuys.com/xz/Article_Show.asp?ArticleID=7316
327. 王立浩. 中国传统节日. 北京: 北京教育出版社, 2016
328. 王鹿鸣. “Tibet”或“Xinjiang”—关于“西藏”英译的讨论 // 西藏研究. 2014.
№5. 页码 102-106
329. 韦黎明. 中国节日. 北京: 五洲传播出版社, 2010.
330. 吴双福. 黑龙江名字的由来. 科技信息(山东), 2012, 页码 113.
331. 邢声远. 丝绸的故事. 济南: 山东科学技术出版社. 2019. 133 页
332. 徐波, 李惠文, 雷家恒等. 中外文学名著简介. 长春: 吉林人民出版社,
1980.
333. 徐茂挥, 古丽丽. 小日子先生, 你的酒. 青岛: 青岛出版社, 2018.
334. 徐潜, 张克, 崔博华. 中国传统节日. 长春: 吉林文史出版社, 2014.
335. 徐昶荃, 张克勤, 赵荟菁. 文化丝绸. 苏州: 苏州大学出版社, 2016. 190 页.
336. 杨昌敏. 谈茶的发现和茶的历史. 《遵义科技》, 2014. – 页 27-28.
337. 杨多杰. 茶的品格. 上海: 上海交通大学出版社, 2020.
338. 杨恩业. 从多角度看中国酿酒的历史进程与文化情结. 东方美食: 学术
版, 2003: 页码 88-98.
339. 杨晓东. 蒋介石这样变成“常凯申”. 新世纪周刊, 2009, (19): 页码 94-96.
340. 尹斌庸, Felley M. Chinese Romanization: Pronunciation & Orthography: 汉语拼音和正词法. – 北京: 外文出版社, 1990. – 598 с.
341. 于海阔. 北京到底是 Beijing 还是 Peking? // 咬文嚼字. 2016. 页码 9-11.
342. 余志慧. 中国节日. 合肥: 黄山书社, 2012.
343. 袁世硕. 蒲松龄. 天津: 新蕾出版社, 1993.
344. 曾悦. 传统名菜 " 佛跳墙 " 的由来. 健康, 2017. 页码 56-57.
345. 张福山. 哈尔滨文史资料 第 20 辑 哈尔滨文史资料 哈尔滨文史人物录.
中国人民政治协商会议黑龙江省哈尔滨市委员会文史资料委员会, 1997.

346. 张海明. 解读《聊斋志异》中的“狐”形象. 哈尔滨学院学报, 2020, 第 41 卷(6):76-77.
347. 张俊. 我国的行政区划 // 地理教育. 2012. №7-8. 页码 39
348. 张维华, 孙西. 清前中俄关系. – 济南: 山东教育出版社, 1997. – 359 页
349. 中国文明史编辑部. 《中国文明史·宋辽金时期·金代·〈第三章·由盛转衰的金代军事〉》. 台北: 地球出版社, 1992 年: 第 1787 页—第 1800 页.
350. 钟辣椒. 麻婆豆腐的由来. 烹调知识, 2017
351. 周黛. 中国行政区划改革历史回顾 // 产业与科技论坛. 2010. T.9. №4. 页码 38-41
352. 周有光. 汉语拼音 文化津梁. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2007.
353. 朱亮. 中国古代地方行政区划制度的变迁 // 合肥师范学院学报. 2015. T.33. №5. 页码 57-60
354. 《讷河县志》编纂委员会. 讷河县志. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1989.
355. (汉) 许慎著; 思履编著. 全彩图解说文解字. 南昌: 江西美术出版社, 2019.
356. (清) 曹雪芹. 红楼梦. 南昌: 二十一世纪出版社, 2015.03.
357. (清) 张廷玉. 《明史·艺文志序》, 《明史》卷二十一. 北京: 中华书局. 1974
358. (清) 张廷玉. 《明史·艺文志序》, 《明史》卷二十四. 北京: 中华书局. 1974

Список словарей и энциклопедий

1. БКРС. [электронный ресурс] // URL: <https://bkrs.info/>
2. БСРП – Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

3. БСЭ – Большая советская энциклопедия. Том 1-51. 2-е изд. / Глав. ред. 1-7 тт. – С. И. Вавилов, 8-51 тт. – Б. А. Введенский. – Москва: Большая сов. энциклопедия, 1949-1958.
4. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
5. БТФС – Большой толково-фразеологический словарь русского языка / М. И. Михельсон. Москва: ЭТС, 2005. — 2205 с.
6. ВУФС – Универсальный фразеологический словарь русского языка / Под ред. Т. Волковой. Москва: Вече, 2000. – 464 с.
7. ГС – Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 2-е, стер. / А. А. Зализняк.– Москва: Рус. яз., 1980. – 880 с.
8. ГЭС – Географический энциклопедический словарь: географические названия / Гл. ред. А. Ф. Трёшников. – 2-е изд., доп. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – С. 346. – 592 с.
9. КСГН – Комков, А. М. Словарь географических названий зарубежных стран. 3-е изд. перераб. и доп./ А. М. Комков. – Москва: Недра, 1986. – 459 с.
10. КСК – Куликов, Б. Ф. Словарь камней-самоцветов / Б. Ф. Куликов. – Ленинград: Недра, 1982. – 159 с.
11. КТС – Крысин, Л. П. Толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – Москва: Русский язык, 1998.
12. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. изд-е 2-е, исправ. и доп. Москва: Русский язык. / Глав. ред. А.П. Евгеньева. В 4 т. Т. 1. – Москва: Рус. яз., 1981. – 698 с.
13. МРС – Лувсандэндэв, А. Монгольско-русский словарь : Около 22 000 слов / А. Лувсандэндэв, Н. Наван-Юндэн, Ш. Цэвэг ; Под общ. ред. А.

- Лувсандэндэва ; Ком-т наук Монгол. Нар. Республики. - Москва : ГИС, 1957. - 715 с.
14. НКТС – Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – Москва : Мысль, 1966. - 509 с.
 15. ПГНМ – Поспелов, Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. 2-е изд., стер. / Е. М. Поспелов. – Москва : Русские словари; Астрель; АСТ. 2002. - 512 с.
 16. ПСИС – Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. [4-е изд.] / М. Попов. – Москва: Изд-е т-ва И.Д. Сытина, 1911. 458 с. (1-е изд., 1904, 2-е изд. 1906, 3-е изд. 1907).
 17. ПЭС – Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. / А. Г. Преображенский – Москва: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910-1914. – 674 с.
 18. СД - Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. Москва: ГИИНС, 1955-1956.
 19. СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.
 20. СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) в 10 т. / Глав. ред. Р.И. Аванесов. Т. III. – Москва: Русский язык, 1990. – 511 с.
 21. СЕ – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. / Т. Ф. Ефремова. Москва: АСТ; Астрель, 2006.
 22. СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков / под ред. О.С. Мжельской. Выпуск 1. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 334 с.

23. СоСРЯ – Словообразовательный словарь русского языка / И. В. Елынцева, И. Л. Копылов; под ред. А. А. Лукашанца. Минск: Тетра Системс, 2010. – 527 с.
24. СОШ – Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
25. СРЛИ – Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имён. – Москва: Школа-пресс, 1995. – 733 с.
26. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 25 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Ленинград: Наука, 1990. – 352 с. Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 9. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1972. – 362 с. Вып. 11. 1976. – 364 с. Вып. 13. 1977. – 358 с.
27. СРОТ – Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Ответ. ред. А. В. Суперанская / Н. В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.
28. ССДРЯ – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Том первый. Ч. 1-2. Репринтное изд-е. / И.И. Срезневский. – Москва: Книга, 1989. – 1420 с.
29. ССРЯ – Словарь сокращений современного русского языка / Сост. Г. Складревская. Москва: Эксмо, 2004. – 448 с.
30. СтСС – Цейтлин, Р. М. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. Москва: Русский язык, 1994. – 842 с.
31. СЭС – Семёнова А. В. Этимологический словарь русского языка. / А. В. Семенов. - Москва: ЮНВЕС, 2003. – 703 с.

32. ТНСС – Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка: для всех, кто хочет быть грамотным / А.Н. Тихонов. – Москва: АСТ, 2014. – 639 с.
33. ТРАН – Плужников, В. И. Термины российского архитектурного наследия : Словарь-гlossарий / В. И. Плужников. Москва : Искусство, 1995. - 160 с.
34. ФЭС – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд., стер. / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986-1987.
35. ЧИЭС – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка В 2 т. – 3-е изд., стереотип. / П. Я. Черных. – Москва: Рус. яз., 1999.
36. ЧСИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. – Санкт-Петербург: Изд-во В.И. Губинского, [1910]. – X + 676 с.
37. ШБЭС – Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. Москва: Прозерпина, 1994. – 400 с.
38. ШИШ – Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – Москва: Просвещение, 1971. – 542 с.
39. ЭЛ – Энциклопедический лексикон. – Т. 6. – Санкт-Петербург : тип. А. Плюшара, 1836. – 551 с.
40. ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Т. 1. Вып. 5. Москва: Изд-во МГУ, 1973.
41. BSE – Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. Warszawa: Wiedza powszechna, 1970. 806 с.

42. HOED – Harper, D. Online Etymology Dictionary // http://www.etymonline.com/abbr.php?allowed_in_frame=0
43. JSHS – Jurančič, J. Srpskohrvatsko-slovenski slovar. 2. razširjena izd. / J. Jurančič. – Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1972. – 1320 s.
44. 大字典 – 汉语大字典 / 汉语大字典编辑委员会编. — 2-е изд. — 武汉,成都: 崇文书局, 四川辞书出版社, 2010.
45. 李经纬. 中医大辞典 / 李经纬[等]主编. 北京:中国中医研究院. 2006. 1377页.
46. 史有为, 商务印书馆辞书研究中心. 新华外来词词典. 北京: 商务印书馆, 2019.
47. 王维国. 外研社精编俄汉汉俄词典 / 王维国等编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.
48. 吴克礼 (ed.). 精选外汉汉外词典+系列 精选俄汉汉俄词典. 北京: 商务印书馆, 2019.
49. 现代词典 – 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. 北京. 1978. 1566页
50. 张建华 (ed.). 现代俄汉双解词典 / 张建华等编. –北京: 外语教学与研究出版社, 1992
51. 中国历史 – 中国历史大辞典编纂委员会. 中国历史大辞典 (上下) 上. 上海辞书出版社, 2000.
52. 中国方志 – 《中国方志大辞典》编辑委员会. 中国方志大辞典: 浙江人民出版社, 1988
53. 周扬. 中国大百科全书·中国文学 (第I卷). 北京: 中国大百科全书出版社, 1986. 537页

Список печатных и электронных источников

1. ААБ – Блок, А. А. Собрание сочинений в 9 томах / А. А. Блок. – Москва: Гослитиздат, 1962.

2. ААВ – Вознесенский, А. А. Собрание сочинений в трёх томах / А. А. Вознесенский. – Т. 1. Москва: Худ. лит, 1983.
3. ААД – Дельвиг, А. А. Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма / А. А. Дельвиг; Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро. – Ленинград: Худ. лит., 1986. – 472 с.
4. ААО – Оцуп, А. А. (Сергей Горный). Сквозь сон (На острове Кипре) / А. А. Оцуп // Сполохи. 1922, март. №5. – С. 21-26.
5. АГН – Найман, А. Г. [Стихотворения] / А. Г. Найман // Арион: журнал поэзии. 1996. №1. – С. 9-13.
6. АМГ – Горький, А. М. Собрание сочинений в 30 томах / А. М. Горький. Том 8. Москва: ГИХЛ, 1950. – 509 с.
7. АНТ – Толстой, А. Н. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8 / А. Н. Толстой. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 568 с.
8. АПЧ – Чехов, А. П. Случай из практики / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / А. П. Чехов. Т. 10. Москва: Наука, 1977. – С. 75-85.
9. АСП – Пушкин, А. С. Собрание сочинений в десяти томах / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959.
10. АФК – Вельтман, А. Ф. Романы / Сост., вступ. статья В.И. Калугина; Послесл. и коммент. А.П. Богданова / А. Ф. Вельтман. – Москва: Современник, 1985. – 524 с. (Из наследия).
11. БАН – Нарциссов, Б. А. Письмо самому себе / Б. А. Нарциссов. – Москва: Водолей, 2009.
12. БКЗ – Зайцев, Б. К. Афон / Б. К. Зайцев. – Paris: YMCA press, 1928. – 126 с.
13. ВАР – Рождественский, Вс. А. Стихотворения / Вс. А. Рождественский. – Ленинград: Сов. пис., 1985. (Библиотека поэта. Большая серия).

14. ВАС – Соллогуб, В. А. Избранная проза В. А. Соллогуб. Москва: Правда, 1983. – 528 с.
15. ВАСл – Слепцов, В. А. Трудное время: Очерки, рассказы, повесть: [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Лысенко] / В. А. Слепцов. Москва: Современник, 1986. – 493 с. (Классическая б-ка «Современника»).
16. ВАСо – Соснора, В. А. Всадники / [Предисловие Д. Лихачева] / В. А. Соснора. – Ленинград: Лениздат, 1969. – 111 с.
17. ВВК – Катанян, В. В. Прикосновение к идолам / В. В. Катанян. Москва: Вагриус, 1997. – 448 с.
18. ВВН – Набоков, В. В. Стихотворения / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. (Новая библиотека поэта. Большая серия).
19. ВИМ – Майков, В. И. Избранные произведения / В. И. Майков. – Москва; Ленинград: Сов. пис., 1966. (Библиотека поэта; Большая серия).
20. ВПА – Аксёнов, В. Коллеги / В. Аксёнов. Москва: Сов. писатель, 1961. – 208 с.
21. ВЯБ – Брюсов, В. Я. Собрание сочинений в 7 томах / В. Я. Брюсов. – Москва: Худ. лит., 1973.
22. ГРД – Державин, Г. Р. Сочинения: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота Т. 2: Стихотворения, ч. 2: [1797-1808 гг.] / Г. Р. Державин. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1865.
23. ЕАБ – Баратынский, Е. А. Полное собрание стихотворений. В 2 т. Т. 2: Поэмы / Е. А. Баратынский. – Ленинград: Сов. пис., 1936.
24. ИАГ – Гончаров, И. А. Фрегат "Паллада" : очерки путешествия в 2 т. / И. А. Гончаров ; изд. подгот., [примеч. сост.] Т. И. Орнатская ; отв. ред. Д. В. Ознобишин ; АН СССР. – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1986. – 879 с.

25. ИАК – Крылов, И. А. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 3 / И. А. Крылов. – Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1946. – 615 с.
26. ИИЧФ – Знаменитый чай со слоном. История Иркутской чаеразвесочной фабрики // URL: <https://www.weacom.ru/articles/info/196712>
27. КАБ – Большаков, К. А. Солнце на излёте / К. А. Большаков. – Москва: Центрифуга, 1916.
28. КДБ – Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений в 7 томах / К. Д. Бальмонт. – Москва: Книговек, 2010.
29. ККВ – Вагинов, К. К. Стихотворения и поэмы / Подгот. текстов, сост., вступ. ст., примеч. А. Герасимовой / К. К. Вагинов. – Томск: Водолей, 1998.
30. ККС – Случевский, К. К. Стихотворения и поэмы / К. К. Случевский. – Москва: Сов. пис., 1962. – 468 с.
31. КФР – Рылеев, К. Ф. Думы / К. Ф. Рылеев. – Москва: Наука, 1975. – 255 с.
32. МВЩ – Щербаков, М. В. Жень-Шень / М. В. Щербаков // Дальний Восток. 2011. №2. – С. 172.
33. МИЦ – Цветаева, М.И. Собрание сочинений в семи томах. Том 3. Книга 1: Поэмы. Поэмы-сказки / М. И. Цветаева. – Москва: Терра; Книжная лавка – РТР, 1997.
34. ММЗ – Зощенко М.М. Собрание сочинений в 7 т. / Состав, и примеч. И. Н. Сухих. Т. 7. Москва: Время, 2008. – 784 с.
35. МЮЛ – Лермонтов, М. Ю. Полное собрание стихотворений в 2 т. Т. 1: Стихотворения и драмы. 1828-1836 / М. Ю. Лермонтов. – Ленинград: Сов. пис., Ленингр. отд., 1989.
36. НКРЯ = Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>

37. НСГ1 – Гумилёв, Н.С. Жемчуга: стихи / Н. С. Гумилёв. – Москва: Скорпион, 1910. – 182 с.
38. НСГ2 – Гумилёв, Н.С. Сочинения в трёх томах / Н. С. Гумилёв. Т. 1: Стихотворения. – Москва: Худ. лит, 1991.
39. РМР – Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний / Предисл. и коммент. В. М. Мокиенко / М. И. Михельсон. В 2 т. Москва: Русские словари, 1994.
40. САЕ – Есенин, С. А. Полное собрание сочинений в 7 томах / С. А. Есенин. – Москва: Наука, 2002.
41. САК – Клычков, С. А. Стихотворения / С. А. Клычков; Сост. М. Никё. – Paris: YMCA-PRESS, 1985. – 183 с.
42. СНМ – Соколова, М. И. Народная мудрость: Пословицы и поговорки / М. И. Соколова. Новосибирск: Офсет, 2009. – 622 с.
43. Silk. // URL: https://www.etymonline.com/search?q=silk&ref=searchbar_searchhint
44. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1124/c31521-9788474.html>
45. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1129/c31518-9636657.html>
46. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/241241456>
47. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0905/c31516-9264412.html>
48. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0904/c31521-9756706.html>
49. URL: <https://ria.ru/20100724/257999331.html?all>
50. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1109/c31521-9777812.html>
51. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/68282.htm>
52. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4fb02e6b0102z0ie.html
53. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8120347>
54. URL: <https://ria.ru/20201219/kitay-1590003815.html>

55. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1109/c31521-9777800.html>
56. URL: <http://www.mee.gov.cn/zjhb/lcj/>
57. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1651216627832611690&wfr=spider&for=pc>
58. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm
59. 湖广 . [электронный ресурс] // URL: <https://baike.baidu.com/item/湖广/3781335?fr=aladdin>
60. 黄河 . // URL: http://www.yellowriver.gov.cn/hhyl/hhgk/hd/lj/201108/t20110814_103444.html
61. 京报 (明清 《 京报 》) . // URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%AC%E6%8A%A5/17516?fr=aladdin>
62. 人民大街 . // URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%A4%A7%E8%A1%97/7278686?fr=aladdin>
63. 太平天国农民战争沉重打击清王朝统治 . // URL: https://news.ifeng.com/history/special/taipingtianguo/201001/0114_9267_1511085.shtml
64. 砖茶 . // URL: [https://baike.baidu.com/item/%E7%A0%96%E8%8C%B6/658178?fr=aladdin#reference-\[1\]-35486-wrap](https://baike.baidu.com/item/%E7%A0%96%E8%8C%B6/658178?fr=aladdin#reference-[1]-35486-wrap)
65. 1655年起, 西方古地图中的宿迁、沭阳、桃源(泗阳) // URL: https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingsuper?context=%7B%22nid%22%3A%22news_9197811895979164596%22%7D&n_type=-1&p_from=-1

